

Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное
научное учреждение культуры
«Дальневосточная государственная
научная библиотека»

Федеральное государственное
бюджетное учреждение
«Хабаровский организационно-
методический центр
Дальневосточного отделения
Российской академии наук»

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хабаровский государственный
институт культуры»

Научно-практический журнал
Издаётся с ноября 2007 года
(до сентября 2016 года
выходил под названием
«История и культура Приамурья»)
Выходит 2 раза в год

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

№ 1 (23) / 2018

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Воронов Борис Александрович
сопредседатель
(Хабаровский организационно-методический центр ДВО РАН)

Минакир Павел Александрович
сопредседатель
(Институт экономических исследований ДВО РАН)

Федосов Александр Вячеславович
сопредседатель
(Правительство Хабаровского края, министерство культуры Хабаровского края)

Березницкий Сергей Васильевич
(Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург)

Букреев Александр Иванович
(Ленинградский областной институт развития образования, г. Санкт-Петербург)

Иванченко Сергей Николаевич
(Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск)

Флиер Андрей Яковлевич
(Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, г. Москва)

Чебанюк Татьяна Алексеевна
(Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет)

Шейкин Юрий Ильич
(Арктический государственный институт культуры и искусств, г. Якутск)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор
Скоринов Сергей Нестерович

Заместители главного редактора

Бляхер Леонид Ефимович
Савелова Евгения Валерьевна
Филаткина Ирина Викторовна
Якуба Татьяна Юрьевна

Руководители направлений
Байков Николай Михайлович
Готного Александр Васильевич
Ярулин Илдус Файзрахманович
(Точка зрения)

Брейтман Александр Семёнович
Качанова Елена Юрьевна
(Социокультурная реальность. Кафедра. Персона)

Алепко Александр Валентинович
Дубинина Нина Ивановна
(Историописание. Наследие)

Рубан Николай Иванович
Крюков Иван Владимирович
(Артефакт)

Завалишин Андрей Юрьевич
(Диалог культур и этносов)

Лысенко Светлана Юрьевна
Никитин Алексей Алексеевич
Шавгарова Анна Владимировна
(Художественная сфера)

Дробышевская Светлана Донатовна
Наумова Раиса Вячеславовна
(Библиография)

ПРЕДПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА
Выпускающий редактор **О. Н. Волкотрубова**
Вёрстка **А. П. Врублевский, Е.Е. Кравцова**
Корректор **С. А. Андык**
Перевод на англ. яз. **Н. С. Амплеева**

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-66926 от 25.08.2016 г.
ISSN 2542-1328 (Print)
ISSN 2541-8939 (Online), www.fessl.ru/KNDV/

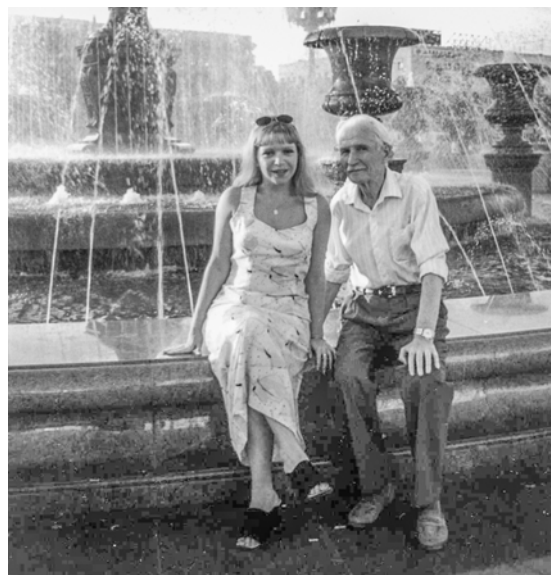
Адрес редакции:
680000, г. Хабаровск,
ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72
Тел. (4212) 32-72-20
E-mail: ivfilat@mail.ru, volkotrubova.olga@yandex.ru

© Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

СОДЕРЖАНИЕ:

▶ К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПОДПИСАНИЯ АЙГУНСКОГО ДОГОВОРА
Дальневосточная эпопея пограничного размежевания 4
Филонов Александр Михайлович

▶ К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ НАВОЛОЧКИНА
Мой отец Николай Наволочкин 12
Медведева Светлана Николаевна

Добрый свет таланта 18
Кузнецова Елена Фёдоровна, Ракова Ольга Алексеевна

▶ ТОЧКА ЗРЕНИЯ
Моделирование культуры в социальном аспекте 24
Флиер Андрей Яковлевич

Современная история: трагедия или фарс? (киноэтиюд о власти А. Балабанова «Жмурки») 31
Брейтман Александр Семёнович

▶ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
Особенности демографического перехода в современном Китае 34
Амплеева Наталья Сергеевна

В поисках дальневосточного стиля: хабаровский постмодернизм 38
Иванова Алина Павловна

В истории межгосударственных отношений России и Китая важное место занимают договорные документы по территориально-пограничным вопросам. Для российского Дальнего Востока на первом месте стоит Айгунский договор 1858 года, закрепивший начало второго этапа освоения русскими людьми Приамурья и Приморья. Этот документ важен и для России в целом.

В Китае наблюдается демографический переход, который характеризуется сменой традиционного типа воспроизводства (рождаемость и смертность высоки — численность населения растёт медленно) современным (низкая рождаемость и смертность — невысокий естественный прирост).

Свиридов был одним из многих архитекторов русского зарубежья, однако далеко не все из них оказали столь заметное влияние на развитие архитектуры Харбина в первой половине XX столетия. Он не только проектировал и строил, но ещё и преподавал архитектуру в Харбинском политехническом институте, работал много лет деканом строительного факультета. Его имя помнят ещё и сегодня бывшие его студенты — выпускники Харбинского политехнического института, живущие в разных странах.

► ИСТОРИОПИСАНИЕ
Зодчий и педагог Пётр Свиридов: из Петербурга в Китай, Южную Африку и Австралию 44
 Крадин Николай Петрович

Топонимика Камчатки: особенности исторического развития и связь с историей освоения полуострова 51
 Тарасов Олег Юрьевич, Шульженко Николай Владимирович

История заселения Нижнего Амура в дореволюционный период 56
 Белых Анна Станиславовна

Имя Николая Кубяка на карте Хабаровска 64
 Ходжер Елена Григорьевна

Помощь Советского Союза Китайской Народной Республике в строительстве Автомобильного завода № 1 (1953–1956 гг.) 69
 Волкотрубова Ольга Николаевна

► ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЭТНОСОВ
Диалектные названия болтливых людей в русских говорах Приамурья 78
 Приходько Виктория Константиновна

► ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СФЕРА
Начало становления отечественного джаза 83
 Тринеева Инна Михайловна

Что такое искусство и как его понимать? (Попытка популярного размышления на тему) 89
 Бабуров Владимир Филиппович

В холодную осень 1941 года в военную историю страны и в советскую литературу вошло слово «блокада». В те дни по горячим сводкам Совинформбюро газетный хроникёр Сергей Феоктистов оперативно писал о блокадных испытаниях осаждённого города на Неве, воспевал мужество его жителей и воинов. «Поэзия — самый короткий путь к сердцу читателя», — считал политрук и каждой строкой закреплял веру земляков в успешном, победном отпоре краснозвёздных защитников города Ленинграда.

С 2014 года в Дальневосточной государственной научной библиотеке ведётся научная работа по изучению коллекции фотоальбомов. В 2017 году было решено обратиться к исследованию краеведческой части коллекции. Фотографии, хранящиеся в Центре консервации документов и изучения книжных памятников, стали документальными свидетельствами многих событий истории нашего края.

Первая часть книги «Русские инженеры и архитекторы в Китае» посвящена деятельности наиболее ярких представителей русской архитектурно-инженерной диаспоры в Китае, начавшейся в конце XIX века и продолженной в период эмиграции после 1917 года.

► НАСЛЕДИЕ
Запомним братство боевое на всю оставшуюся жизнь 99
 Феоктистова Светлана Сергеевна

► КАФЕДРА
Использование информационных ресурсов научной библиотеки вуза в преподавании математики 103

Ряйсянен Татьяна Николаевна, Уленгова Татьяна Георгиевна

► НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ
Развитие профессиональных компетенций специалистов общедоступных библиотек Хабаровского края в рамках системы повышения квалификации: по материалам исследования 108
 Ромашкина Татьяна Анатольевна

Отражение семантико-стилистического своеобразия поэзии Ли Цинчжао в переводе на русский язык 113
 Барашкова Дарья Сергеевна

► АРТЕФАКТ
Переписка членов Забайкальской и Амурской экспедиций с командиром Удского края Аммосовым (автографы Н. Х. Агге, Л. Э. Шварца и Г. И. Невельского) 117
 Воропаева Александра Валерьевна

Дарственные надписи на книгах Н. И. Гродекова (из коллекции фонда редких и ценных изданий Дальневосточной государственной научной библиотеки) 127
 Радишаускайте Наталья Витаутовна

Краеведческая часть коллекции фотоальбомов фонда редких и ценных изданий Дальневосточной государственной научной библиотеки (общее описание) .. 135
 Загородняя Кристина Андреевна

► БИБЛИОГРАФИЯ
Книжные памятники — на пользу просвещению и науке 147
 Лютова Надежда Константиновна

Краеведческие издательские проекты Сахалинской области 151
 Наумова Раиса Вячеславовна

Повествование о русских инженерах и архитекторах, обустроивших Китай в XIX–XX веках 156
 Пасмурцев Александр Владимирович

Информация для авторов 159

► К 160-летию со дня подписания Айгунского договора

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЭПОПЕЯ ПОГРАНИЧНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ

В истории межгосударственных отношений России и Китая важное место занимают договорные документы по территориально-пограничным вопросам. Для российского Дальнего Востока на первом месте стоит Айгунский договор 1858 года, закрепивший начало второго этапа освоения русскими людьми Приамурья и Приморья. Этот документ важен и для России в целом.

Ключевые слова: Айгунский договор, Российская империя, Цинская империя, Приамурье, Приморье, Амур, Уссури, Шилка, Пекинский договор, Н. Н. Муравьев.

Keywords: The Treaty of Aigun, the Russian Empire, Qing Empire, Priamurye, Primorye, the Amur River, the Ussuri River, the Shilka River, the Convention of Beijing, N. N. Muravyov (also spelled as N. N. Muraviev).

Обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке в связи с Крымской войной (1853–1856 гг.), ускорила урегулирование нерешённых проблем в отношениях между Россией и Китаем, и прежде всего определение границы в «ничейных землях», выработку режима плавания судов по Амуру и Уссури и создание условий для русско-китайской торговли в этих районах.

Позиция русской стороны в отношении этих вопросов довольно полно была отражена в докладе сибирских администраторов, представленном в мае 1855 года великому князю Константину, где отмечалось, что, пока русские суда не смогут свободно ходить по Амуру, нельзя будет «удержать за собой укрепленное положение в устье его», в результате чего последнее может быть захвачено англичанами. Необходимость возвращения Россией Приамурья определялась и тем, что Амур даёт выход на остров Сахалин, богатый каменным углём и рыбой, через Амур проходит удобнейший путь до Камчатки, Америки и островов Океании и без этой реки «никогда не разовьются промышленные силы Сибири».

Переговоры о новой пограничной линии начались 9 сентября 1855 года на русском Мариинском посту близ устья Амура, как это было предложено генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьёвым. Однако, узнав о предложении русской стороны провести границу по Амуру до впадения в него Уссури, цинские представители отказались обсуждать его, сославшись на отсутствие необходимых полномочий [6, с. 211–213].

Но заинтересованность в укреплении дружественных отношений с Россией диктовалась для Китая военно-политическими соображениями. В 1856 году Англия и Франция развязали Вторую опиумную войну, в результате которой в декабре 1857 года англо-французские войска захватили Гуанчжоу и основательно разрушили его, а вслед за тем повели наступление на Тяньцзинь. Пользуясь внутренними затруднениями цинского правительства, Англия пыталась заставить его отказаться от проведения русско-китайских переговоров по вопросам территориального разграничения в Приамурье и Приморье, одновременно призывая своих союзников — Францию и США — к активным действиям против России в Приамурье.

В то же время англичане пытались склонить и Россию к совместному выступлению против Китая и таким путём помешать сближению этих стран. Однако на обращение послов Англии и Франции в Петербурге к русскому правительству с предложением присоединиться к требованиям, выдвинутым западными державами перед Китаем, Министерство иностранных дел Российской империи ответило отказом, а 1 июня 1857 года по поручению возглавлявшего его князя А. М. Горчакова через русского посла в Париже графа

П. Д. Киселёва подтвердило, что в отношении Китая Россия «не присоединится ни к каким насильственным мерам» и «не прибегнет к языку угроз». Совпадение интересов России и Китая в этот конкретный исторический период создавало благоприятную обстановку для дальнейшего русско-китайского сближения [5, с. 306–307].

В начале 1857 года русское правительство приняло решение направить в Китай миссию во главе с вице-адмиралом графом В. Е. Путятиным, которому поручалось провести переговоры о распространении на Россию тех льгот для морской торговли в открытых портах, какие были получены иностранными государствами, а также о дальневосточных границах с Китаем. Путятину, направившемуся в Пекин через Кяхту, были даны строгие указания не вмешиваться во внутренние дела Китая, добиваясь решения вопросов дипломатическим путём. Инструкция, данная ему русским правительством, предписывала заключить новый трактат с Китаем, причём первый пункт этой инструкции подчёркивал: «Из всех вопросов, решение которых обращает на себя особое внимание, первый и самый главный должен состоять в определении прав наших на реку Амур» [4, с. 437].

Позиция правительства Российской империи в отношении Китая в этот период достаточно ясно была выражена директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел Е. П. Ковалевским. «Интересы наши [в Китае] слишком отличны от интересов других европейских держав... — писал он, — взятие европейцами Пекина, как и взятие англичанами Герата, будет для нас одинаково чувствительно и не дозволит нам ни в коем случае оставаться равнодушными зрителями: первое — парализует все наши начинания на берегах Великого океана и Амура; второе — ставит во власть англичан всю Среднюю Азию».

Цинские власти, однако, отказались пропустить Е. В. Путятину в Пекин, и он вынужден был по Амуру спуститься в Николаевск и оттуда морем на пароходе «Америка» отправиться в Тяньцзинь. Путятину и здесь долгое время не удавалось приступить к переговорам с цинским правительством, которое объясняло свою позицию различными причинами, в том числе и тем, что Тяньцзинь «собственно, ни есть место для приема послов». В одном из ответов китайской стороны указывалось, что вопрос о границе должен быть решён на месте, и Е. В. Путятину рекомендовалось вернуться на границу.

Глава Русской духовной миссии в Пекине архимандрит Палладий ещё до приезда Путятину сообщал Н. Н. Муравьёву, что уклончивая позиция Китая объясняется опасениями, как бы урегулирование этого вопроса не побудило Англию выдвинуть новые требования и объединиться с повстанцами против цинской династии. Последующие переговоры показали, что даже среди высших сановников

цинского двора имелись сторонники сближения с Россией и быстрого урегулирования пограничных, навигационных и торговых проблем.

Ситуация, сложившаяся в ходе переговоров Е. В. Путятину, убеждала русское правительство, что надеяться на быстрое достижение соглашения не приходится и целесообразнее продолжить переговоры о границе на Амуре, куда, по имевшейся информации, цинские чиновники готовы были направиться. К тому же Путятин не всегда действовал в соответствии с директивами правительства и в некоторых случаях вносил не соответствующие политике России предложения. Так, на Особом совещании с участием министров было отклонено его предложение об оказании давления на Китай путём присоединения к западным державам и применения силы.

5 января 1858 года (24 декабря 1857 года по старому стилю) Е. В. Путятину была направлена следующая инструкция: «Интересы наши и западных держав так различны, что для нас права и преимущества, которые последние могут вытребовать для себя на китайских морях, недостаточно важны, чтобы рисковать своими выгодами на сухопутной границе».

Ещё в конце 1857 года китайская сторона (Лифаньюань) была уведомлена, что продолжение переговоров об уточнении границы вдоль Амура и Уссури и о плавании по этим рекам поручено Н. Н. Муравьёву. 10 мая 1858 года в Айгуне (на правом берегу Амура, в Айгуньцуне — 35 км ниже современного г. Хэйхэ) Муравьёв встретился с уполномоченным цинского императора — хэйлунцзянским главнокомандующим И Шанем. В ходе шестидневных переговоров стороны предъявляли друг другу разнообразные претензии в несоблюдении прежних договоров. Так, китайская сторона выразила недовольство тем, что Россия заселяет левобережные земли Амура якобы в нарушение Нерчинского договора 1689 года. Представители русского правительства подчёркивали, что Китай первым нарушил Нерчинский договор, поселив группу маньчжуров в устье Зеи. Они выражали неудовлетворение в связи с тем, что на предложение России совместно оборонять Амур от угрозы вторжения западных держав не было дано ответа. Далее русская сторона отмечала, что цинские власти были своевременно уведомлены о перевозке русских войск по Амуру и учреждении на левобережье Амура военных постов. На переговорах подчёркивалось, что отказ цинских властей принять русского посла также является нарушением Нерчинского договора [5, с. 308–309].

Наконец, 16 мая 1858 года (28 мая по новому стилю) был подписан русско-китайский Айгунский договор. По предложению китайской стороны в его преамбуле было указано, что договор заключён «по общему согласию,

ради большой вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных и для защиты от иностранцев». В переговорах стороны не пришли к соглашению об установлении границы по реке Уссури и далее до моря. Китайские представители пытались уверить, что в Уссурийском крае имеются земли родоначальников маньчжурской династии, и они не вправе решить вопрос о границе в Уссурийском крае. В связи с такими возражениями окончательная граница была определена лишь по Амуру до Уссури. «Левый берег реки Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья р. Амура, — говорилось в ст. 1 договора, — да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению до р. Уссури, владением Дайцинского государства». Что же касается территории «от р. Уссури далее до моря», то эти места и земли, указывалось в договоре, «впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне, да будут в общем владении Дайцинского и Российского государства». В этой статье также предусматривалось, что «по рекам Амуру, Сунгари и Уссури могут плавать только суда Дайцинского и Российского государств, всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно» [3, с. 18].

Айгунским договором были устранены территориальные ограничения в русско-китайской торговле, предусмотренные Кяхтинским договором (1727 г.): «Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля проживающим по рекам Уссури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств».

В Айгунском договоре отсутствуют какие-либо неравноправные условия. Вполне понятно поэтому, что в соответствии с решением Государственного совета от 2 июня 1858 года цинский император поспешил в указе объявить об утверждении всего, «о чем ведены были переговоры». При этом обратился к русским с призывом употребить «усилие усювестить англичан и французов, положить предел их несправедливым требованиям».

Российский император Александр II ратифицировал Айгунский договор 8 июля 1858 года и сделал на его тексте надпись: «Лучшего мы желать не можем».

Этот документ необходимо рассматривать в тесной связи с Тяньцзиньским договором. Практически в это же время Е. В. Путятину пришлось вести переговоры о заключении нового российско-китайского трактата в сложных условиях дипломатического лавирования и посредничества между цинским правительством и представителями Англии и Франции. Цинские сановники отказались обсуждать с Путятиним территориальные вопросы, сославшись на то, что на Амуре уполномоченным цинского правительства

И Шанем были возобновлены переговоры с Н. Н. Муравьевым о разграничении в Приамурье.

1 июня 1858 года, спустя две недели после заключения Айгунского договора, Е. В. Путятиным в Тяньцзине был подписан общий трактат об условиях политических взаимоотношений России с Китаем. Статья 9-я нового договора гласила: «Неопределенные части границ между Китаем и Россией будут без отлагательства исследованы на местах доверенными лицами обоих правительств, и заключенное ими условие о граничной черте составит дополнительную статью к настоящему трактату. По назначении границ сделаны будут подробное описание и карты смежных пространств, которые и послужат обоим правительствам на будущее время бесспорными документами о границах» [4, с. 484–485].

Таким образом, Айгунский договор являлся прелиминарным и находился в таком же отношении к Тяньцзиньскому, как Буринский к Кяхтинскому. Через три дня после подписания трактата цинские власти официально сообщили Е. В. Путятину об утверждении императорским указом всех статей Тяньцзиньского трактата, равно как и «новой границы между Китаем и Россией, по соглашению генерал-адъютанта Муравьева с главнокомандующим войсками Хэйлунцзян-округа И Шанем».

В ноябре 1860 года положения двух вышеназванных договоров подтвердил Пекинский дополнительный договор, по которому граница между Российской и Цинской империями на её восточном участке была проведена по пограничным рекам и суше от Монголии до Северной Кореи. «Красная черта» прошла вблизи китайского берега пограничных участков рек Аргуни, Амура, Уссури, Сунгачи, озера Ханка и далее по водораздельным хребтам до реки Туманной и по ней до моря [4, с. 352–354].

Айгунский договор явился важной вехой в отношениях между Россией и Китаем. Правда, некоторая часть высших маньчжурских сановников, всё ещё мечтавших воскресить экспансионизм цинских богдыханов XVII века, встретила его неодобрительно. Однако их позиция не соответствовала реальному положению Китая в середине XIX века, когда главные интересы китайского народа состояли в том, чтобы сохранить государственную независимость и территориальную целостность страны. Китай был не в меньшей степени, чем Россия, заинтересован в нормализации русско-китайских отношений, чему и соответствовали условия Айгунского договора.

Итак, разграничение 1858 года делимитировало русско-китайскую границу по Амуру. Необходимость пересмотра в этом плане Нерчинского трактата 1689 года заключалась не только в неопределённости его территориальных статей, но и в том, что большинство его положений устарело и

утратило силу, так как было нарушено цинским правительством. Территориальные статьи договора были нарушены маньчжурами самовольным переносом границы с Большой Горбицы (река Амазар) на Малую (приток реки Шилки) и отбрасыванием при публикации положения договора об оставлении земель в Приморье неразмежёванными. Кроме того, не пропустив в 1805 году в Пекин посольство Ю. Головкина, маньчжуры нарушили 5-ю статью Нерчинского договора о свободном проезде подданных обоих государств. Постановления Нерчинского договора о свободе торговли и юрисдикции были давно уже заменены соответствующими статьями Кяхтинского трактата и дополнениями к нему, подписанными в 1768-м и 1792 году. Естественно, при таком положении царское правительство имело полное основание потребовать пересмотра договора, тем более что возвращение к разграничению в этом районе было предусмотрено и буквой, и духом Нерчинского и Кяхтинского трактатов. Ввиду соблюдения маньчжурами оговорённого ещё в Нерчинске условия не заселять левобережье Амура, территории, находившиеся в силу этого под их неполным суверенитетом, в течение полутора столетий оставались почти пустынными. Само собой разумеется, Цинская империя вынуждена была бы рано или поздно и со своей стороны также попытаться пересмотреть условия Нерчинского трактата. Первым шагом маньчжурского правительства в этом направлении было создание в устье Зеи военных поселений, произведённое опять-таки в нарушение взятых обязательств.

Айгунский договор, заменивший 1-ю и 3-ю статьи Нерчинского трактата, являлся двусторонним соглашением, направленным в первую очередь против посягательств на район Амура третьих держав. В дипломатических целях эта сторона договора тщательно скрывалась обоими правительствами. При публикации русского текста договора опускалась часть преамбулы, гласившая, что он заключён «для охранения от иностранцев». В китайских изданиях целиком опускалась вся преамбула.

Эта направленность нашла своё отражение и в формулировке 1-й статьи договора — о судоходстве по Амуру, Сунгари и Уссури, разрешавшей плавание по этим рекам лишь судам России и Китая. Следует отметить, что в нарушение этого условия Китай до конца XIX века не допускал плавание русских судов по Сунгари.

При подписании договора русский представитель пошёл на уступку цинской стороне и согласился на оставление на прежних местах маньчжурских жителей, воздвигнувших в нарушение Нерчинского трактата поселения близ устья Зеи. Эти подданные цинского Китая оставались «вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали».

Означало ли это положение договора одновременно и уступку цинскому Китаю части территории в указанном районе? Нет, не означало. Формулировка текста договора ясно показывает, что оба правительства позаботились об охране интересов указанных жителей не отграничением заселённых ими земель в пользу Китая, а лишь договорённостью относительно защиты их прав маньчжурским правительством. Эта формулировка предполагала возможность совместного проживания на этой территории русских и цинских подданных, что было осуществимо лишь при верховной власти на ней русского правительства, которое и должно было следить за своими подданными, чтобы они не чинили маньчжурам обид и притеснений. Последние же, пользуясь правом экстерриториальности, в случае конфликтов могли апеллировать к своему правительству. В связи с этим совершенно несостоятельными выглядят попытки некоторых современных американских авторов трактовать территорию Зейской низменности как спорную, оставшуюся по Айгунскому договору за Китаем и позже захваченную Россией. Эти авторы идут на сознательную подмену понятий «население» и «территория».

Айгунский договор вернул России не все земли, уступленные ею в пользу Цинской империи при разграничении 1689 года. Статья 2-я Нерчинского трактата, по которой маньчжурам был отдан правый берег Аргуни, осталась без изменений [6, с. 311–313].

Хотя Айгунский договор не содержит неравноправных статей, однако в китайской и некоторой части советской историографии разграничение 1858 года часто трактовалось как «захват» Россией части китайской территории. Эта точка зрения является тенденциозной и не подтверждается конкретным историческим материалом. Установлением границы по Амуру Цинской империи пришлось вернуть России земли, отторгнутые от неё в конце XVII века. Причём пересмотр границы явился не результатом военных действий или демонстрации силы, а итогом многолетних (от посольства В. Ф. Братищева до подписания Айгунского договора прошло 100 с лишним лет) дипломатических переговоров заинтересованных стран.

Айгунский договор не решил всех пограничных вопросов. Он закреплял за Россией территорию, с которой она вынуждена была уйти в соответствии с Нерчинским договором 1689 года. За Цинской империей (ныне — КНР) остались русские земли по правому берегу реки Аргуни, а также земли бывшего Албазинского воеводства по правому берегу Верхнего и Среднего Амура. Но, опираясь на этот и Тяньцзиньский договоры, в ноябре 1860 года стороны подписали Пекинский дополнительный договор, о чём уже было сказано выше. Так была установлена государственная граница между Россией и Китаем на всей восточной части.

Таким образом, стороны определили пределы своих территорий от берега пограничной реки, острова на реках не делили, территории восточнее рек Амура и Уссури оставляли неразграниченными. Карты к этому договору не прилагали. Этими недостатками и воспользовалось правительство Китайской Народной Республики в середине 1960-х годов для нагнетания обстановки на границе и предъявления Советскому Союзу различных претензий. Как известно, в 1969 году на границе по вине китайской стороны были развязаны вооружённые конфликты. В результате длительных переговоров многие вопросы были урегулированы, но за счёт российской территории. Но это уже следующая страница истории межгосударственных отношений...

Веда речь об Айгунском договоре, нельзя не сказать о замечательных людях, внёсших громадный вклад в это историческое событие.

Айгунский договор — вершина дипломатического искусства генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва. Царь высоко оценил его продолжительную службу собственно в Восточной Сибири, но в первую очередь многотрудную деятельность по освоению и закреплению за Россией далёкой и практически не освоенной окраины. Ему был дарован титул графа Амурского [1, с. 527–528].

В этой связи напомним, что уже в 1849 году Н. Н. Муравьёв первым из губернаторов совершил служебное путешествие в Аян, Охотск и на Камчатку, в ходе которого изучал вверенный ему край, формулировал выводы и предложения для царского правительства. Не уповаая на мудрость далёкого Петербурга, часто принимал самостоятельные решения с последующим докладом царю. Для защиты Тихоокеанского побережья и Камчатки от англо-французского вторжения в 1854 году организовал первый сплав войск по Амуру. Потом были проведены ещё несколько сплавов. В 1851 году добился образования Забайкальского казачьего войска, а в 1860-м — Амурского. Так что казаки сразу же приступили к охране нового рубежа по Амуру и Уссури. Подписанию пограничного договора предшествовало и изучение края научными экспедициями.

Заслуги генерал-губернатора были отмечены: в 1891 году в Хабаровске был установлен памятник Николаю Николаевичу Муравьёву, простоявший на берегу Амура до 1925 года. Он вновь был восстановлен в 1992-м. По четырём сторонам цоколя на бронзовых досках были выбиты имена многих сподвижников генерал-губернатора, участников великого дела, в том числе и его супруги Екатерины Николаевны Муравьёвой. На доске с северной стороны запечатлены имена тех, кто присутствовал при заключении Айгунского договора.

Известно, что в историю освоения Приамурского края определённый вклад внесли участники Амурской экспедиции во главе с контр-адмиралом Геннадием Ивановичем

Невельским. На доске с западной стороны начертаны их имена, в том числе и супруги начальника экспедиции Екатерины Ивановны Невельской.

Контр-адмирал Пётр Васильевич Казакевич ещё с 1849 года, когда вместе с Г. И. Невельским прибыл в устье Амура, выполнил ряд важных заданий в интересах решения амурского вопроса. В 1856 году он был назначен первым военным губернатором Приморской области с центром в Николаевске-на-Амуре. Это он встречал Н. Н. Муравьёва в конце мая в устье Усури, и в его честь генерал-губернатор назвал строящуюся там станицу Казакевичевой.

Генерал-майор Михаил Семёнович Корсаков тоже был удостоен высоких наград в связи с заключением Айгунского договора. Как офицер по особым поручениям при Муравьёве (с 1848 г.) и организатор экспедиций по Амуру, он внёс большой вклад в освоение Приамурья. С 1862 года М. С. Корсаков — генерал-губернатор Восточной Сибири.

До сегодняшнего дня существуют сёла (бывшие станицы) Казакевичево, Корсаково, Невельское. Они как памятники не только этим офицерам, но и сотням русских людей, потом и кровью закрепивших дальневосточный край за Россией [6, с. 286–292].

Достойны всяческого упоминания и сподвижники Н. Н. Муравьёва — иерархи Русской Православной церкви на далёкой окраине. Это архиепископ Иннокентий (Вениаминов), урождённый сибиряк. Он был не только миссионером, но и просветителем и учёным. Святитель Иннокентий всемерно помогал Н. Н. Муравьёву в его непростой деятельности по заселению и обустройству громадных пространств Восточной Сибири и Дальнего Востока. Такую же работу проводил и протоиерей Александр Сизых.

После подписания Айгунского договора в Усть-Зейском посту состоялись большие торжества, соответствующие историческому событию. Преосвященный Иннокентий открыл крестный ход к походной Николаевской церкви при участии всего тогдашнего населения станицы с духовой музыкой, привезённой Муравьёвым из Иркутска, и импровизированными певчими. В походной церкви граф и святитель колени преклонённо возблагодарили Господа за возвращение в достояние Российской державы Амурского края. А в знак сего в двух сажнях от храма, на южной стороне его, воздвигнуто было государственное знамя, показывавшее, что отныне и навсегда страна Амурская принадлежит русскому государству.

После благодарственного молебна святитель Иннокентий обратился к генерал-губернатору с речью: «Наконец Господь помог тебе совершить одно из вековых дел. Благословен Господь Бог, устроивший это дело так вожделенно, мирно, дружелюбно и без посредства оружия... Не время и не место исчислять все твои заботы, усилия, труды, борения... Их вполне может оценить только будущее население края и история» [2, с. 206].

Затем Н. Н. Муравьёв отдал по Забайкальскому казачьему войску и военным управлениям по Амурской линии следующий приказ: «Товарищи! Поздравляю вас, не тщетно трудились мы, — Амур сделался достоянием России, святая церковь молится за нас, Россия благодарит. Да здравствует император Александр и процветает под кровом его вновь приобретенная страна, — ура!» [1, с. 514].

Приказ был прочитан перед казаками Благовещенска и сотнями Забайкальского казачьего войска. Праздник носил большой эмоциональный заряд и имел громадное воспитательное значение.

Здесь же отметим, что Благовещенск — один из старейших городов Дальнего Востока России, занимает особое место в освоении Приамурья. За два года Усть-Зейский военный пост превратился в город и административный центр вновь созданной Амурской области.

Особо подчеркнём, что многие исследователи незаслуженно забывают о большом вкладе в возвращение России в Приамурье и Приморье ещё двух правительственных экспедиций. Если о дипломатической экспедиции адмирала Е. В. Путятина кратко сказано выше в связи с заключением Тяньцзиньского договора, то сведения о беспримерном вкладе Забайкальской секретной экспедиции подполковника Н. Х. Агте стали доступными лишь недавно.

Итоги Забайкальской экспедиции таковы: она продолжалась три года — с 1849-го по 1852 год. Было обследовано около трёх миллионов квадратных километров, и большая часть этой территории фактически открыта заново. Протяжённость маршрутов участников экспедиции превышает 20 тысяч километров, определены координаты 75 пунктов и составлены наиболее точные для того времени карты обследованной территории: Байкала, Даурии, Станового хребта и Буреинских гор; собраны обширные сведения о растительности, животном мире, климате, полезных ископаемых Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Главным же итогом экспедиции были сведения, позволившие включить в состав России Восточное Приамурье и давшие возможность Н. Н. Муравьёву провести переброску войск по Амуру во время Крымской войны в 1854 году, что способствовало успешной обороне устья Амура, Приморья, Петропавловска-Камчатского.

Оценивая в целом Забайкальскую экспедицию Н. Х. Агте, подчеркнём главное.

1. Это убедительный пример верной оценки императором России Николаем I геополитической обстановки и принятия упреждающего решения по парированию возникшей угрозы российским владениям на тихоокеанском побережье Азии и Америки.

2. Забайкальская экспедиция сыграла важную роль в процессе становления современной российско-китайской

границы. Масштаб её деятельности и полученные результаты по ряду параметров превышают значение Амурской экспедиции Г. И. Невельского. Она фактически разрешила пограничный вопрос, который встал перед Петербургом в конце 1840-х годов. Члены экспедиции доказали, что груды камней, найденные А. Ф. Миддендорфом на Становом хребте и принятые им за цинские пограничные знаки, таковыми не являлись, что Становой хребет не упирается в Охотское море и не может служить в качестве пограничного. Вследствие чего Петербург отказался от идеи проведения границы с Цинской империей по Становому хребту, к которой он склонялся до этого. Это положение довольно сложно было соотносить с положением Нерчинского договора и с географией Приамурья, поэтому требовалось заменить этот договор новым, так как на Нижнем Амуре проживали независимые от Китая племена.

Забайкальская экспедиция обнаружила ряд нарушений Нерчинского и Кяхтинского трактатов цинской стороной, что давало России повод к односторонним действиям и пересмотру прежних договоров. Результаты экспедиции побудили руководство Российской империи пойти на ревизию русско-цинской границы на Дальнем Востоке, установление в 1853 году новой границы в Приамурье и присоединение Нижнего Амура.

Эти итоги вместе с другими факторами позволили Петербургу инициировать переговорный процесс с Пекином с использованием новейших научных сведений о регионе. Это привело, в конечном итоге, к заключению Айгунского (1858), Тяньцзиньского (1858) и Пекинского (1860) договоров, оформивших современную границу между Россией и Китаем на основе широко распространённой тогда теории «естественной границы» (по Амуру), предложенной Н. Х. Агте и другими участниками Забайкальской экспедиции.

З. Н. Н. Муравьёв, став координатором работы двух экспедиций, синхронизировал комплексное исследование обширного района от побережья Тихого океана до реки Шилки. Этим шагом он невольно отстранил чиновников из Петербурга от излишнего контроля за деятельностью Н. Х. Агте и Г. И. Невельского, ведущего к замедлению темпов их работы. В итоге обе экспедиции были завершены до начала Восточной (Крымской) войны.

Так началось окончательное утверждение России в Приамурье. Забайкальская экспедиция стала крупным шагом в восстановлении суверенных прав России на Дальнем Востоке [6, с. 195–196].

Успешное начало переговоров по Айгунскому договору дало Н. Н. Муравьёву возможность ускорить основание военного поста в заранее выбранном месте. Не дожидаясь официального окончания переговоров, он отправил отряд солдат 13-го линейного батальона для закладки военного поста Хабаровки. Капитан Я. В. Дьяченко с этой задачей справился успешно. Поэтому всего лишь три дня разделяют

даты подписания Айгунского договора и закладки Хабаровки, что можно считать и первым вкладом капитана Дьяченко в практическую реализацию этого пограничного документа.

Около шести лет Я. В. Дьяченко проходил службу на хабаровском направлении, где складывающаяся обстановка потребовала от него проявления разносторонних качеств. Успешная деятельность командира батальона на Амуре была замечена генерал-губернатором Восточной Сибири, после чего последовали новые обязанности. С установлением госграницы возникла настоятельная необходимость в организации управления процессом заселения нашей территории. 6 октября 1858 года Н. Н. Муравьёв поручил Я. Дьяченко «главное заведование вновь поселившимися Уссурийского батальона Амурского казачьего войска и заведование туземцами, живущими до Горина вниз по р. Амуру». Все поселенцы по левому берегу Амура и проживающие в этих местах местные жители были в его ведении. Дело в том, что численность туземцев возросла: на русскую сторону Амура потянулись гольды (прежнее название нанайцев), проживавшие ранее по реке Сунгари и пострадавшие от притеснения маньчжур. Поскольку переселение стало массовым, то маньчжурские власти установили военные посты по берегам Сунгари для задержания гольдов, но некоторая часть из них всё же прорвалась в русские пределы.

Известно также, что на следующий год сфера деятельности Я. Дьяченко опять расширилась. 18 сентября 1859 года он получил от генерал-губернатора новое поручение: «заведовать устройством вновь вольно переселившихся из внутренних губерний России казенных крестьян...», что и исполнял до прибытия назначенного исправника, то есть до 18 сентября 1860 года. Перед этим за отличия по службе Я. Дьяченко был произведён в майоры. Очевидно, в этой связи в октябре 1859 года Я. Дьяченко передал свои полномочия по управлению Хабаровкой полицейскому исправнику, а дела военные — начальнику постовой команды.

Яков Васильевич Дьяченко внёс весомый вклад в организацию охраны и защиты госграницы не только на хабаровском направлении, но и на участке границы от станицы Казакевичевой до реки Тумень-Ула. Я. В. Дьяченко командовал своим линейным батальоном до 1863 года. За пять лет батальон, построив Хабаровку и несколько десятков селений, был переведён в пост Камень-Рыболов на озере Ханка, а командир батальона получил новое назначение. Он принял Уссурийский пеший казачий батальон, штаб которого находился в станице Казакевичевой. Около двух лет Я. Дьяченко, теперь уже подполковник, непосредственно отвечал не только за охрану границы по Уссуре, но и продолжал её обустройство. Для несения пограничной службы и поддержания сухопутной связи с южными районами Приморья в середине 1863 года он получает 100 лошадей.

Позже он был назначен начальником Новгородского военного поста в Посьете, но это уже другая страница истории [7, с. 4].

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что во второй половине XIX века согласно ст. 1 Айгунского договора был определён участок границы России с Цинской империей по Амуру — от слияния Аргуни и Шилки до реки Уссури. После заключения этого договора освоение русскими людьми Приамурья продолжалось в неослабевающем темпе.

Для Приамурья последняя неделя мая богата событиями пограничной тематики. Истории так угодно было распорядиться, что ежегодно в конце весны отмечаются две символические даты. В этом году хабаровчане будут праздновать 160-летие Хабаровска и Айгунского договора, а также 100-летие образования пограничной охраны России.

Вот такая прямая и непосредственная цепочка причинных связей выстраивается при упоминании Айгунского договора, многие другие положения которого и сегодня актуальны.

Список использованных источников

1. Барсуков, И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский : биогр. материалы по его письмам, офиц. документам, рассказам современников и печат. источникам. Кн. 1 / И. Барсуков ; Приамур. геогр. о-во. — Репр. изд. — Хабаровск : Б. и., 1999. — 672 с.
2. Гладких, Т. И. Иннокентий (Вениаминов) : Ученый, педагог, просветитель : док. повествование / Т. И. Гладких ; [авт. вступ. ст. А. М. Филонов]. — Хабаровск : Приамур. ведомости, 2016. — 334 с.
3. Дипломатический словарь : в 3 томах. Т. 1 : А–И. / гл. ред. А. А. Громыко [и др.]. — 4-е перераб. и доп. изд. — Москва : Наука, 1984. — 422 с.
4. Дипломатический словарь : в 3 томах. Т. 2 : К–Р. / гл. ред. А. А. Громыко [и др.]. — 4-е перераб. и доп. изд. — Москва : Наука, 1985. — 502 с.
5. Мясников, В. С. Договорными статьями утвердили : Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. / В. С. Мясников ; Рос. АН, Ин-т Дальнего Востока, Приамур. геогр. о-во. — Хабаровск : Б. и., 1997. — 543 с.
6. Филонов, А. М. Амурская экспедиция Г. И. Невельского. Взгляд из XXI века / А. М. Филонов. — Хабаровск : Хабар. краев. тип., 2013. — 334 с.
7. Филонов, А. М. Яков Васильевич Дьяченко — первостроитель, страж границ, военный дипломат / А. М. Филонов // Материалы городской научно-практической конференции, посвящённой 190-летию одного из основателей города Хабаровска, командира 13-го Сибирского линейного батальона капитана Я. В. Дьяченко : [сб. докл., 25 апр. 2007 г.]. — Хабаровск, 2007. — С. 2–7.

Материал поступил в редакцию 09.01.2018 г.

Сведения об авторе: Филонов Александр Михайлович, военный историк, почётный гражданин г. Хабаровска, полковник погранвойск в отставке.

▶ К 95-летию со дня рождения Николая Наволочкина

МЕДВЕДЕВА СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА

МОЙ ОТЕЦ НИКОЛАЙ НАВОЛОЧКИН

В своих воспоминаниях дочь писателя-фронтовика Николая Дмитриевича Наволочкина (05.01.1923–20.09.2013) описывает отца через яркие детские впечатления, порой бытовые мелочи, через его отношение к тем или иным явлениям жизни. В качестве иллюстраций приведены страницы дневника, который писатель вёл вместе со своими детьми в 1968 году, будучи на отдыхе в Ташкенте.

Ключевые слова: Николай Наволочкин, Хабаровск, писатели-фронтовики, Николаевка, Хабаровский педагогический институт.

Keywords: Nikolai Navolochkin, Khabarovsk, writers-front-line, Nikolaevka, The Far Eastern State University of Humanities.

Для многих хабаровчан имя дальневосточного писателя Николая Дмитриевича Наволочкина знакомо с детства. Он создал замечательные произведения: «Каникулы кота Егора», «Полудница Акуля», «Шли радисты», «После дождичка в среду», «Амурские вёрсты» и многие другие. Но для меня он прежде всего мой отец.

Николай Дмитриевич Наволочкин, 2000 год.

Мои первые детские воспоминания начинаются лет с трёх. Жили мы тогда с отцом и мамой в комнате с балконом с видом на Амур, в квартире с подселением на улице Волочаевской. Соседи, которые занимали вторую комнату, были хорошие. Родители с ними дружили.

Н. Д. Наволочкин дома со своей семьёй, 1970 год.

Отец работал в Хабаровском книжном издательстве (1951–1958). В то время он писал только стихи. Уже тогда, в 1950-х годах, у него вышел сборник стихов для детей «На Амуре». Потом родился мой брат Вова, который был на три года младше меня, и мы переехали в большую трёхкомнатную квартиру на улице Карла Маркса. В кабинете отца

до сих пор стоит его большой письменный стол, доставшийся ему от прежнего хозяина квартиры и друга — писателя Николая Шундика (он уехал в Москву). Отец любил рассказывать, как он, разбирая стол, нашёл бутылку шампанского «Мадам Клико». Но я думаю, это он просто любил что-нибудь сочинить, чтобы не было скучно.

Отец обожал книги. Огромный стеллаж до сих пор стоит в его кабинете. И нам с братом он привил эту любовь. Мы никогда ничего не писали в книгах и не загибали страниц.

Про Николаевку

Мой отец родился в посёлке Николаевка на берегу реки Тунгуски в 1923 году. Там он окончил школу, там начал писать свои первые стихи, оттуда ушёл на фронт. И туда вернулся после войны. После поступил в педагогический институт в Хабаровске, где познакомился со своей будущей женой и моей мамой Верой Ивановной. Они вместе учились на историческом факультете. Отец тогда был редактором институтской газеты. В то время статьи в стенгазете писали от руки. А у моей мамы был хороший почерк. Её пригласили переписывать статьи. Там они и познакомились. Поженились родители ещё в институте. А на лето уезжали в Николаевку, где жили его родители.

Родители Н. Д. Наволочкина: отец Дмитрий Николаевич, мать Софья Илларионовна. Посёлок Николаевка.

Отец его, Дмитрий Николаевич, работал на деревообрабатывающем заводе, мать — Софья Илларионовна, занималась домом и огородом. Мы очень любили туда ездить всей семьёй летом.

У отца было три брата: Юрий, Лев и Олег. Они жили со своими семьями неподалёку. Обычно мы приезжали в Николаевку в субботу. Все родственники тут же собирались на веранде деда и начинали обсуждать, в какое место на

Тунгуске поехать на пикник. У братьев отца были моторные лодки, и они отвозили нас купаться.

Николай Наволочкин и его брат Юрий. Посёлок Николаевка.

Там же, на высоком берегу Тунгуски, отец как-то нашёл черепки — остатки древних кувшинов. Возможно, когда-то здесь находилось древнее поселение бохайцев.

Отец хорошо знал окрестности Николаевки. До сих пор в памяти сохранились названия: Филатовской залив — место вблизи деревни, куда он водил нас купаться, Самоянова протока — там мы собирали шиповник, Китайский залив (говорят, там раньше жил китаец) — туда мы ходили иногда за грибами.

Позже, когда уже не стало деда с бабушкой, мы всё равно продолжали ездить с отцом в Николаевку. Он посадил новый сад: три груши, малину, смородину, иргу, жимолость. Мы до сих пор собираем урожай с этих деревьев. А ещё в нашем хабаровском дворе отец посадил рябину, которая была самой красивой на улице, осенью к ней прилетали коростели, а зимой снегири клевать ягоду.

Я думаю, именно в Николаевке отцу пришла мысль написать детские повести «Каникулы кота Егора», «Знакомая корова» и «Полудница Акуля».

Началось всё с кота Егора. Этот кот действительно жил у нас в городской квартире. А когда летом родители собрались с нами на отдых в Приморье, его отвезли в Николаевку, и вот эта деревенская жизнь кота описана в книге.

Приезжая в Николаевку, отец любил беседовать со своими родственниками и соседями. Сидя вечером на лавочке перед домом, они обсуждали все события. Отсюда и рождались его детские повести, которые он читал сначала нам с братом. Почти все персонажи его детских книг реально существовали.

Отец любил поработать в деревне. Всегда руководил копкой картошки. Мы обычно выезжали большой семьёй: отец, мы с мужем и дочерью, брат с женой и сыном. Рядом на соседних участках копали картошку родственники. Звучали смех и шутки. И это, казалось бы, не очень интересное занятие благодаря отцу превращалось в праздник. Он всегда

считал, сколько вёдер мы накопили, и записывал, чтобы на будущий год сравнить.

Вечером все вместе, включая его брата Юрия с семьёй, за большим столом на веранде бабушкиного дома отмечали окончание сельхозработ, предстоящий ход кеты и вообще все события, случившиеся за лето.

Будучи уже в пожилом возрасте, отец любил просто сидеть в кресле на веранде, любоваться клумбой с цветами или наблюдать за скворцами, которые жили в скворечнике у его брата Юрия.

Про семейные традиции

Я помню, как на Новый год папа устанавливал ёлку. А до этого мы делали с ним ёлочные украшения: из картона вырезали колечки, соединяли их, обёртывали серебринкой от шоколада, и получалась цепочка. Позже мы с отцом стали покупали игрушки в магазине. Они до сих пор у нас хранятся и напоминают о том времени, когда были живы мои родители. А традиция отмечать Новый год всей семьёй сохранилась у нас до сих пор.

Отец очень любил выпускать домашние стенгазеты к Новому году с пожеланиями в стихах всем членам нашей семьи и гостям, которые приходили к нам в новогодние праздники. Родители у меня были очень гостеприимные, поэтому наши родственники и друзья очень любили бывать у нас. Кроме Нового года, мы всегда праздновали дни рождения всех членов семьи. И никто из нас не оставался без поздравлений в стихах, которые сочинял мой отец.

Про путешествия

Отец очень любил путешествовать. И иногда брал нас с собой. Первое путешествие всей семьёй мы совершили, когда мне было 7 лет. В то время ходил пассажирский теплоход до Благовещенска. У нас было две каюты первого класса: в одной жили мы с мамой, в другой — папа с моим братом Вовой. Теплоход шёл до Благовещенска три дня, делал остановки в деревнях, но особенно меня тогда поразило, что на противоположном нашему берегу были китайские деревни. Отец уже побывал в Китае с делегацией работников культуры и рассказывал много интересного. У него тогда вышел сборник стихов, посвящённый Китаю. В Благовещенске у нас была заказана гостиница. Мы прожили там три дня, гуляли по городу, потом так же теплоходом вернулись домой.

Следующая поездка, которую мы совершили всей семьёй, была в Одессу на Чёрное море, в Дом творчества писателей. Это путешествие оставило самые яркие воспоминания! Мы впервые летели на самолёте до Москвы, остановились в одной из лучших гостиниц — гостинице

К 95 – ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ НАВОЛОЧКИНА

«Украина». А на следующий день отец повёл нас в Кремль. Мы увидели и Царь-пушку, и Царь-колокол, заходили в церкви на территории Кремля, и обо всём отец рассказывал много интересного.

Н. Д. Наволочкин с семьёй: супругой Верой Ивановной и детьми — дочерью Светланой и сыном Владимиром. Москва, май 1963 года (путешествие в Дом творчества писателей в Одессе).

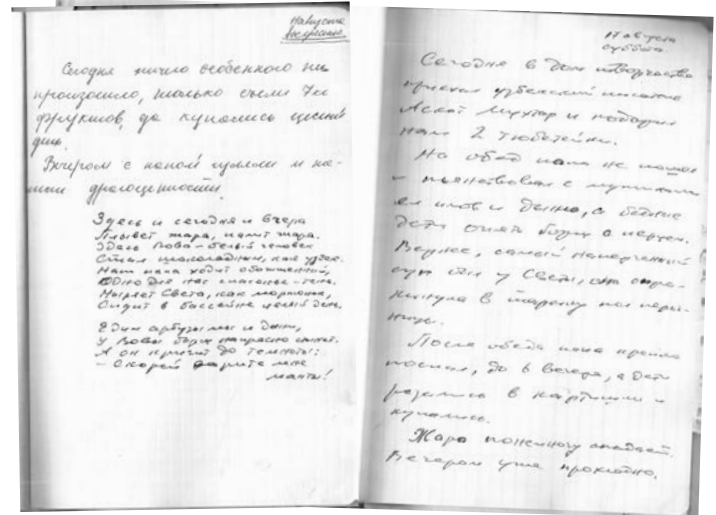
Пробыв в Москве три дня, мы поехали поездом в Одессу. Был май. Всё цело. Дом творчества располагался на берегу моря, на окраине Одессы. Это была конечная остановка какого-то трамвая. Нам там очень понравилось. Мы жили в одном из коттеджей в большой комнате с верандой. Мне было уже 10 лет, и отец учил меня плавать.

На море я впервые увидела крабов. Мы с братом их ловили и сушили на своей веранде, хотели их привезти домой. Но к нашему великому сожалению их сгрыз пёс по кличке Кочегар, который жил в Доме творчества.

Территория Дома творчества была большая, вся в цветах. Отдыхали там как украинские писатели, так и из других союзных республик. В то время наше государство называлось СССР. Ездили мы с родителями и в Одессу, гуляли по улице Дерibasовской, поднимались по Потёмкинской лестнице, были в археологическом музее. Родители, оба историки, с удовольствием нам обо всём рассказывали. В Одессе мы пробыли почти месяц.

В 1968 году мы с отцом ездили в Узбекистан и тоже жили в Доме творчества писателей. Сам он уже дважды до этого там побывал и в этот раз решил свозить нас с братом на фрукты. Дом творчества находился недалеко от Ташкента, между сёлами Дурмень и Кибрай. На его территории был бассейн, фруктовый сад с персиками, яблонями, виноградом. Нам выделили самую большую и хорошую комнату. Среди узбекских писателей у отца было много друзей. Они любили собираться вечером на айване (деревянный настил, застеленный коврами) над арыком, когда спадала жара. Пили много чая, иногда кто-нибудь из писателей готовил плов.

Вокруг Дома творчества были хлопковые поля. Там я впервые увидела, как растёт хлопок, и привезла несколько хлопковых коробочек в школу учителю ботаники. Чтобы мы с братом не сидели целыми днями в бассейне, отец предложил нам по очереди вести дневник. Сам он тоже с удовольствием принимал в этом участие. Каждый день мы должны были написать не меньше странички. Этот дневник сохранился до сих пор.

Страницы дневника, который Н. Д. Наволочкин вёл вместе со своими детьми (поездка в Дом творчества писателей в Узбекистане, 1968 год).

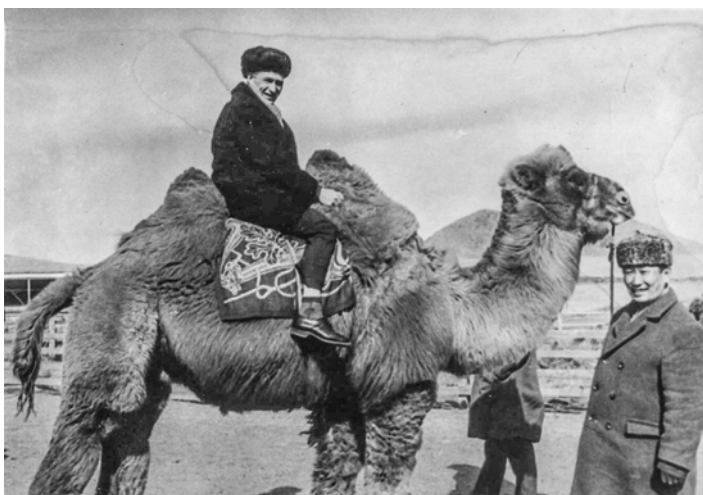
Прожили мы там месяц, ездили в Ташкент, Чирчик. Когда уезжали, директор дал нам с собой очень много фруктов из сада Дома творчества.

Отца часто приглашали в творческие поездки по союзным республикам. Он был в Туркмении, в Латвии, где встречался с Задорновым, автором романа «Амур-батюшка». Они были знакомы с тех времён, когда Николай Павлович жил в Хабаровске, долгие годы переписывались. Отец также был знаком с его сыном — Михаилом Задорновым, писателем-сатириком.

Когда Задорнов-младший приезжал в Хабаровск, он приглашал нас на концерты. Именно Михаил Николаевич оказал содействие в выпуске книги отца, куда вошли «Дневник памяти» и «После дождичка в среду» (в этой повести все события тоже происходят в посёлке Николаевка). Двадцать экземпляров этой книги, по его просьбе, были отправлены в Ригу в библиотеку им. Николая Задорнова, которую основал его сын.

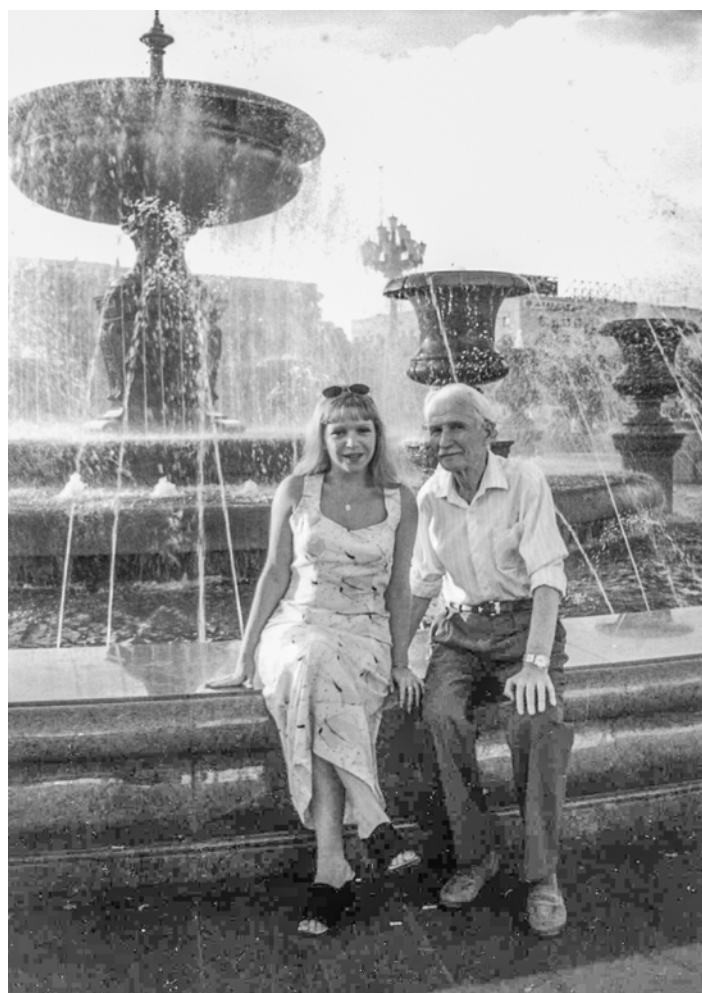

*Делегация советских писателей в Монголии, 1981 год.
пятая справа — поэтесса Римма Казакова,
третий — Николай Наволочкин.*

Николай Наволочкин в Монголии, 1981 год.

Ездил отец с творческими встречами и по Дальнему Востоку: в Приморье, Амурскую область, на Камчатку, Сахалин. С делегациями российских писателей бывал за границей: в Китае, Японии, Монголии. Особенно он вспоминал свою поездку в Польшу. Это была делегация писателей-фронтовиков, освобождавших Польшу. Их очень хорошо принимали. Там отцу вручили польский орден «Братство брони» за освобождение этой страны. Он им очень гордился. Хотя, надо сказать, он не менее гордился всеми своими орденами и медалями.

*Николай Наволочкин с внучкой Викторией.
Хабаровск, 1996 год.*

Из поездок отец всегда всем привозил подарки. Себе почти ничего не покупал. Если бывал за границей, то всю валюту тратил на подарки для нас. Любовь отца к путешествиям передалась и нам, его детям.

У отца было двое внуков — Виктория и Юрий. Он с ними много занимался, ходил гулять, читал им. А когда внуки пошли в школу, помогал писать сочинения по литературе и готовиться по другим предметам. Отец говорил: «У нас домашний лицей». Вообще надо отметить, что отец очень любил детей, поэтому и писал такие добрые сказки. Сам он до глубокой старости оставался в душе молодым. Очень любил юмор. Все конфликтные ситуации старался обратить в шутку.

Про друзей

У отца было двое друзей, с которыми он дружил всю жизнь ещё со школы. Это Борис Мирошниченко и Василий Мельников. Конечно, у него были друзья и среди писателей и друзья, с которыми он познакомился во время учёбы в институте, но с Борисом и Василием он поддерживал

К 95 – ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ НАВОЛОЧКИНА

отношения всю жизнь. Вместе с ними он окончил школу в Николаевке, всем троим пришли повестки в армию в июне 1941-го, и вместе они проходили первую военную подготовку в городе Свободном. Там отец окончил курсы радистов и был отправлен на фронт. После войны они вновь встретились, только отец поступил в педагогический институт, а его друзья связали свою жизнь с армией, но в отпуск всё равно приезжали в Николаевку.

Частенько останавливались у нас со своими семьями. У них было по двое детей. Мы с братом всегда были рады их приезду, потому что в доме сразу становилось шумно и весело. Они писали друг другу большие подробные письма, поэтому мы тоже были в курсе всех событий...

Отец всю жизнь очень много работал. Долгое время он был заместителем главного редактора литературно-художественного

журнала «Дальний Восток», а позже — главным редактором (1977–1987), поэтому писал вечерами, засиживаясь допоздна. Когда же он задумал свой роман «Амурские вёрсты», то много работал в Хабаровской краевой научной библиотеке, в архивах города Читы. Ему тогда удалось найти немало новых интересных фактов про основание Хабаровска 13-м линейным батальоном под командованием капитана Якова Дьяченко.

Роман «Амурские вёрсты» переиздавался много раз, в том числе в Москве. Отец также написал одноимённую пьесу по этому роману, которая была поставлена и с успехом шла в Хабаровском театре драмы.

Когда отца просили где-нибудь выступить, он никогда не отказывался. Особенно с удовольствием он общался со школьниками.

*Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 12.02.2018 г.*

Сведения об авторе: Медведева Светлана Николаевна, дочь Наволочкина Николая Дмитриевича, преподаватель иностранных языков Хабаровского государственного института культуры (г. Хабаровск).

КУЗНЕЦОВА
ЕЛЕНА ФЁДОРОВНА

РАКОВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА

ДОБРЫЙ СВЕТ ТАЛАНТА

Материал посвящён творчеству дальневосточного писателя Николая Дмитриевича Наволочкина (05.01.1923–20.09.2013), прошедшего Великую Отечественную войну. Перечислены основные его произведения и названа реальная основа, подтолкнувшая к их созданию. Особый упор сделан на детские произведения писателя, которые и сегодня интересны юным читателям. Статья приурочена к 95-летию со дня рождения Н. Д. Наволочкина.

Ключевые слова: Николай Наволочкин, Хабаровск, дальневосточные писатели, писатели-фронтовики, детская литература, Хабаровская краевая детская библиотека имени Н. Д. Наволочкина, «Амурские вёрсты», «Знакомые kota Егора», «Полудница Акуля».

Keywords: Nikolai Navolochkin, Khabarovsk, Far Eastern writers, writers-front-line, children's literature, Navolochkin Regional Children's Library of Khabarovsk, "Amurskie versty", "Znakomye kota Egora", "Poludnitsa Akulia".

*Надо жить в ногу со временем.
Беречь время, наполнять его добрыми делами.
Всё проходит, а память о добрых делах остаётся.*

Н. Д. Наволочкин

Имя Николая Дмитриевича Наволочкина по праву входит в список самых известных дальневосточных писателей. Им написано более двадцати произведений различных жанров.

Николай Дмитриевич Наволочкин.

С книгами Наволочкина знакомо не одно поколение юных дальневосточников, его произведения занимают достойное место в фондах библиотек. Маленькие читатели с удовольствием встречаются с полудницей Акулей, ребята среднего возраста с интересом следят за приключениями кота Егора и его друзей, а старшеклассники знакомятся с военной и исторической прозой писателя.

Николай Дмитриевич — почётный гражданин города Хабаровска (1995), заслуженный работник культуры РСФСР. В 1997 году за книгу «По особым поручениям» он стал лауреатом премии губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства. В 2008-м получил почётный знак правительства Хабаровского края «За заслуги» имени Н. Н. Муравьёва-Амурского.

Писатель прожил большую и нелёгкую жизнь. За его плечами — Великая Отечественная война, путь фронтового радиста, тяжёлое ранение. Но он остался светлым, лёгким, с большим юмором, отзывчивым человеком — таким его помнят все, с кем он встречался. Вот как говорит о себе Н. Д. Наволочкин: «Я, видимо, оптимист. Очень часто вспоминаю юность. Это был обычный рабочий посёлок — какой-то чистый, светлый, там не было драк, краж. Ребята, друзья мои, были честные, открытые, приятные, со своими талантами. А потом была война, страшная, кровавая, жестокая» [9, с. 195].

Николаю Наволочкину Повестка пришла в день школьного выпускного вечера. После окончания курсов радистов в конце 1942 года был отправлен на фронт начальником радиостанции. Боевое крещение получил на Курской дуге. Форсировал Днепр, прошёл всю Белоруссию, принимал участие в освобождении Польши. Дважды был ранен. О суровой правде войны Николаем Дмитриевичем написаны повести «Шли радисты» и «Жди ракету».

Первую награду — орден Красной Звезды — писатель получил за один из первых своих боёв в марте 1943 года в селе Кочетовке Курской области: он вызвал огонь по танкам, ворвавшимся во двор дома, где находилась рация, и подбил один из танков. Этот бой описан писателем в повести «Шли радисты» (1964). «Я ничего не придумывал. Героем книги стал наш радиовзвод», — вспоминал Николай Дмитриевич [9, с. 196]. Повествование идёт от лица сержанта-связиста. Он рассказывает о себе и девушках-радистках, которые в трудной фронтовой действительности становятся асами эфира. Сюжет повести «Жди ракету» (1968) о том, как взвод лейтенанта Дёмина, догоняя свою часть, сталкивается на шоссе с колонной немецких танков. В этих произведениях писателю удалось передать ощущение смертельной опасности, которая нависла над солдатом, горечь за потерю людей, которым бы жить да жить [8]. На вопрос, какой человеческий опыт дала ему война, Николай Дмитриевич ответил: «Научила ценить дружбу. После войны я не встречал подобного — там все мы были как родные братья» [9, с. 197].

Для Николая Дмитриевича, по его признанию, самыми дорогими книгами являлись «Амурские вёрсты» и «Каникулы кота Егора».

На вопрос «Почему?» он отвечал: «В детских книгах я смог сказать что-то такое, чтобы сделать ребят добрее, чище. В нашей дальневосточной истории, видимо, открыто, на что не обращали внимание историки, что было малоизвестно или даже забыто. Когда я писал книги о войне, я думал, что читатели засыпят меня письмами. Но всё оказалось иначе — письма, очень много, были на работы исторические и детские» [9, с. 198].

Книга Н. Д. Наволочкина «Амурские вёрсты», вышедшая в 1974 году, получила широкую известность, потому что написана настоящим мастером. Член Союза писателей России Владимир Клипель, редактировавший рукопись романа, замечает в послесловии к нему, что особое значение вклада писателя в художественную писательскую практику заключается в том, что он, по сути, впервые ввёл в оборот имя Якова Васильевича Дьяченко, ранее неизвестное широкому кругу читателей. Книга написана в результате изысканий на документальной основе и рассказывает о заселении и освоении Приамурья в 1857–1859 годах, о тяжком труде солдат-линейцев, закладывающих по Амуру первые поселения.

Деятельный генерал-губернатор Н. Н. Муравьёв-Амурский мирными сплавками осуществил заселение края в его приграничной полосе вооружённым народом — казаками. Русский флаг, показывающий национальную принадлежность новых территорий, был поднят. А как сказал государь император Николай Павлович, где он однажды был поднят, там уже спускаться не должен.

Удачно и убедительно созданы в книге образы генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьёва-Амурского и его сподвижников, казаков-переселенцев, линейных солдат и их командиров. Незамысловатым в поступках, в помыслах и словах своих раскрывается главный герой романа Яков Васильевич Дьяченко, который, по сути, и обустроивал со своими подчинёнными дальневосточные рубежи. Смыслом его жизни было одно — служить государю, чтить Бога, защищать и укреплять Отечество [1, с. 39].

Заслуги капитана велики. В Хабаровске именем Дьяченко назван переулок, ему поставлен памятник. Постановлением мэра города в 1998 году учреждена премия имени Якова Дьяченко, которой ежегодно награждаются хабаровчане, внёсшие значительный вклад в экономическое, культурное и социальное развитие города [6, с. 135]. Николай Дмитриевич Наволочкин также является лауреатом этой премии...

Столь талантливому писателю всегда были небезразличны проблемы детей и молодёжи нашего края. В одном из интервью на вопрос, что вы скажете о молодёжи, он ответил: «Молодёжь всегда разная. Время для молодёжи трудное. Ей надо в нём разобраться и найти свой путь. Мне кажется, надо восстанавливать детские организации. Пусть не комсомол, не пионерия, но какие-то молодёжные организации должны быть. Молодёжь всегда хорошая, но время определяет её поведение. Каково время, такова и молодёжь» [3, с. 2].

Николай Дмитриевич часто встречался со своими читателями, с нетерпением ждал писем от ребят. Вот что он пишет о детских откликах на повесть «Каникулы кота Егора»:

«Я регулярно получаю письма от Саши Анкудинова. Он прислал мне свою фотографию, а также портреты кота Егора и кошки Мурки. И кота и Мурку он нарисовал с букетами цветов в лапах. Безусловно, для тех, кто пишет для детей, очень нужны их письма, пусть короткие, но всегда искренние. Сейчас главная задача детской литературы, как я считаю, вернуть доброту. Она, к сожалению, сегодня уходит» [4, с. 49].

Размышляя о значении детской литературы в воспитании подрастающего поколения, Николай Дмитриевич говорил: «Очень уж много у нас фильмов и телевизионных передач, в которых герои то размахивают ножами, то стреляют друг в друга. И радостно, что среди хабаровских писателей есть те, кто создавал талантливые книги для детей. Это Пётр Комаров, Дмитрий Нагишкин, Борис Копальгин. А сегодня Елена Добровенская, Евгений Кохан, Анатолий Максимов. Наша детская литература — это особая территория, и, путешествуя по ней, писатели должны помнить о порядочности, о доброте даже тогда, когда они пишут о братьях наших меньших, помнить, что пишем мы для детей — для будущего России» [4, с. 49].

Безусловно, книги для детей занимали особое место в творчестве Николая Дмитриевича. Умение рассказывать интересно и непринуждённо, простота, владение устным словом полностью находят своё воплощение в его детских произведениях. «Каникулы кота Егора» (1972), «Знакомые кота Егора» (1981) — любимые книжки юных хабаровчан не только 1980-х годов, когда они были изданы. Сейчас этих героев обожают уже их дети. И мы уверены, что пройдёт ещё двадцать лет, и новое поколение ребятишек будет просить у мам почитать им на ночь про деревенские приключения этого смешного городского усатого полосатого кота. Кстати, книжный кот имеет реального прототипа — кота Егора, который прожил много лет в семье Наволочкиных. Он был большой и важный, его часто привозили в родной дом писателя в Николаевку погреться на солнышке.

В 2003 году вышла книга Николая Дмитриевича о трогательной полуднице Акуле. Заглавная героиня похожа на добрую деревенскую старушку, которая не делает гадостей. Это не страшное полевое чудовище, а, напротив, добрый дух, заботливо следящий за порядком в огороде. Из «Словаря русских говоров Приамурья» узнаём: «Полудница — мифическое чудовище вроде Кикиморы или Бабы-Яги, которым пугали детей. Она как Кикимора, мохнатая как кошка, Баба-Яга огородная» [2, с. 11].

Мифологический образ полудницы у Николая Дмитриевича превратился в заботливую деревенскую бабушку, помогающую людям, оберегающую их посева. Полудница Акуля знает язык зверей и птиц, общается с ними на короткой ноге, дружит с пугалом Игнатом, помогает взойти

молодым росткам, выгоняет корову, случайно забредшую в огород, однако хозяевам не показывается, маскируясь под кучу огородного мусора.

Из воспоминаний Николая Дмитриевича узнаём историю появления образа в творчестве писателя: «Радости из детства я много вынес — игры, рыбалка, мамыны сказки. Это же мама моя, Софья Илларионовна, впервые рассказала нам с братом сказку про огородную старушку-полудницу, а я уже дополнил жизнь этой огородницы забавными приключениями» [11, с. 4].

Полагаем, появление Акули неслучайно. Сегодня, когда в мире господствуют информационные технологии, когда дети охотнее играют в компьютерные игры, чем читают, эта сказка с традиционным мифологическим персонажем учит их доброте, такой важной для писателя Наволочкина. Эти добрые, смешные, умные повести мог написать только очень светлый человек, каким и был Николай Дмитриевич.

По образованию педагог и историк, Наволочкин был активным популяризатором литературы, дальневосточной истории. Его часто можно было встретить среди школьников.

На протяжении не одного десятка лет в Хабаровской краевой детской библиотеке проходили творческие встречи читателей с Николаем Дмитриевичем Наволочкиным, на которых писатель делился воспоминаниями о своём детстве, о создании стихотворений, о прототипах известных персонажей.

Николай Наволочкин на встрече с юными читателями.

Встречи, пронизанные добром, юмором и даже волшебством, всегда вызывали неподдельный интерес у слушателей. Очарованные этим удивительно искренним человеком, ребята и взрослые всегда задавали ему массу вопросов, заворожённо слушая увлекательные истории писателя.

Вот как отзывалась о прошедшей в 2013 году встрече одна из читательниц, Полина Липатова: «Я виделась с ним однажды, но эта встреча всё ещё хранится в моей памяти.

Она произошла пять лет назад в детской библиотеке. Перед нами предстал пожилой человек, присутствовавший в зале вместе с нами. Это был мужчина приятной внешности, с мягкими чертами лица и лёгкой улыбкой, которая светилась и немного приподнимала густые седые усы. Он был одет в тёмно-синий костюм и сидел перед нами в красном широком кресле с букетом жёлтых хризантем. Одно из его произведений досталось мне за участие в викторине, но самым запоминающимся эпизодом стала наша общая фотография вместе с самим Николаем Наволочкиным, которая и сейчас украшает вход в здание детской библиотеки. Вот таким мне запомнился Николай Наволочкин! Талантливый писатель, добрый человек, он создавал свои книги для детей, чтобы доставить им радость. Мне искренне жаль, что его нет больше в живых, но его книги всегда будут жить в наших сердцах!» [7].

Но не только встречи с автором, но и каждое новое издание книг Николая Дмитриевича Наволочкина всегда воспринимались библиотекарями и читателями как радостное событие, как повод устроить праздник. В стенах Хабаровской краевой детской библиотеки часто проходили праздничные презентации новых книг с участием писателя. Организаторам хотелось, чтобы книга не просто незаметно поселилась на полках библиотеки, а чтобы о ней узнали все юные читатели.

В 2003 году в библиотеке с участием Николая Дмитриевича состоялась презентация книги «Полудница Акуля». В театрализованной форме библиотекари и автор познакомили юных читателей с увлекательной историей заглавной героини.

В 2005 году в библиотеке прошла презентация сборника стихотворений «Откуда течёт Морошка?». Видеокадры с мероприятия вошли в документальный фильм Дальневосточной студии кинохроники «Я родом из детства» (режиссёр А. Самойлова) [10].

В 2006 году приятным сюрпризом для Николая Дмитриевича Наволочкина стал спектакль по мотивам его повести-сказки «Полудница Акуля», подготовленный театральной студией села Нижнетамбовского. На сцене библиотеки состоялось яркое действо, атмосфера которого погрузила ребят в волшебную сказку, где они познакомились с героями сказки: пугалом Игнатом, лешаком Спиридоном, котом Нестором и, конечно же, самой Акулей. Николай Дмитриевич, присутствовавший на мероприятии, с удовольствием посмотрел этот спектакль.

Когда в 2008 году Николай Дмитриевич Наволочкин написал продолжение истории полудницы Акули «Кто главный в огороде?», Издательский дом «Приамурские ведомости» выпустил новое издание, в которое вошли обе книги. В сентябре того же года в библиотеке состоялась презентация второй части повести-сказки с участием юных читателей. Почётным гостем стал автор книги.

Накопленный библиотекой объёмный материал по художественному наследию Николая Наволочкина послужил основой для создания мультимедийного диска «Добрый свет слова». Здесь нашло отражение всё творчество Николая Наволочкина для детей: тексты известных произведений, биография и библиография автора. Кроме этого, библиотекари разработали красочные электронные викторины и игры по книгам «Знакомые кота Егора» и «Полудница Акуля». В диск вошли яркие моменты творческих встреч Наволочкина с читателями в краевой детской библиотеке, а также галерея детских рисунков по произведениям Николая Дмитриевича, которые помогли создать учащиеся студии изобразительного творчества «Самоцветы» Дворца детского творчества «Маленький принц».

Знакомство с диском было организовано в ноябре 2009 года в краевой детской библиотеке. На презентации присутствовал Николай Дмитриевич, наши юные читатели, педагоги, библиотекари. Было сказано много добрых слов в адрес писателя, все участники единодушно пожелали ему доброго здоровья и долголетия, издания новых книг.

Н. Д. Наволочкин на презентации мультимедийного диска «Добрый свет слова», посвящённого его творчеству.

Наша последняя встреча с Николаем Дмитриевичем произошла в краевой детской библиотеке 1 июня 2012 года, в Международный день защиты детей, когда министр культуры Хабаровского края А. В. Федосов вручил библиотеке свидетельство о присвоении ей имени Николая Дмитриевича Наволочкина. Замечательно, что это произошло при жизни писателя и он смог порадоваться этому. Николаю Дмитриевичу было 89 лет, но к нам приехал. Несмотря на то, что ему трудно было двигаться и говорить, глаза его лучились добротой, а на лице была улыбка, да и с детьми он общался охотно. Персонажи его книг — полудница Акуля и кот Егор — рассказали присутствующим на празднике взрослым и детям много интересного об известном писателе. Ребята увлечённо читали стихи, отвечали

на вопросы электронной викторины по произведениям, а также приготовили в подарок писателю свои поделки.

В январе 2013 года библиотека провела праздник, посвящённый 90-летию писателя. В юбилейном путешествии по его творчеству приняли участие наши юные читатели. Не обошлось и без известных персонажей произведений Николая Дмитриевича. На этот раз писатель приветствовал ребят с экрана — видеозапись с обращением к детям была подготовлена накануне...

Он ушёл из жизни, но сотрудники библиотеки активно продолжают работу по популяризации творчества любимого автора. В 2013 году на официальном сайте учреждения была создана рубрика, посвящённая Николаю Дмитриевичу Наволочкину. Регулярно она пополняется новыми материалами о писателе. Посетители сайта могут познакомиться с электронными версиями текстов произведений Наволочкина, просмотреть фотогалерею и видеосюжеты, узнать о мероприятиях, проводимых в библиотеке.

С целью широкого освещения творчества писателя в январе 2014 года Хабаровская краевая детская библиотека имени Н. Д. Наволочкина провела виртуальную интернет-акцию «Читаем Наволочкина». 5 января, в день рождения писателя, стартовало открытое голосование на сайте библиотеки за самую известную и популярную его книгу. По мнению читателей, это повесть-сказка «Знакомые кота Егора».

В 2016 году детская библиотека пополнилась новыми изданиями любимых книг: «Каникулы кота Егора» и «Знакомая корова». В том же году дальневосточным издательским центром «Приамурские ведомости» был выпущен трёхтомник «Избранное», куда вошли роман «Амурские вёрсты», повести «Шли радисты», «Жди ракету», «После дождика... в среду», «Знакомые кота Егора», «Полудница Акуля», а также весёлые рассказы, стихи и сказки для детей.

Экскурсия по экспозиции «Дом-музей Наволочкина».

Накануне 95-летия со дня рождения писателя возникла идея создать в библиотеке экспозицию «Дом-музей Наволочкина» — копию его дома в посёлке Николаевке Сидовичского района Еврейской автономной области. 20 октября 2017 года, в день рождения Хабаровского края, экспозиция была торжественно открыта. На мероприятии присутствовали юные читатели библиотеки и почётные гости. Среди них — дочь писателя Светлана Николаевна Медведева. Взрослые и дети познакомились с убранством комнат, предметами обихода, личными вещами Н. Д. Наволочкина. Создание и

открытие экспозиции стало возможным благодаря партнёрству с Хабаровским городским общественным движением гражданской инициативы «Хабаровск — это Мы!» в рамках реализации просветительского проекта «Гордость края глазами детей, или Сохраним историю вместе», поддержанного грантом губернатора Хабаровского края.

Сегодня Дом-музей Николая Дмитриевича Наволочкина открыт для всех желающих и наполнен детскими голосами. Жизнь писателя была тесно связана с Дальним Востоком, и всё, что он создал, — это посвящение родной земле.

Список использованных источников

1. Абдрашитов, А. Капитан Дьяченко — страж земли российской : [о романе Н. Д. Наволочкина «Амурские вёрсты»] / А. Абдрашитов // Пограничник — это судьба. — Хабаровск, 2003. — С. 36–41.
2. Бобрикова, Ю. Всё о Бабе-яге : [о сказочном персонаже — Бабе-яге; об образе огородной Бабы-яги в персонаже повести-сказки Н. Д. Наволочкина «Полудница Акуля»] / Ю. Бобрикова // Словесница Искусств. — 2012. — № 1 (29). — С. 9–10.
3. Гребенюков, А. Николай Наволочкин: «Народ наш доверчив и прост» : [беседа с писателем] / А. Гребенюков // Приамур. ведомости. — 1996. — 17 апр. — С. 2.
4. Любимый край, отцовский кров... : [беседа с Н. Д. Наволочкиным] / беседа Е. Глебова // Словесница Искусств. — 2008. — № 21/22. — С. 46–49. : [фото писателя].
5. Наволочкин Николай Дмитриевич : [биограф. справка; список его произведений и литературы о нём] // Писатели Дальнего Востока : библиограф. справ. Вып. 2 / Хабар. краев. универ. науч. б-ка. — Хабаровск, 1989. — С. 221–223.
6. Наволочкин Николай Дмитриевич : [о писателе Н. Д. Наволочкине — заслуженном работнике культуры РСФСР, члене Союза писателей СССР, участнике Великой Отечественной войны, почётном гражданине г. Хабаровска, лауреате премии Я. В. Дьяченко] // Хабаровск: доблесть земляков. — Хабаровск, 2008. — С. 50, 135. : [фото].
7. [Отзыв читателя Полины Липатовой, 2013.] // Архив Хабар. краев. дет. б-ки им. Н. Д. Наволочкина, [2013].
8. Сидорова, Л. Страницы мужества и правды : [о дальневосточных писателях — участниках Великой Отечественной войны, в том числе о Н. Д. Наволочкине] / Л. Сидорова // Приамур. ведомости. — 1995. — 12 апр. — (К 50-летию Победы).
9. Чернявский, А. И трубы грустные трубят... : [о встрече с писателем Н. Д. Наволочкиным накануне его 75-летия] / А. Чернявский // Чернявский А. Г. ...И не забудет новый век (портреты без автографов) : очерки разных лет. — Хабаровск : изд-во «РИОТИП» краев. типографии, 2001. — С. 195–198.
10. Я родом из детства [2005] [Электронный ресурс] : [док. фильм о Н. Д. Наволочкине] / реж. А. В. Самойлова. — Электронные видеоданные (1 файл : 27:30 мин). [Хабаровск : Федеральное агентство по культуре и кинематографии и кинокомпания «Дальневосточная»], 17.01.2014 // Сайт Хабар. краев. дет. библиотеки им. Н. Д. Наволочкина. — Режим доступа: <http://kdb27.ru/articles/ya-rodом-iz-detstva>.
11. Я тоже был маленьким : [о детстве писателя Н. Д. Наволочкина] // Расту с Хабаровском! — 2013. — № 1 (17). — С. 4–6. : [фото].

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 12.12.2017 г.

Сведения об авторах:

Кузнецова Елена Фёдоровна, главный хранитель фондов Хабаровской краевой детской библиотеки им. Н. Д. Наволочкина (г. Хабаровск).

Контактные данные: тел. (4212) 32-44-31.

Ракова Ольга Алексеевна, кандидат культурологии, директор Хабаровской краевой детской библиотеки им. Н. Д. Наволочкина (г. Хабаровск), заслуженный работник культуры РФ.

Контактные данные: тел. (4212) 32-44-31.

Точка зрения

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

МОДЕЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В статье осуществляется системное обобщение авторских взглядов на природу культуры, её социальные функции и морфологию, предпосылки для её исторической устойчивости и механизмы исторической изменчивости, а также на мировоззренческие основы изучения и интерпретации культуры. Излагаются основания научной идеологии автора, его аналитическое кредо.

Ключевые слова: культура, функции, структура, устойчивость, изменчивость, научное мировоззрение.

Keywords: culture, functions, structure, stability, variability, scientific worldview.

Теоретическое осмысление культуры включает в себя множество вопросов, варианты ответов на которые формируют определённую концепцию научной интерпретации феномена культуры. Среди этих вопросов есть более важные, системообразующие, глобальные и т. п. и есть менее значимые, частные, второстепенные, иерархию которых определяет каждый учёный в соответствии со своим мировоззрением и восприятием культуры. Таким образом, и опыт теоретической генерализации научной позиции у каждого учёного будет свой, отражающий его индивидуальные взгляды, его научную идеологию, мировоззрение, образование, то, чьим учеником и последователем он является, и т. п.

В соответствии с особенностями современного этапа развития науки, где значительная часть исследований проводится на стыках различных академических дисциплин, учёному бывает сложно определиться с тем, к какой науке его следует относить, по каким критериям оценивать. Конечно, большую роль здесь играет базовое образование, закладывающее определённые навыки теоретического анализа и принципы обобщения исследуемого материала. Но при всей их важности случаи отхода от этих навыков и обретения иных довольно часты, так что опасно базироваться и на этом признаке как на универсальном, хотя и игнорировать его не следует. Преодоление аналитических навыков, полученных в ходе образования, вполне удаётся только единицам.

Тем не менее мне кажется, что главным инструментом научного самоопределения являются индивидуальные познавательные интересы учёного, которые могут совпадать или не совпадать с его профильным образованием, а чаще — совпадать частично, не вполне соответствуя академическим границам научной специальности. Например, я, будучи по образованию историком и обществоведом, в своих научных интересах сочетаю историософию (философия истории) с теорией и социологией культуры, создавая сложный симбиоз этих направлений знания и стремясь осмыслить социальные процессы в культуре и их историческую динамику в масштабе всей человеческой истории. В своём понимании культуры я, скорее, социолог, чем гуманитарий; и это отражает то, что я являюсь учеником выдающегося отечественного социолога культуры Э. А. Орловой. Но в отличие от Орловой, нацеленной на интерпретацию культуры в микромасштабе непосредственных взаимодействий людей, я всё-таки историк и вижу эти процессы в историческом макромасштабе.

Таким образом, мой опыт генерализации теории культуры отражает именно мои научные интересы и является только одним из возможных вариантов такой генерализации, отнюдь не исчерпывающим всё многообразие пониманий культуры. Соответственно и модель теории культуры, выстроенная мной, специфична именно для моей интерпретации

этого феномена и отражает определённый историко-социологический подход к пониманию культуры.

В ракурсе этой научной позиции главными вопросами, на которые следует ответить в процессе построения общей теории культуры, являются следующие:

1. Что такое культура, каковы её основные социальные функции и морфология?

2. Что является основной причиной исторической устойчивости культуры и наиболее значимым двигателем её исторической изменчивости?

3. Каковы возможные принципы научного познания культуры?

Я полагаю, что ответы на эти вопросы составят в совокупности модель теории культуры, отражающую масштаб её социальной обусловленности, хотя, конечно, некоторые иные аспекты культуры (например, её символическая функция) при этом останутся «в тени».

1. Что такое культура, каковы её основные социальные функции и морфология? Здесь в одном вопросе сконцентрировано множество проблем. Но они так тесно сплетены друг с другом, что невозможно осмыслить, что такое культура, не постигнув её социальные функции, и невозможно обобщить функции культуры, не представляя её морфологии.

О том, что такое культура, как специфический феномен человеческого бытия, существует множество суждений. Не буду сейчас их рассматривать и систематизировать, отослав интересующегося читателя к соответствующим энциклопедиям [12; 14; 18]. Отмечу лишь, что все эти определения абсолютно субъективны и по каждому из них специалист легко узнает автора. Какое из них наиболее истинно? Думаю, что никакое. В гуманитарных науках любая истина является лишь частным мнением того или иного корифея, и других истин по определению не бывает. Но об этом в конце статьи.

Я основываю своё понимание феномена культуры на разработке известного российского философа культуры и эстетика М. С. Кагана, определяющего культуру как человеческую деятельность, в её наиболее обобщённом понимании [3], и развитии этого подхода моим учителем Э. А. Орловой, трактующей культуру как результат разных форм взаимодействия устойчивой общности людей (социальной среды) [9]. И действительно, один человек, живущий на необитаемом острове, не может создать новую культуру этого острова. Такая культура начинает возникать лишь с появлением второго человека и началом его взаимодействия и коммуникации с первым. Я определяю культуру как *поведенческую программу обеспечения коллективного характера жизнедеятельности людей*. Таким образом, вопрос о сущности культуры расширяется до проблемы человеческого социального поведения, включающего в качестве

главных составляющих и деятельность, и взаимодействие и делающего акцент на коллективном (групповом) характере человеческой активности.

Этот подход близок к определению культуры, принадлежащему нашему выдающемуся философу академику В. С. Стёпину [13]. Но Стёпин считает подобную программу надбиологической, то есть не являющейся продуктом эволюции жизни на Земле, и уклоняется от акцентирования социальной функции этой программы. Я же полагаю, что эта программа имеет очевидное биологическое происхождение (иначе, откуда она взялась; прилетела из космоса?) и является эволюционным развитием аналогичной программы социальности животных, которая функционально очень похожа на человеческую культуру и тоже обеспечивает групповой характер жизнедеятельности многих видов, но радикально уступает человеческой культуре в своих качественных характеристиках.

Вопрос о преемственности между социальным поведением животных и человеческой культурой относится к числу наиболее дискуссионных в современных науках о человеке. Я являюсь твёрдым сторонником суждения об эволюционном биологическом происхождении культуры. Сам человек и программа его социального поведения (то есть культура) не могут иметь различное происхождение. Либо и то и другое создано Богом, либо эволюционировало от обезьяны. Но и то и другое совместно.

Другое дело, что далеко не всё в культуре отражает непосредственные проблемы социального поведения, деятельности и межличностного взаимодействия. За десятки тысяч лет человеческой истории многие практические аспекты социальной активности человека трансформировались в идеальные ценностные установки сознания, в отвлечённые представления о том, что такое добро и зло, что «правильно», а что «неправильно» и т. п. Например, в религии и искусстве какие-то их сегменты посвящены непосредственному обучению человека «правильному» социальному поведению на примере авторитетных образов, а какие-то являются компонентами общего мировоззрения и с социальным взаимодействием уже не ассоциируются. Но это не означает потерю связи ценностных ориентаций человека с его нормативным поведением. Связь эта есть, но очень опосредованная и ныне понятная только учёным.

В современных эстетических представлениях о прекрасном трудно расшифровать, какие проблемы взаимопонимания первобытных людей за этим скрываются. Но что-то ведь спровоцировало потребность в согласии в этом вопросе? Может быть, это брачные проблемы и критерии выбора красивых невест, может быть, это статусные отличия одежды и убранства вождя от остальных членов племени и т. п., а, может быть, всё это воздействовало на сознание людей совместно. Но проблема выделения чего-то более

предпочитаемого (красивого) из ряда менее предпочитаемых объектов возникла не случайно. Значит, за этим скрывались определённые социальные напряжения, характер которых нам уже не угадать.

Я полагаю, что, скорее всего, эстетики сочтут этот пример вульгарным социологизмом, ибо на деле всё было сложнее. И я эту сложность прекрасно понимаю. Но метод науки в том и состоит, чтобы сложное объяснять на понятных примерах.

Так или иначе, но культура, на мой взгляд, это основной инструмент нормативно-поведенческого и коммуникативного обеспечения человеческой жизнедеятельности в коллективных формах, то есть главное проявление социальности людей. М. М. Бахтину приписывается суждение о том, что культура растекается между людьми и связывает их как цементный раствор. Я очень люблю этот образ, который коррелирует с моей сентенцией «всё культурное социально и всё социальное культурно». Культура — это совокупность исторических форм социального общежития людей. Любой культурный артефакт является месседжем, обращённым к людям и сообщаящим им какую-то важную информацию. Если артефакт не служит таким месседжем, то он не является культурным. Ни один художник не пишет картину, заведомо зная, что её никто не увидит. Картина пишется для того, чтобы её увидела публика и как-то на неё отреагировала. В культуре всё имеет ту или иную социальную функцию и рассчитано на пользование и понимание людьми.

Разговорный язык служит самым наглядным примером культуры. Он появляется только тогда, когда возникает необходимость в коммуникации, которая в свою очередь является одной из форм социального взаимодействия. А словарный запас всякого языка выявляет социальные потребности соответствующего сообщества. Язык отражает **всю культуру**. Остальные проявления культуры — это только её сегменты.

Этим и определяется основная социальная функция культуры — обеспечивать коллективный характер существования людей, нормировать и регулировать формы их деятельности, взаимодействия и коммуницирования. Разумеется, подобная социальная функциональность наблюдается только в общечеловеческом и общеисторическом масштабе, на высоком уровне научного обобщения. Непосредственные функции многих сфер символического производства гораздо более изощрённы и автономны. Например, упомянутые выше религия и искусство, философия и наука, как правило, не связаны напрямую с социальным контролем и управлением социальным поведением человека. Но при их системном анализе «в сухом остатке» всегда остаётся «правильное» или «неправильное» поведение индивида, его соответствие или несоответствие исторически сложившимся нормам

бытового взаимодействия, его участие или неучастие в социальной интеграции, его лояльность или оппозиционность существующим порядкам и проч., непосредственной или опосредованной регуляцией которых занимается культура.

Что касается морфологии культуры, то, если культура — это деятельность, её структура должна соответствовать основным направлениям социальной практики. Именно так её и исследуют учёные, но им пока не удаётся преодолеть одну принципиальную сложность. Структурно социальная активность человека состоит из двух основных сегментов: специализированной деятельности (например, организационной культуры, включающей хозяйственную, политическую и правовую компоненты; культуры познания, включающей философию, науку, религию и искусство, и др.) и образа жизни (семейный уклад, соседская толерантность, гостеприимство, образы самоидентификации, культура речи и т. п.) [8]. Оба этих сегмента активно исследуются наукой (специализированная деятельность горожан — в основном социологией, а культура образа жизни крестьян — антропологией / этнографией), но в единую систематизированную морфологию культуры их свести пока что не удаётся. По крайней мере, все известные мне морфологии (включая и мои собственные попытки таких построений) являются откровенно неполными. Культурологией ещё не найдено общее основание для выстраивания такой конструкции.

Выход из этой трудности ищут в социально-функциональном ракурсе рассмотрения культуры, её анализе в качестве системы самодостаточных социальных субкультур, посредством деления культуры на народную, элитарную и массовую [4]. Это представляется удачным ходом, но системного решения проблемы построения единой универсальной морфологии культуры не приближает. На мой взгляд, это задача будущего науки о культуре, причём задача очень актуальная, поскольку отсутствие в науке эффективной единой морфологии культуры очень затрудняет исследование её как системной целостности.

Так или иначе, но вопрос о сущности культуры, её основных функциях и морфологии поддаётся системному обобщению лишь при рассмотрении культуры в качестве аспекта социальной жизни. Этот подход представляется неизбежным, как бы ни сопротивлялись ему гуманитарии. Культура — это программа обеспечения, нормирования и регуляции социальной (коллективной, групповой) жизнедеятельности людей, что отличает её от индивидуальной жизни человека, где культурные навыки практически присутствуют в большом количестве, но не играют такой системообразующей роли, как в групповой активности. Культура — это выражение социальности человека, его потребности во взаимодействии с себе подобными.

2. Что является основной причиной исторической

устойчивости культуры и наиболее значимым двигателем её исторической изменчивости? Динамика культуры, выражаемая в её устойчивости (обычно называемой *традицией*) и изменчивости (называемой *новаторством*), изучалась почти всеми учёными, исследовавшими культуру.

В сложении моих взглядов на культурную динамику наибольшую роль сыграли разработки выдающегося французского социолога второй половины XIX – начала XX века Э. Дюркгейма. Им, в частности, были исследованы процессы разделения труда и нарастания специализированности в трудовой деятельности человека в ходе истории [2], что мной рассматривается как социальная основа культурной динамики.

Следует отметить то, что в деревне, в крестьянской среде процессы разделения труда и роста специализации отдельного работника были очень незначительны (на это обращал внимание и Дюркгейм). Крестьянин по сути своей являлся специалистом-универсалом, умеющим делать всё, что необходимо в сельском хозяйстве и организации быта в деревне. Технологические обновления в крестьянском труде случались нечасто и, как правило, были вызваны необходимостью адаптации к изменившимся природно-климатическим условиям, которые обычно были более или менее устойчивыми [7]. Соответственно и образ жизни крестьянской общины отличался традиционностью, приверженностью к исторически сложившимся обычаям.

Совсем иная картина наблюдалась в городе, где большая часть профессиональной деятельности (в частности ремесленной) выполнялась по эксклюзивным заказам людей, способных за это заплатить и соревновавшихся друг с другом в символизации своего привилегированного положения и статуса (социальной престижности). Эта социальная конкуренция между заказчиками (как частными лицами, так и структурами: например, церковью и светской властью) неизбежно перерастала в профессиональную конкуренцию между исполнителями заказов. А это в свою очередь способствовало процессам разделения труда и росту специализированности каждого работника, быстрейшему обновлению технологий (в пределах научно-технических возможностей того или иного исторического периода), возрастанию индивидуально-творческого начала в исполнении этих эксклюзивных заказов и т. п. Иными словами, разделение труда и рост специализированности работника имели место преимущественно в городе и иницировались в конечном счёте идеологическими причинами.

Если соотнести дюркгеймовскую модель разделения труда (изложенную здесь, конечно, в моей интерпретации) с проблемой устойчивости и изменчивости культуры, то становится очевидной их непосредственная корреляция. Я полагаю, что устойчивость — это преобладающее свойство крестьянской традиционной культуры (называемой обычно

народной; я предпочитаю именовать её «культура-обычай») и обусловлена она не ретроградством крестьянского сознания, а стабильностью технологий крестьянского труда и всего деревенского уклада жизни. Напротив, специфика трудовых процессов в городе и особенная роль фактора социальной престижности (по существу — идеологии) в городской жизни обусловили потенциальную готовность городской культуры к изменчивости (прежде всего сегмента, называемого элитарной культурой). Это долгое время сдерживалось низким уровнем научно-технических возможностей, но, начиная с промышленного переворота второй половины XIX века, пришло в ускорение, которое по экспоненте развивается и сейчас. Изменчивость — это родовое свойство городской элитарной культуры (которую я именую «культура-идеология»), особенно развившееся с появлением прослойки специализированных идеологических работников — интеллигенции.

Из этого вовсе не следует, что деревенской культуре вообще не свойственна никакая изменчивость, а в городской культуре отсутствует устойчивость. Конечно, во всех сегментах культуры имеет место и то и другое. Здесь речь идёт только о доминантных свойствах деревенской и городской культур, а фактически на культурную динамику влияет много факторов. Впрочем, эти факторы, как правило, прямо или опосредованно связаны со структурой деятельности или особенностями её осуществления. Так или иначе, но вряд ли кто-нибудь станет спорить с тем, что историческое культурное развитие, воплощённое в процессах изменчивости, в пределах известной нам письменной истории шло, главным образом, в городской культуре.

По моему мнению, основными причинами исторической устойчивости и изменчивости культуры являются соответствующая *устойчивость и изменчивость технологий деятельности человека и предпочитаемых форм продуктов* (результатов) этой деятельности (как материальных, так и интеллектуальных, художественных, социальных, политических и проч.). Этот технологический ракурс понимания культурной динамики волновал и Л. Уайта [16; 17], и ряд иных авторов, но более всего его реализовал в научном анализе Д. Белл в своей знаменитой книге «Грядущее постиндустриальное общество» [1].

Такая констатация рождает очень важный теоретический (и даже идеологический) вопрос: означает ли это то, что культурные процессы сами не обладают системообразующей самостоятельностью, а являются лишь производными от социальных процессов? Признаюсь читателю, что мне очень хочется ответить на этот вопрос утвердительно, от чего меня удерживает лишь трезвое понимание ограниченности моих знаний. А вдруг что-то очень важное я ещё не знаю или не понимаю? Поэтому я оставляю этот вопрос открытым...

3. Каковы возможные принципы научного познания культуры? Проблемой разнообразия методологий научного познания культуры занимались многие авторы, и я неоднократно писал об этом и даже читал соответствующие курсы студентам и аспирантам [19]. Но сейчас речь пойдёт не о разных способах изучения (методологиях), а о разных идеологиях обобщения научных знаний. В определённом смысле такие идеологии имел в виду Т. Кун, говоря о научных парадигмах [6]. В своих взглядах на эту проблему я опираюсь на концепцию академика В. С. Стёпина, делящего науку на три парадигмальных этапа — классический, неклассический и постнеклассический [15]. Я буду рассматривать эти три парадигмы именно как научные идеологии, базирующиеся на различных мировоззрениях, абстрагируясь от иных их специфических черт, менее существенных в проблемном контексте этой статьи.

Классическая наука, ведущая свою историю ещё от времён Античности и до второй половины XIX века (в Европе и Америке), основывалась на идее *абсолютности истины*. Истина воспринималась как божественная или природная закономерность, не зависящая от каких-либо внешних условий и личных трактовок. В мире, понимаемом таким образом, добро и зло, белое и чёрное и т. п. всегда были чётко разделены и противостояли друг другу. Такое бинарное мировосприятие получило название логоцентризма [10; 11]. В науке подобная идеология, где истина обосновывается авторитетом (статусом и харизмой) изрекающего её лица, являлась, по сути, религиозной, независимо от личной религиозности конкретного учёного.

Неклассическая наука, которую В. С. Стёпин отсчитывает приблизительно от Ч. Дарвина (публикация «Происхождения видов» состоялась в 1859 г.) и теоретическим апогеем которой можно считать теорию относительности А. Эйнштейна (1905–1916 гг.), отстаивает идею *относительности (релятивности) всякой истины*. Истина зависит от контекста, в котором она постигается, и отражает ситуативное взаиморасположение смысловых детерминант. При изменении этой композиции меняются и параметры истины (пространства-времени по Эйнштейну). Соответственно добро и зло, белое и чёрное и т. п. являются таковыми в одном ракурсе обозрения, а в ином ракурсе могут поменяться местами или вообще потерять актуальность. Такое мировоззрение, профанизирующее любой авторитет, по определению может быть только атеистическим (агностическим).

И, наконец, постнеклассическая наука, становление которой связывается с синергетикой (70-е гг. XX в.), а в гуманитарной области выразителем которой, на мой взгляд, является философия постмодернизма, *отходит от истины как научной категории*. С позиций постмодернизма, то, что называют «истиной», представляет собой субъективное

суждение какого-то человека, чьё сознание неизбежно ангажировано мировоззрением, идеологией, гражданской позицией и т. п. В системе такого мировоззрения добро и зло, белое и чёрное и т. п. — не более чем условные ярлыки, развешанные одними людьми, которые другие люди могут снять, поменять местами, заменить иными. Истины — это чьи-то высказывания, их можно компоновать произвольным образом, создавая любые смысловые концепты. Синергетики полагают, что случайность столь же важна и частотна, как и закономерность, а, следовательно, и истина в половине случаев является случайностью и не имеет критериальной значимости. Ещё одной характерной новацией постнеклассической науки является отход от представлений о вертикальном иерархическом строении универсума и переход к представлениям о горизонтальном сетевом его строении.

Возникает вопрос: какое это имеет отношение к изучению культуры? На мой взгляд, самое непосредственное. Культуру можно адекватно понимать и эффективно интерпретировать только в мировоззренческих границах науки, актуальной для своего времени. Попробуйте в рамках логоцентрической идеологии классической науки понять и проинтерпретировать искусство авангарда первой трети XX века? Авангард выглядит как смысловой хаос. И наоборот, формы классического искусства с позиций неклассической науки трактуются как наивное детство художественного творчества с минимизированным индивидуальным началом. Миметическое (реалистическое) искусство Античности и Нового времени воспринимается классической наукой как шедевр, а в створе постмодернистского взгляда является лишь забавным мифотворчеством. Сюрреализм с классических позиций считался интеллектуальным вырождением, неклассическим сознанием он признавался, но воспринимался как смысловая игра и обрёл адекватное понимание лишь с рождением постмодернистской трактовки культуры. Тема «странных интерпретаций» классического художественного наследия (в частности оперного) современными постановщиками стала уже привычной для науки о культуре [20].

Но это искусство. А вот научная спорность социологической и культурологической трактовок массовой культуры, на мой взгляд, связана с устаревшей мировоззренческой позицией, в рамках которой её пытаются понять и найти к ней ключи. Попытки применить к ней классические критерии измерения и оценки бесполезны, она никак не вписывается в них. Массовая культура (которую я называю «культурой-референцией») построена не как классическая

культура по вертикальной иерархической модели, где заведомо предустановлено, где верх, где низ, что хорошо, а что плохо, а совершенно по-другому, по горизонтальному сетевому принципу, где хорошее и плохое уже не актуальны как оценочные категории.

Такие же сложности связаны с адекватным пониманием современного состояния бытовых обычаев, интерпретацией сложной множественной идентичности современного человека, системным представлением об образе жизни современного горожанина и т. п. Их пытаются рассмотреть в прежней иерархической сетке координат, а они уже совсем иные, и понять их можно, только увидев в ином ракурсе.

Мне очень нравится сентенция археологов, гласящая, что каждый найденный артефакт обретает научную значимость лишь тогда, когда его удаётся вписать в образ жизни изучаемого сообщества. Точно так же и каждый культурный артефакт может быть правильно понят и проинтерпретирован только в контексте мировоззрения своей эпохи, и в том числе с позиций актуальной для своего времени научной парадигмы.

Но этим нужно специально заниматься и искать адекватные научные подходы, порой не имеющие отношения к собственному мировоззрению исследователя.

* * *

Предпринятая попытка моделирования теории культуры, конечно, не исчерпывает всех основных вопросов этой области знаний, а лишь отражает мои собственные научные интересы. Впрочем, маловероятно, что эти интересы далеки от проблем, актуальных для всей культурологической науки. В данной статье рассмотрен лишь один из вариантов актуализации стратегических задач науки о культуре.

На мой взгляд, главная научная проблема культурологии состоит в поиске адекватного понимания культурных артефактов и их актуального интерпретирования. А это непростая задача, поскольку перед исследователем всегда стоит возможность выбора того, с каких идейных позиций осуществлять это понимание, в каком мировоззренческом ключе осуществлять это интерпретирование. И здесь многое зависит от филигранной точности выбора познавательного ракурса исследования. В частности, этим определяется то, насколько верно производится реконструкция социальной реальности прошлого и интерпретируется социальная реальность настоящего по их специфичным культурным формам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. — Москва : Академия, 1999. — 944 с.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. — Москва : Наука, 1991. — 575 с.
3. Каган, М. С. Человеческая деятельность / М. С. Каган. — Москва : Политиздат, 1974. — 328 с.
4. Костина, А. В. Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе / А. В. Костина. — Москва : УРСС, 2009. — 216 с.
5. Культура [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Культура> (дата обращения: 24.03.2016).
6. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. — Москва : Прогресс, 1975. — 300 с.
7. Маркарян, Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции / Э. С. Маркарян // Совет. этнография. — 1982. — № 2. — С. 78–96.
8. Морфология культуры. Структура и динамика : учеб. пособие для вузов / под ред. Э. А. Орловой. — Москва : DrDoom, 1994. — 415 с.
9. Орлова, Э. А. Социальная (культурная) антропология : учеб. пособие для вузов. — Москва : Акад. проект, 2004. — 480 с.
10. Пелипенко, А. А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории : учеб. пособие для вузов / А. А. Пелипенко. — Москва : МГУКИ, 2007. — 436 с.
11. Пелипенко, А. А. Культура и смысл // Избранные работы по теории культуры / А. А. Пелипенко. — Москва : Согласие-Артем, 2014. — 728 с.
12. Стёпин, В. С. Культура / В. С. Стёпин // Вопр. философии. — 1999. — № 8. — С. 61–71.
13. Стёпин, В. С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция) / В. С. Стёпин. — Москва : Прогресс-Традиция, 2000. — 743 с.
14. Стёпин, В. С. Культура / В. С. Стёпин // Всемирная энциклопедия. Философия. — Москва, 2001. — С. 524–526.
15. Стёпин, В. С. Культура / В. С. Стёпин // Новейший философский словарь. — 3-е изд. — Минск, 2003. — С. 344–346.
16. Уайт, Л. Наука о культуре // Избранное : Наука о культуре / Л. Уайт. — Москва, 2004. — Часть III : Энергия и цивилизация. — С. 347–420.
17. Уайт, Л. Стадии эволюции, прогресс и оценка культур // Уайт Л. Избранное : Эволюция культуры. — Москва, 2004. — С. 526–556.
18. Флиер, А. Я. Культура / А. Я. Флиер // Культурология. XX век : в 2 т. Т. 1. — Санкт-Петербург, 1998. — С. 336–338.
19. Флиер, А. Я. Методологии и методы культурологии : учеб. программа для студентов по специальности «культурология» / А. Я. Флиер. — Москва : МГУКИ, 2003. — 16 с.
20. Шапинская, Е. Н. «Евгений Онегин» глазами Другого : британская интерпретация в кино и на оперной сцене [Электронный ресурс] / Е. Н. Шапинская // Культура культуры. — 2015. — № 2. — Режим доступа: <http://cult-cult.ru/eugene-onegin-from-the-point-of-view-of-the-other/> (дата обращения: 20.03.2016).

Материал поступил в редакцию 21.07.2017 г.

Сведения об авторе: Флиер Андрей Яковлевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (г. Москва).
Контактные данные: e-mail: andrey.flier@yandex.ru.

БРЕЙТМАН АЛЕКСАНДР СЕМЁНОВИЧ

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ: ТРАГЕДИЯ ИЛИ ФАРС?

(киноэтюд о власти А. Балабанова «Жмурки»)

Статья посвящена фильму Алексея Балабанова «Жмурки». Вышедший на экраны в 2005 году, он не утратил актуальности и сегодня. Фильм — рефлексия известного режиссёра на современность.

Ключевые слова: «новые русские», трагедия, фарс, стёб.

Keywords: the New Russians (Novye Russkie), tragedy, farce, banter.

*В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!*

А. А. Блок, «Двенадцать»

Третья криминальная революция, о которой так долго говорил известный режиссёр и депутат Государственной Думы С. Говорухин, — свершившийся факт новейшей истории России.

С самых первых кадров фильму «Жмурки» задаётся нарочито-эпический размах. На экране — титры: 1990-е годы. Перед нами типичный урок в типичной современной школе: «Накопление начального капитала». Усталый голос учительки произносит уже сто раз повторённое: «В начале 90-х годов все нынешние олигархи приобрели начальный капитал». Сказанное тут же переводится в практическую плоскость: иллюстрируется «до боли знакомой» по бесчисленным бандитским сериалам сценой кровавой пытки, где в качестве палача — молодой изувер с лицом интеллектуала из НИИ советских времён.

Среди прочих достоинств Алексея Балабанова-художника — способность к стилизации и умелое использование детали. Но если в предыдущих лентах (в «Брате» — песенный рефрен как лейтмотив или отсутствие музыкального слуха у главного героя, «Про уродов и людей» — аксессуар садиистских утех или клетчатый костюм Иоганна, в «Реке» — точный отбор объектов съёмки скованного стужей фактически первобытного существования якутского лепрозория) это делается почти с изысканной виртуозностью, то в «Жмурках» — намеренно грубыми мазками, наотмашь. Кажется, режиссёром был осуществлён самый экзотический подбор персонажей. Чего только стоят удручающе однообразные, выразительно-дегенеративные, с одинаковыми плебейскими чубчиками одинаково гнедой (ржаво-грязный), с незначительными вариациями, масти, физиономии главных фигурантов этой криминальной комедии, в которых не сразу-то и признаешь знакомые всем черты Н. Михалкова, С. Маковецкого, Г. Сукачёва, В. Сухорукова, Д. Дюжева. А в устрашающем обличье некоего «доктора» (А. Серебряков) проступают черты чудовища-зомби доктора Франкенштейна из знаменитой ленты Д. Уэйла. Не менее выразительны и нежно-розовый пиджак, и наколки в виде серпа-молота, аббревиатуры СССР и профиля товарища Сталина, осенённого православным крестом, на могучей груди пахана Сергея Михайловича (Н. Михалков), расслабляющегося в баньке (памятнике архитектуры XIX века) под хриплые раскаты Высоцкого: «Растопи ты мне баньку, хозяйюшка...». Столь же незамысловаты, как мычание коровы, и шутки-прибаутки того же Сергея Михайловича, трогательно заботящегося о здоровье своего толстячка-сынка — «умника», знающего, где у кобылы просак; и милое обыкновение Саймана

(Д. Дюжев), предпочитающего устраивать кровавые разборки и «мочилово» под аккомпанемент любимых «виниловых» исполнителей; и «счастливо» приобретённая привычка напарника Саймана — Серёги (А. Панин) креститься на там и сям мелькающие церковные купола; и «идеологический спор» дружков-громил, что лучше: американские гамбургеры или русские пирожки; и музыкальные пристрастия панка с ирокезом, по совместительству студента-медика, извлекающего под заказанную им русскую музыку пулю из живота подстреленного при исполнении «служебных» обязанностей Серёги... и т. п.

Да, режиссёр вволю поиздевался («постебался», говоря на молодёжном сленге) над этими лезущими изо всех щелей представителями «новой» цивилизации.

Всё было бы смешно, если бы не было так грустно... У А. Балабанова нет иллюзий на этот счёт. Так же, как и герой «Брата», дружки-громилы собираются «рвануть» в центр. Но если у Данилы Багрова (Дани) режиссёр ещё обнаруживает какие-то атавистические представления о том, что сила — в правде, то Саймон и Серёга, как и большинство персонажей «Жмурок», — законченные «отморозки», некий продукт вырождения человеческого вида как такового.

В финале фильма на экране — вновь титры: 2005 год. Перед нами роскошные апартаменты депутата Государственной Думы. Мы видим Саймана, помощника депутата, а вот и сам депутат — Серёга (знать, не зря крестился на купола!), оба сменившие бандитский «прикид» на респектабельный костюм; секретарша — бывшая официантка (Р. Литвинова); вахтёр — бывший пахан Сергей Михайлович и его сынок — ныне «шестёрка» при депутате... Депутат Серёга сидит в депутатском офисе перед огромным, во всю стену, окном. Перед ним — величественная панорама Кремля, в перспективе — всей Москвы, бесстыдно раскинувшейся на своих семи холмах перед новым претендентом-самозванцем. Москвы, познавшей и руку золотоордынских правителей, и патологическую жестокость Ивана Грозного, и предательство бояр, и воцарение самозванца Гришки Отрепьева, и «буйный смерч Петра», и беспрецедентный большевистский геноцид, и криминальную революцию новейшего времени.

Заключительным аккордом звучит известная песня в исполнении Ж. Агузаровой «Недавно гостил я в чудесной стране»...

Известно, история повторяется дважды: первый раз как трагедия, второй — как фарс. Фильм «Жмурки» — фарс, и фарс злой. Он вызывает смех. Очень бы хотелось надеяться, что мы, смеясь, наконец-то расстанемся со своим криминально-новорусским настоящим. Все фильмы Алексея Балабанова — шаг к самопознанию. Иначе будущее — всегда лишь плохо усвоенное прошлое.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Материал поступил в редакцию 25.12.2017 г.

*Сведения об авторе: Брейтман Александр Семёнович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международных коммуникаций, сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail.ru: brejtman54@mail.ru; тел. 8-924-109-24-23.*

► Социокультурная реальность

АМПЛЕЕВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Цель данной работы — выявить особенности демографического перехода в Китае, используя метод PEST-анализа, основанный на исследовании факторов внешней среды: политико-правовых, экономических, социально-культурных, технологических.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, «Одна семья — один ребёнок», демография, PEST-анализ.

Keywords: People's Republic of China, One-child policy, demography, PEST analysis.

Демографическая проблема в самом общем виде заключается в динамике населения и сдвигах в его возрастной структуре, неблагоприятных для экономического развития. Данная ситуация складывается по-разному в различных странах. Так, например, в ряде развивающихся стран она представляет резкий рост населения, отчасти тормозящий экономическое развитие, лишая страны возможности осуществлять производственное накопление в сколько-нибудь значительных размерах. В развитых же странах, наоборот, становится явной депопуляция вследствие устойчивого превышения смертности над рождаемостью.

Что же касается Китая, то можно сказать, что здесь наблюдается демографический переход, который характеризуется сменой традиционного типа воспроизводства (рождаемость и смертность высоки — численность населения растёт медленно) современным (низкая рождаемость и смертность — невысокий естественный прирост). Эксперты выделяют четыре фазы демографического перехода:

1) в первой фазе снижение смертности происходит быстрее, чем снижение рождаемости, в результате резко увеличивается естественный прирост населения;

2) во второй фазе смертность продолжает снижаться, но рождаемость падает ещё быстрее, вследствие чего прирост населения постепенно замедляется;

3) для третьей фазы характерно замедление снижения рождаемости при некотором повышении смертности, так что естественный прирост сохраняется на невысоком уровне;

4) наконец, в четвёртой фазе показатели смертности и рождаемости становятся почти одинаковыми, и процесс демографической стабилизации заканчивается [4, с. 683].

Принято считать, что первая фаза в Китае началась с событий 1949 года, после образования Китайской Народной Республики, приведших к радикальному изменению демографической ситуации в стране. Так, по результатам первой в Китае переписи 1953 года численность населения составила 594 миллиона человек, в 1962 — 672,9 миллиона; в 1965 году — 725,4 миллиона; в 1970 году — 825,4 миллиона; в 1975 году — 919,7 миллиона, то есть фактически каждые пять лет население страны увеличивалось приблизительно на 100 миллионов человек [5].

Вторая фаза демографического перехода в стране наблюдается с 1970-х годов, когда Госсовет Китая утвердил «Доклад относительно работы в сфере политики планового деторождения» и впервые стал осуществляться контроль над темпами роста населения, этот пункт был даже включён в программу развития народного хозяйства. Позже правительством был выдвинут лозунг-требование «поздно, редко, мало» (晚稀少 — wǎn xī shǎo), означающий призыв поздно вступать в брак: для мужчин это не раньше 25 лет,

а для женщин не раньше 23 лет; редко рожать, то есть интервал между рождением детей в семье должен быть как можно более продолжительным; мало рожать — каждая супружеская пара должна иметь не больше двоих детей. 25 сентября 1980 года ЦК КПК опубликовал «открытое письмо о контроле над повышением населения Китая» и призвал всех поддерживать и приветствовать инициативу государства: «У одной супружеской пары только один ребёнок» (独生子女政策). Также был принят закон о повышении брачного возраста¹: для мужчин — до 22 лет, для женщин — до 20 лет. Но позднее вводятся дополнительные ограничения, например, категорически запрещается создавать семью студентам, вплоть до угрозы исключения из института. В сентябре 1982 года на XII съезде КПК политика планового деторождения была утверждена как основная государственная и спустя два месяца вписана в Конституцию страны. Формулировалась обязанность граждан так: «Оба супруга несут обязательство соблюдать политику планового деторождения» [2].

Для семей, имеющих одного ребёнка, предусматривались льготы, например, право на первоочередное получение жилья, бесплатное содержание ребёнка в детском саду, преимущества при приёме в вузы и т. д. Крестьянским семьям с одним ребёнком были увеличены размеры выделяемых приусадебных участков.

С 2001 года для супругов, имеющих двух детей и более, в ряде районов Китая введены санкции. Например, при рождении второго ребёнка родители обязаны вернуть премию, выплачивавшуюся им ежемесячно как семье с одним ребёнком, а также заплатить штраф, размеры которого, в зависимости от доходов и места жительства, колеблются от нескольких сот до нескольких тысяч юаней.

Результаты такой политики проявились далеко не сразу. Так, в 1980 году численность населения составляла 987 миллионов человек, в 1989 году — 1 127 миллионов, а по оценкам на 2001 год — 1 276,2 миллиарда, то есть выросла всего на 289,2 миллиона за 20 лет реформ [5].

Однако впоследствии избранный курс стал включать в себя некоторые исключения. В частности, с 1984 года крестьянским семьям разрешено иметь второго ребёнка, если в семье недостаточно рабочих рук, при условии, что между рождением первого ребёнка и рождением второго должен существовать определённый интервал. Были послабления и для представителей национальных меньшинств Китая: они вполне законно могли растить двух, трёх или больше детей. В связи с этим существует мнение, что больше всего закон ограничивал в правах именно коренную нацию — ханьцев, живущих в городах, что не раз приводило к межэтнической

¹ Закон о браке, опубликованный в мае 1950 г., устанавливал официальный возраст вступления в брак: для мужчин — 20 лет, для женщин — 18 лет.

нестабильности. Исключением также являлись представители высших эшелонов власти и бизнесмены, легко выплачивающие установленные за ребёнка «сверх нормы» штрафы, что вызывало недовольство у простых граждан, порождая тем самым социальную напряжённость.

С 2013 года послабление вводится в зависимости от провинции. Например, у жителей Пекина появилась возможность иметь двух детей, если каждый из родителей был единственным ребёнком в своей семье. В октябре 2015 года на V пленуме ЦК КПК XVIII созыва, основной темой которого стало обсуждение плана экономического и социального развития Китая на 2016–2020 годы, было принято решение об отмене «политики одного ребёнка», её заменила так называемая программа «полное разрешение двоих детей» (全面两孩). И с 2016 года правительство разрешило всем семьям иметь двух детей [1].

Результатом проводимой политики стали изменения традиционного отношения к проблеме деторождения, сложившегося у молодых под воздействием прежних реформ, долгосрочной пропаганды и самой социальной структуры. Традиционное воспроизводство сохранилось только в деревне, где рождаемость остаётся выше, чем в городах. Кроме того, наблюдается перенос внимания с проблемы количества детей на их качество, то есть на заботу об их воспитании и образовании. Таким образом, на 2016 год только 12% китайских семей решились родить второго, официально разрешённого ребенка, поскольку затраты на образование увеличиваются вместе с экономическим развитием страны. И всё чаще наблюдается появление семей *childfree*, где супруги не хотят иметь детей вообще.

Не только политика правительства, но и экономическое развитие страны сказались на демографической ситуации, в частности, повышение уровня жизни и восстановление равных прав мужчин и женщин дают женщинам возможность получить высшее образование и наравне с мужчинами участвовать в экономическом процессе. В результате происходит смещение ценностей: от создания семьи к построению карьеры. Поскольку главная нагрузка по выхаживанию и воспитанию детей по-прежнему ложится на женщин, они объективно не заинтересованы в многодетности, что ведёт к снижению коэффициента фертильности китайских женщин с 5,8 в 1970-х годах до 1,6 в 2016–2017 годах, что меньше показателя 2,1, поддержание которого требуется, чтобы сохранить стабильную численность населения [8].

Кроме того, в рамках программы «Одна семья — один ребёнок» государство не только брало на себя расходы, связанные с ограничением рождаемости (в том числе расходы на осмотр, госпитализацию и хирургические операции), но и в обязательном порядке стало ежемесячно выдавать различные средства контрацепции. С развитием медицины

получили широкое распространение вазектомия у мужчин и стерилизация у женщин, более доступными стали аборт. Однако эта возможность привела к значительной половой асимметрии — аборт по половому признаку незаконны, но происходили очень часто. Такая асимметрия связана с традиционным предпочтением мальчиков девочкам. В Китае сегодня один из самых внушительных в мире дисбалансов в численности мужского и женского населения. Мировой нормой является соотношение при рождении 105 мальчиков на 100 девочек. Согласно переписи населения Китая в 2000 году, это соотношение увеличилось примерно до 117 мальчиков на 100 девочек, а в 2017 году это соотношение составило 127 и 109 соответственно [5; 7]. Китайские эксперты полагают, что отмена политики «Одна семья — один ребёнок» позволит преодолеть этот дисбаланс: если первой родится девочка, можно законно родить ещё одного ребёнка. В итоговом документе, принятом на V пленуме ЦК КПК, говорится, что «изменение политики направлено на то, чтобы сбалансировать развитие населения и решить проблему старения» [1].

Кроме всего прочего, за последние 50 лет в результате реформы здравоохранения состояние здоровья китайцев значительно улучшилось: согласно статистике Всемирной организации здравоохранения, продолжительность жизни в Китае к 2017 году увеличилась до 75,5 года, а коэффициент детской смертности сократился до 2,5%.

Следствием выше изложенных фактов стали сокращение рождаемости до 12 промилле и сокращение смертности до 8 промилле, что впоследствии может привести к значительному перекосу в социальной структуре в сторону пожилого населения. Уже сейчас статистика возрастной структуры Китая выглядит следующим образом: 0–14 лет: 17,15%, 15–64: 72,04%, 65 лет и старше: 10,81% [7]. По прогнозам японских исследователей, в 2050 году количество пожилых людей в Китае составит 20–30%, что примерно равно нынешней ситуации во Франции и Швеции [6]. Однако Китаю ещё только предстоит создать эффективную и материально обеспеченную пенсионную систему, поэтому большинство китайцев пока придерживается традиционного мнения, что никто не сможет лучше обеспечить им безбедную старость, чем их собственные дети. Через десять лет, когда «бейби-бумеры» Китая начнут уходить на пенсию, первое поколение «политики одного ребёнка» возьмёт на себя уход за пожилыми членами семьи — не только за родителями, но и за дедушками и бабушками.

Таким образом, особенности демографического перехода в Китае заключаются в следующем. С точки зрения политико-правовых факторов, длительное время проводилась политика ограничения рождаемости, с использованием как административных (прямые запреты), так и экономических

(налоги и штрафы) средств. К тому же новая политика страны тоже носит ограничительный характер — только двое детей в одной семье. Развитие технологий в сфере здравоохранения способствовало снижению как рождаемости, так и смертности, а также увеличению продолжительности жизни. Влияние социально-культурных факторов намного сложнее. Во-первых, традиционное предпочтение иметь сыновей привело к дисбалансу в половой структуре населения. Кроме того, старение населения повлекло за собой увеличение социальной нагрузки на его трудоспособную часть, что в перспективе грозит проблемами пенсионной системы. В-третьих, дифференцированная демографическая политика в зависимости от региона проживания,

национальности, а также материального статуса семьи является одним из факторов роста социальной напряжённости и межэтнических конфликтов. Значительную роль играют и экономические факторы. Рост уровня жизни и урбанизация вызывают смещение ценностей в обществе. Стремление женщин сделать карьеру усиливает их роль в экономически активном населении, что соответствует лозунгу, так активно внушаемому с 1970-х годов: «поздно, редко, мало», то есть увеличивает и возраст вступления в брак, и срок между появлением детей и стимулирует желание иметь максимум одного ребёнка. Можно предположить, что данные особенности, сложившиеся в настоящее время в Китае, в ближайшем будущем сохранятся.

Список использованных источников

1. Гулева, М. А. Отмена политики «одна семья — один ребёнок» в Китае / М. А. Гулева // *Азия и Африка сегодня*. — 2016. — № 6. — С. 24–33.
2. Курто О. Установка на детей [Электронный ресурс] / О. Курто // *Русский клуб в Шанхае*. — Шанхай, 1998–2017. — Режим доступа: <http://www.russianshanghai.com/articles/china/post1851>. — Дата обращения: 20.01.2018 г.
3. Лу Си. 30 лет политики планового деторождения / Лу Си // *Китай*. — 2015. — №12 (122). — С. 18–20.
4. Хисамутдинов, И. А. Основы экономики и теории рынка / И. А. Хисамутдинов. — Уфа: Изд-во УГНТУ, 2008. — 734 с.
5. *China statistic yearbook (中国统计年鉴)* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/index.htm>. — Дата обращения: 30.01.2018 г.
6. *Statistical Handbook of Japan 2011* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/>. — Дата обращения: 27.01.2018 г.
7. *The world factbook* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.cia.gov/>. — Дата обращения: 30.01.2018 г.
8. *United Nations Population Fund, Sex Ratio-Facts and Figures, July 2004* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unfpa.org/swp/2005/english/boxsources.htm#sourcel>. — Дата обращения: 27.01.2018 г.
9. 我国“全面两孩”政策效果继续显现(Ли Сижун). В 2017 году продолжают выявляться результаты политики «полного разрешения двоих детей» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/tjsj/sjtd/201801/t20180120_1575796.html. — Дата обращения: 30.01.2018 г.

Материал поступил в редакцию 30.01.2018 г.

Сведения об авторе: Амплеева Наталья Сергеевна, магистр азиатских исследований, библиотекарь второй категории Зоны информационных ресурсов на китайском языке Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск). Контактная информация: e-mail: ans134@mail.ru.

ИВАНОВА АЛИНА ПАВЛОВНА

В ПОИСКАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО СТИЛЯ: ХАБАРОВСКИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ

В статье представлен краткий очерк хабаровского постмодернизма, охватывающий временной отрезок с 1990-го по 2018 год. Продемонстрирован поиск новой выразительности в архитектуре как реакция на 30-летнее засилье типовой застройки. Приведены характерные черты архитектуры рассматриваемого периода — цитатность, ироничность, полихромность. Предпринята попытка осуществить периодизацию дальневосточного архитектурного постмодернизма.

Ключевые слова: дальневосточный стиль, постмодернизм, хабаровский стиль, приморский стиль, симулякры, карнавальный дизайн.

Keywords: Far Eastern style, Postmodernism, Khabarovsk style, Primorye style, simulacrum, carnival design.

В дальневосточном постмодернизме, на наш взгляд, можно выделить несколько эпох.

Типичный пример раннего бюджетного хабаровского постмодерна. Хабаровск, ул. Ленинградская, 56.

Эпоха «бури и натиска» (90-е годы XX в.). Ранний brutальный постмодернизм являлся архитектурно-пространственным оформлением «дикого капитализма». Символом эпохи стали пресловутые «феодалные слободки». На этом этапе оказался востребованным исторический опыт гарнизонной архитектуры в её оборонно-замковом варианте, что символически отражало непростую обстановку «войны всех против всех». Во Владивостоке более широкое распространение получили «готтицизмы»: в пригородной зоне встречаются замки с пинаклями, вимпергами, щипцовыми завершениями фронтонов и стрельчатыми окнами, украшенными витражами. В целом для раннего постмодернизма типичны грубая («топорная») детализовка и полное потворство незатейливым вкусам заказчиков. С сегодняшней точки зрения, архитектурное наследие эпохи первоначального накопления капитала представляется курьёзным; быть может, со временем мы более объективно взглянем на красно-кирпичные феодалные замки 1990-х годов.

Эпоха «коммерческого» постмодернизма (1998–2008 гг.) ознаменовалась расцветом коммерческого барокко и ложного модерна. Во Владивостоке, помимо этих направлений, широко распространилась «красная готика». Массовый характер приняла реконструкция советского модернизма в условно-историческом стиле, отсюда — феномен «клиповой», дискретной городской среды, который создаётся точечной интеграцией «исторического» декора в застройку 60–80-х годов XX века.

Новостройки Владивостока. Новая «красная готика».

Остановимся на типичных методах псевдоисторической стилизации советского модернизма. Что они представляют:

- сооружение над плоскими конструктивистскими объёмами мансардных этажей с вальмовыми крышами, покрытыми черепицей;
- пристройку к нижнему ярусу зданий аркад, символизирующих торговую функцию, и портиков, акцентирующих входные зоны;

Пример «нового кирпичного стиля». Хабаровск, ул. Пушкина, 42.

– замену прямоугольных оконных и дверных проёмов полуциркульными;

– облицовку фасадов полированным камнем с имитацией рустовки, пилястр и прочих классицистских приёмов; использование ажурных решёток в качестве декора.

Для новых построек типичны следующие приёмы:

Одна из первых хабаровских высоток, декорированная в нео-ар-деко. Хабаровск, пер. Ленинградский, 53.

– обилие эркеров, ризалитов и лоджий, создающих «барочный» (несмотря на отсутствие лепнины) эффект насыщенной пластики фасадов с глубокой светотенью. Сложный изрезанный периметр новостроек, объёмы, перегруженные выступающими элементами, объясняются проблемой инсоляции и стремлением обеспечить максимальное количество квартир с панорамным обзором, что резко повышает стоимость квадратного метра;

– живописный ступенчатый абрис зданий, получаемый за счёт застройки сложных и поэтому ранее пустовавших участков с перепадами рельефа;

– полихромность, достигаемая при помощи использования черепицы (зелёной, ультрамариновой и бордовой), кремовой облицовки стен и контрастного цоколя;

Один из первых примеров хабаровского постмодернизма: появляются треугольные фронтоны, формирующие живописный силуэт, и сквозная арка. Хабаровск, ул. Нагишкина, 2а.

– условный декор в виде символических ступенчатых карнизов.

Приёмы, характерные для Владивостока:

– воскрешение традиций наружных лестниц, обыгранных как живописный динамичный элемент фасадной композиции;

– активное использование брандмауэров в виде высоких фронтонов с целью создания живописного силуэта здания.

Особенности хабаровской архитектуры первой четверти XXI века:

– ренессанс краснокирпичной мало- и среднеэтажной застройки, использование приёмов кирпичной кладки, характерной для начала XX века;

– обилие ажурного кованого декора.

Эпоха «корпоративного постмодернизма» (2008–2018 гг.). В Хабаровске и во Владивостоке появляются постройки значительных размеров, венчающие части которых решены как гипертрофированные колоссальные карнизы, а цоколи декорированы редуцированными ордерными элементами или

Строящийся микро-небоскрёб на ул. Владивостокской (г. Хабаровск) с аркатурой и профилированным карнизом, венчающим здание.

аркадами. Экспрессивность образа, полученного в результате столкновения двух противоречивых эстетических систем: сверхнового транснационального «зеркального» модернизма и крайне условного, но безошибочно опознаваемого «гиперклассицизма», позволяют говорить о новой волне ар-деко.

Также можно выделить краткий период *урбан-постмодернизма (2014–2017 гг.)*, ознаменовавшийся появлением затейливых веранд, бурным расцветом настенных росписей и прочим карнавалом, инспирированным Центром прикладной урбанистики. Для этого периода характерно «вовлечённое» проектирование, учитывающее интересы, запросы и ценности людей, живущих в данном месте, сотрудничество с ними, но об этом подробнее поговорим в другой раз.

В целом дальневосточный постмодернизм проявляется на следующих уровнях сложности:

– фрагмента: так называемая порталная архитектура, когда в «исторических» стилях обыгрываются только входная зона и прилегающий участок стены;

– интерьера: когда за зеркальными навесными фасадами скрываются псевдобарочные апартаменты (впрочем, часто встречается обратный вариант: в отреставрированном

историческом особняке с лёгкой руки дизайнеров внутренние пространства декорируются в хай-теке или минимализме);

– детали: отдельные элементы (башенки, мансарды, решётки и проч.) с разной степенью органичности имплантируются в структуру нового, как правило, высотного, здания;

– фасада: за исторической декорацией скрывается современная коробка (ТД «Лотос»);

– объёма: здание в целом копирует исторический объект;

– ансамбля: новый квартал имитирует исторически сложившуюся городскую среду.

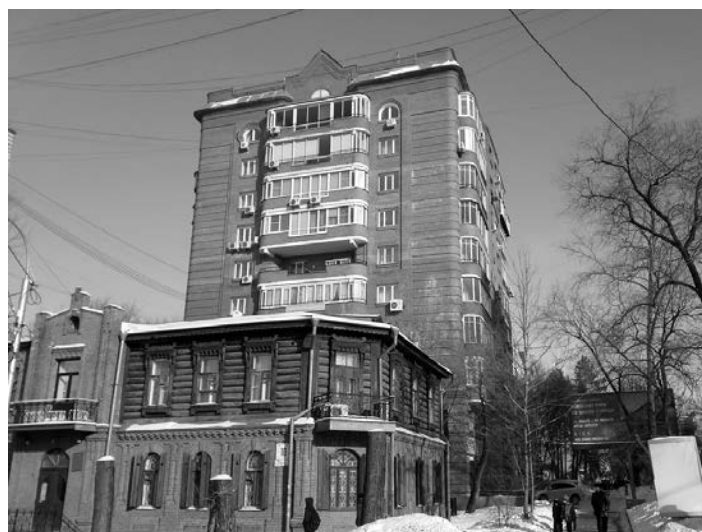
Имитация исторической среды. Владивосток, Океанский проспект.

Самым расхожим маркером нового стиля стала арка. В советском модернизме арки если и были, то исключительно прямоугольной конфигурации, в 1990-е же годы полуциркулярная арка стала главным символом «евроремонта». Позволю себе цитату из манифеста Рема Колхаса «Мусорное пространство» (это программное определение как нельзя лучше описывает дивный новый мир): «Арка, которая когда-то была рабочей лошадкой инженерных решений, превратилась в затасканную эмблему «общности». Там, где её нет, её (обычно гипсовую) просто налепливают, запоздало вспомнив о красоте, на возведённые в спешке гигантские корпуса» [1, с. 54].

Помимо «иконических» объектов, ставших символами 2000-х годов, хабаровский постмодернизм сформировал довольно цельный архитектурный ландшафт. Теперь можно уверенно говорить о становлении хабаровского стиля. Новые кварталы, формирующиеся из разноэтажной застройки, выделяются на привычном монохромном фоне смелыми колористическими пятнами и вертикальными акцентами, создающими живописные силуэты. Вкрапление псевдоисторических цитат придаёт новостройкам темпоральную глубину. Весь этот массовый коммерческий постмодернизм бесконечно плодит симулякры — объекты, имитирующие не конкретную

«Уплотняющая застройка» начала 2000-х. Эркеры и робкий фронтон. Хабаровск, ул. лейтенанта Шмидта, 2.

«Новый кирпичный стиль». Хабаровск, ул. Ким Ю Чена, 39.

Интересный гибрид лайт-брутализма и ретроромантизма (арка, треугольный фронтон). Хабаровск, ул. Пушкина, 23.

постройку или стиль, а некое обобщённое представление о том, как должно выглядеть «историческое» здание.

Во Владивостоке современная застройка носит более стихийный, хаотичный характер, что объясняется исключительной сложностью рельефа, а также традициями стиля порто-франко. Типология владивостокского постмодерна воспроизводит дореволюционную городскую среду: доходные дома, конторы (офисы), банки, особняки, рестораны, отели, «бутики», ломбарды, «номера», букмекерские и адвокатские конторы, скупку и продажу конфиската, кофейни, частные клубы, арт-студии и т. д. Архитектурный ландшафт этого города обладает замечательными адаптационными возможностями, благодаря которым дикие нагромождения разновременных и разностильных сооружений образуют живописные, весьма романтические (при взгляде с акватории

бухты) панорамы. Ансамбли формируются не поквартально, как в Хабаровске, а серпантинными лентами ярусной застройки сопок. Точечные высотные объекты обильно декорируются шатрами, куполами, фронтонами и проч., имеющими (по сравнению с хабаровским ретроромантизмом) более «готичные», гротескные очертания. Вообще, новая архитектура Владивостока отчасти пародийна, её игровой, театральный характер хорошо ощутим.

Принято считать, что атомизация общества естественно ведёт ко всё большей раздробленности общего социокультурного поля. В архитектуре это наглядно выражается в появлении бесчисленного количества «стилей», превращающих городскую ткань в постмодернистский бриколаж. Подводя

Типичный квартал в духе хабаровского постмодернизма: башенка с шатром акцентирует угол, кованые кронштейны, поддерживающие широкий вынос карниза, намекают на знакомство с ар-нуво. Хабаровск, ул. Дикопольцева, 46, 48.

*Самый яркий пример ироничного приморского постмодерна.
Владивосток, Океанский проспект.*

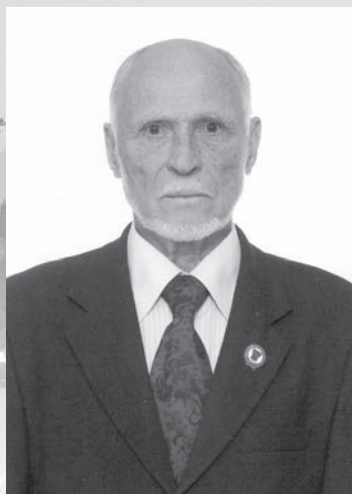
итог краткому обзору дальневосточного постмодернизма, можно с определённой долей уверенности сказать, что этот стиль и стал основой новой региональной архитектуры.

Список использованных источников

1. Колхас, Р. Мусорное пространство / Р. Колхас. — Москва : Artguide Editions, 2015. — 84 с.

*Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 17.01.2018 г.*

*Сведения об авторе: Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: iva.nova@mail.ru.*

КРАДИН НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

ЗОДЧИЙ И ПЕДАГОГ ПЁТР СВИРИДОВ: ИЗ ПЕТЕРБУРГА В КИТАЙ, ЮЖНУЮ АФРИКУ И АВСТРАЛИЮ

Статья посвящена многогранной творческой деятельности архитектора Петра Сергеевича Свиридова (1889–1971), выпускника Института гражданских инженеров (г. Санкт-Петербург), оказавшегося после Гражданской войны (1918–1922) в китайской эмиграции. Автор рассматривает проектную и педагогическую деятельность архитектора, анализирует его многочисленные постройки в Харбине.

Ключевые слова: Сибирь, Харбин, Свиридовы, политехнический институт, архитектурные объекты.

Keywords: Siberia, Harbin, Sviridovs, Polytechnic Institute, architectural objects.

Известно, что выпускники Строительного училища (позднее — Институт гражданских инженеров, а ныне Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет) работали не только в центральной части России, но и на самых дальних её окраинах. Немало их оказалось после революции и Гражданской войны за пределами страны, в том числе и в китайской эмиграции. Занимаясь поиском фамилий архитекторов и инженеров, работавших на восточных окраинах России, автору удалось выявить более 750 специалистов, получивших высшее профессиональное образование в столичных учебных заведениях, главным образом в Петербурге. Многие из них своим творческим вкладом внесли в застройку городов на востоке России, а также за её пределами новшества, характерные для столичной архитектуры. В числе именно таких архитекторов был и Пётр Сергеевич Свиридов, оказавшийся по воле судьбы в китайской эмиграции и проработавший в Харбине более 30 лет. Да, он был одним из многих архитекторов русского зарубежья, однако далеко не все из них оказали столь заметное влияние на развитие архитектуры Харбина в первой половине XX столетия. Свиридов не только проектировал и строил, но ещё и преподавал архитектуру в Харбинском политехническом институте, работал много лет деканом строительного факультета. Его имя помнят ещё и сегодня бывшие его студенты — выпускники Харбинского политехнического института, живущие в разных странах. До настоящего времени среди построек, сохраняемых в Хар-

бине как памятники архитектуры, имеется немало зданий, возведённых по проектам этого талантливого российского архитектора (гражданского инженера). Да и сам комплекс зданий политехнического института — едва ли не главное архитектурное творение П. С. Свиридова. Выдающуюся роль сыграл профессор Свиридов также в становлении не только в Харбине, но в целом в Китае, высшего архитектурно-строительного образования.

Родился Пётр Сергеевич 7 сентября 1889 года четвёртым ребёнком в многодетной семье (10 детей) потомственного дворянина в городе Красноуфимске Пермской губернии (ныне Свердловская область, в 224 километрах от Екатеринбурга). Там же, в Красноуфимске, Пётр окончил реальное училище, после чего в 1907 году поступил в Институт гражданских инженеров в Санкт-Петербурге. Обучаясь, получал стипендию от Красноуфимской уездной земской управы. Учился П. С. Свиридов прекрасно, невзирая на жизненные невзгоды. В мае 1908 года он написал на имя директора института следующее прошение: «Не имея возможности сдать все экзамены к назначенному сроку ввиду нижеизложенных обстоятельств, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне держать оставшиеся экзамены по физике и химии осенью. Во время Рождественских вакаций 5 января сего года был убит мой отец. Оставшись в то время старшим в семье, я должен был

Семья Свиридовых.
Крайний слева — Пётр.
(Фото из семейного архива
Е. Скударновой.)

*Пётр Сергеевич Свиридов, 1914 год.
(Фото из семейного архива Е. Скударновой.)*

принять на себя все устройство семейных дел и, не имея возможности уделять времени для занятий дома, должен был запоздать и на занятия в институт, о чем и уведомил Ваше Превосходительство телеграммой. Затем, приехав в Петербург в начале февраля, я должен был хлопотать и здесь тоже по устройству семейных дел и заниматься только урывками. 25 февраля я получил повестку о вызове меня на Военно-окружной суд в г. Екатеринбург свидетелем по делу об убийстве моего отца и потерял на это еще около двух недель. Таким образом, только почти с половины марта я мог серьезно приняться за работу, но в такой короткий срок не мог выполнить всего, что требовалось для перехода на второй курс. Принимая во внимание все вышеизложенное и то душевное состояние, в котором я находился после такого тяжелого семейного горя, я надеюсь, что Ваше Превосходительство найдет мои причины вполне уважительными и удовлетворит мое прошение» [5].

В годы обучения, во время летних каникул и практик, П. С. Свиридов много работал: в Тамбове — в 1910-м и 1911 году, в 1912-м — изыскателем по прокладке новых путей в Пермской губернии, в 1913-м — техником по канализационным работам в Санкт-Петербургской городской управе, а в 1914 году — в Царском Селе на постройке казарм и квартир для офицеров лейб-гвардии 2-го Царско-Сельского полка у архитектора дворцового ведомства А. И. Носалевича. Кстати, практикуясь в течение двух лет в Тамбове, Свиридов познакомился там с городским архитектором П. Ф. Федоровским, с которым позднее окажется в китайской эмиграции. Они встретятся и будут работать в Харбинском политехническом институте. Любопытно ещё и то, что сын Федоровского Пётр будет работать в Харбине под началом Свиридова, осваивая архитектурное мастерство, и затем с его рекомендацией уедет в Шанхай. Такие вот интересные жизненные коллизии, такое переплетение судеб...

Как видим, ещё в студенчестве будущий архитектор набирался практического опыта, и в 1915 году, по окончании института, он уже имел солидную строительную практику. Однако сразу же приступить к работе ему не пришлось: год выпуска совпал с войной, которую Россия вела с Германией, а потому молодого инженера призвали в армию, и до 1918 года он служил в русских императорских войсках на Северогерманском фронте. Перед этим П. С. Свиридов прошёл ускоренные специальные курсы в Михайловском артиллерийском училище, а затем его направили в тяжёлую полевую артиллерию младшим офицером. В войсках он также исполнял обязанности командира батареи, занимал должность начальника связи, был адъютантом командира дивизиона. В семейном архиве родственников сохранилась его фотография в военной форме этого времени.

*Пётр Сергеевич Свиридов, 1915 год.
(Фото из семейного архива Е. Скударновой.)*

Русско-германская война и революция не позволили начать работу недавнему выпускнику столичного института по своей гражданской специальности. Правда, в период

Гражданской войны он некоторое время служил помощником архитектора на Мурманской, затем младшим архитектором на Пермской железной дороге. Как опытного инженера его мобилизовал в свои войска адмирал Колчак. В Сибири Свиридов находился в качестве производителя работ в специальном военно-строительном отряде, служил в инженерных железнодорожных частях, занимаясь восстановлением мостов и дорог, так что работа у него получалась военно-гражданская. В качестве начальника поезда особого назначения в 1920 году его командировали во Владивосток, куда можно было доехать по КВЖД, однако по прибытии поезда в Харбин выяснилось, что во Владивостоке 31 января произошёл революционный переворот и ехать туда было нельзя. Комендант Харбина своей властью уволил П. С. Свиридова в бессрочный отпуск, и именно с этого времени началась его многолетняя харбинская эпопея. Харбин стал для него второй родиной.

Судя по биографическим материалам, собранным мною в различных архивах, в России П. С. Свиридов не успел создать практически никаких построек, а вот в Харбине он стал одним из ведущих зодчих. В собственноручно составленной анкете, заполненной в 1935 году, Свиридов написал, что «постоянной службы в частных предприятиях не имел. Постройку зданий в частном порядке, как архитектор, производил для частных предприятий и отдельных лиц в очень большом количестве. Количество возведенных мною частных построек и проектов, составленных для частных лиц, во всяком случае, превышает цифру сто» [2]. Ещё в 1921 году в Харбине им были выполнены проекты трёхэтажного флигеля И. В. Кулаева на улице Таможенной, каменная служба и ограда усадьбы М. И. Лютая на улице Стрелковой и три деревянных дома с каменными службами Ван Гучана и Тянь Заньяна на 3-й линии. К сожалению, постройки эти не сохранились, как, впрочем, и многие другие постройки русских архитекторов в Харбине, и мы не можем судить о том, что они собой представляли. Авторство же большинства сохранившихся зданий выявить затруднительно в связи с отсутствием о них архивных сведений и проектных материалов.

В 1922 году в Харбине П. С. Свиридов женился. Избранницей его стала Зинаида Ивановна Попова, работавшая конторщицей в службе тяги управления КВЖД, проживавшая в Харбине с родителями и братом с 1905 года. В течение нескольких лет (1920–1924 гг.) Пётр Сергеевич работал агентом Харбинского городского участка Службы пути на КВЖД, архитектором технического отдела в том же ведомстве и архитектором Службы пути КВЖД (1925–1935 гг.). Занимаясь проектированием и строительством самых различных объектов для КВЖД, Свиридов одновременно (с 1924 г.) стал преподавать в Харбинском политехническом институте и заниматься научной деятельностью,

Пётр Сергеевич Свиридов. Портрет периода эмиграции. (Фото из семейного архива Е. Скударновой.)

благо учебное заведение располагалось наискосок и через дорогу от управления КВЖД. Свиридов опубликовал целый ряд статей и докладов в разных журналах и сборниках, в том числе на японском языке.

В начале 1930-х годов Свиридову пришлось руководить проектными и строительными работами по переустройству театра «Модерн», в результате чего в Харбине появился комплекс, равного которому не было в дальневосточных городах. Вот что писала об этом местная газета: «Кому приходилось совершать поездки по городам Дальнего Востока, тот засвидетельствует, что столь комфортабельно и роскошно отделанного театра и на всем Дальнем Востоке нет... перестройка театра значительно увеличила его размеры. Прежде вместимость театра доходила всего до 750 мест, теперь количество мест увеличено до 1200... А вместе с тем театр сохранил весь свой фешенебельный уют и нет ни одного места, которое было бы неудобным для зрителя... После «Модерна» даже странно выходить снова на привычную харбинскую улицу — кажется, что побывал где-то в другом городе, более богатом и благоустроенном, чем наш Харбин» [1]. К оформлению театральных интерьеров были привлечены художники Г. Г. Сафронов, Е. М. Лобачёв и М. А. Землянов.

Не менее интересна и история создания Харбинского политехнического института (ХПИ), в котором П. С. Свиридов в течение многих лет руководил курсовым и дипломным архитектурным проектированием. Известно, что ещё в 1904 году в Харбине открылось техническое училище, разместившееся в двухэтажном здании, однако здесь же находилось и Железнодорожное собрание, а в 1908 году открылась ещё и торговая школа. Через год на этом же участке появилось двухэтажное здание Российского генерального консульства. В 1920 году все эти здания были переданы русско-китайскому техникуму, преобразованному спустя

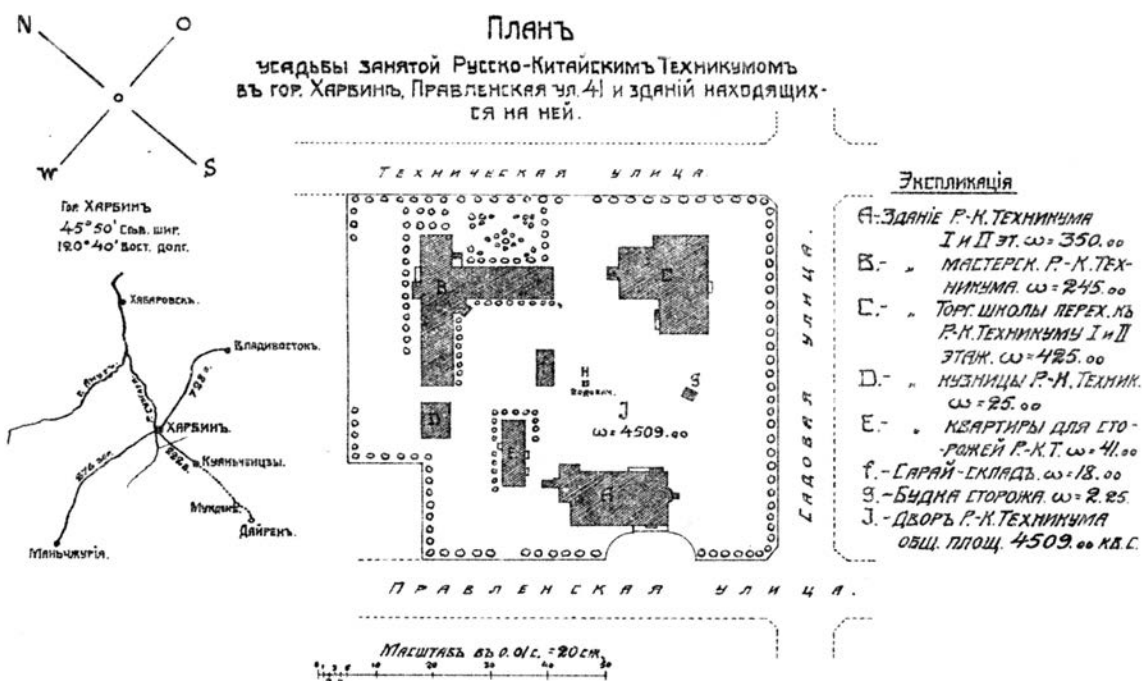

Новый корпус Харбинского политехнического института, 1929 год. (Фото автора.)

два года в политехнический институт. Разрозненные здания были объединены в единый комплекс, затем в разные годы построено ещё несколько корпусов, обрамляющих целый квартал вдоль Большого проспекта, Технической, Садовой и Правленской улиц в Новом городе Харбина. По проекту Свиридова в 1929 году был построен большой корпус общежития института, сохранившийся до настоящего времени, в котором теперь размещается научный центр этого учебного заведения. Как и прежние постройки, новое здание было решено архитектором в модерне, ставшем в Харбине на протяжении более двух десятилетий ведущим архитектурным стилем. Протяжённый главный фасад здания равномерно

расчленён прямоугольными окнами, ось симметрии фасада акцентирована ризалитом и сильно вынесенным портиком, над которым устроен просторный балкон-терраса. К зданию ведут парадная лестница и два пандуса. Широкая лента фриза и карниза охватывает фасад, над ризалитом аттик расчленён тройным арочным окном. В объёме крыши устроены мансардные помещения с круглыми окнами.

Все корпуса сохранились во дворе учебного комплекса, а на красной линии Большого проспекта в 1953 году по проекту П. С. Свиридова было закончено строительство многоэтажного корпуса этого института. Новое здание выделяется среди окружающей застройки представительностью

План русско-китайского техникума.

Новый корпус Харбинского политехнического института, 1950-е годы. (Фото автора.)

и характерной для подобного рода зданий монументальностью. Архитектура нового института довольно сильно напоминает стилистику советской архитектуры 1940–1950-х годов. В 1946 году Свиридов стал деканом строительного факультета ХПИ, не оставляя и проектного дела. Министерством промышленности Китая он был назначен главным инженером по капитальному строительству и значительному расширению (с проектированием и строительством новых зданий) Харбинского политехнического института.

Из других крупных зданий, кроме ХПИ (ныне это Архитектурно-строительный институт), П. С. Свиридов построил ещё несколько сооружений. Среди них комплекс Дворца культуры трудящихся, расположенный на Старохарбинском шоссе (ныне проспект Сунь Ятсена), возведённый в середине 1950-х годов. Довольно сложный по планировочной и объёмно-пространственной композиции, комплекс Дворца культуры в то же время обладает художественной вырази-

тельностью и архитектурными достоинствами, позволившими признать его памятником архитектуры Харбина.

Свиридов проектировал и строил не только в Харбине. Как архитектор управления КВЖД он контролировал строительство по всем линиям дороги, проектировал и строил сам. Известно, например, что по его проекту был построен вокзал в Суанчене, он вёл в 1926 году строительство моста через железную дорогу по Офицерской улице, на границе между районами Пристань и Новый Харбин.

Авторству П. С. Свиридова принадлежат и несколько памятников. В частности, в 1936 году на Большом проспекте, рядом с Николаевским собором, по его проекту сооружён памятник жертвам борьбы за грядущий порядок, а в 1939 году под его руководством осуществлён другой памятник — жертвам борьбы с Коминтерном.

К сожалению, многие работы П. С. Свиридова остаются пока неизвестными. Наверняка где-то в архивах сведения

Здание Дворца культуры трудящихся в Харбине. Главный фасад. (Фото автора.)

о них имеются, как и о самом авторе, внесшем в развитие архитектуры и архитектурного образования в Харбине неограниченный вклад. Вполне возможно, что сохранились и чертежи выполненных им проектов. Они могут быть в архиве управления дороги, здание которого по сей день существует в прежнем своём назначении. Нужны поиски. Китайские исследователи этим, к сожалению, не занимаются, а нам, российским исследователям, доступ в их архивы практически закрыт. Говорят, что имеется и неразобранный архив политехнического института тех лет, когда в нём работал Свиридов.

Обилие заказов и наличие постоянной работы позволяло ему жить в эмиграции, с материальной точки зрения, достойно. Он имел собственный дом в Харбине на улице Хайларской (угол Почтовой), построенный в 1931 году, а также дом и участок земли в местечке Хошигаура в городе Дальнем. Финансовое состояние и положение в обществе позволяли Свиридову даже выезжать за границу. Так, в 1938 году он вместе с женой совершил двухнедельное путешествие в Японию.

В 1954 году П. С. Свиридов со своей женой покинули Харбин. Они переехали в Южную Африку, где архитектор проработал восемь лет, после чего супруги переселились в Австралию. Там Пётр Сергеевич, находясь на пенсии, принимал активное участие в церковно-общественной жизни. По его проекту в Покровском храме в Кабраматте был сооружён иконостас и сделаны паникадила. 2 сентября 1971 года, не дожив пяти дней до своего 82-летия, Пётр Сергеевич Свиридов умер от паралича сердца и был похоронен в Сиднее. Спустя 18 лет там же, в Сиднее, скончалась и его супруга Зинаида Ивановна Свиридова.

Пётр Сергеевич Свиридов и в эмиграции оставался настоящим патриотом России. После смерти архитектора один

Могила Свиридовых в Сиднее, Австралия. (Фото из Интернета.)

из его первых выпускников, инженер Н. П. Калугин, проживавший в Америке, написал о своём педагоге в небольшой статье в эмигрантской газете «Русская жизнь» следующее: «П. С. Свиридов был лучшим проектировщиком гражданских сооружений, когда-либо известных в этом крае. Он обладал исключительно редким вкусом, художественным чутьем, тщательно прорабатывал основные детали зданий и безукоризненно претворял их в жизнь. Имя его, как талантливого зодчего, автора проектов домов и технического исполнителя, стояло высоко и известно широким слоям общества... Прежде всего, он был русским и превыше всего ставил свое русское. Этим преклонением была пропитана вся его жизнь, вся его деятельность. Вместе с тем он унаследовал лучшие черты русских интеллигентов старших поколений» [4].

Автор благодарит Елену Скударнову, проживающую в Санкт-Петербурге, за предоставление сведений и фотографий из семейного архива Свиридовых.

Список использованных источников

1. А. Л. «Модерн» — красивейший из театров Дальнего Востока. Осмотр после перестройки и ремонта / А. Л. // Заря. — 1932. — 1 янв. (№ 1). — С. 15.
2. Государственный архив Хабаровского края. — Ф. 830. — Оп. 3. — Д. 55374.
3. Некролог о смерти П. С. Свиридова // Политехник (Сидней). — 1972. — № 4. — С. 149–150.
4. Хисамутдинов, А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке : библиограф. словарь / А. А. Хисамутдинов. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. — 358 с.
5. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. — Ф. 184. — Оп. 3. — Д. 3119, л. 2.

Материал поступил в редакцию 13.10.2017 г.

Сведения об авторе: Крадин Николай Петрович, доктор архитектуры, профессор кафедры «Архитектура и урбанистика» Института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск), заслуженный архитектор РФ. Контактные данные: e-mail: n_kradin@mail.ru.

ТАРАСОВ ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ,
ШУЛЬЖЕНКО
НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

ТОПОНИМИКА КАМЧАТКИ: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СВЯЗЬ С ИСТОРИЕЙ ОСВОЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА

Статья обращена к анализу ономастического, в частности топонимического, пространства Камчатского полуострова. В исследовании представлен анализ эволюции русскоязычного сегмента в «топонимическом портрете» Камчатки.

Топонимика является инструментом изучения культуры, но помимо этого она может служить источниковой базой для исторических исследований. Важным элементом настоящей работы можно считать представление объективных причин распространённости русской (славянской) топонимики на территории Камчатского края; в статье обозначены принципы именаречения географических объектов на ранних этапах освоения; специфика присвоения топоимён на территориях позднего заселения (и малонаселённых территорий в целом); факторы морских географических открытий, геодезических, картографических изысканий материковой части полуострова, исторических событий и проч., что в основном связано с деятельностью русскоязычного населения.

Представленное исследование имеет дальнейшие перспективы для Дальневосточного и Восточно-Сибирского регионов.

Ключевые слова: ономастика и топонимика, Камчатский полуостров, «топонимический портрет», история освоения территорий позднего заселения.

Keywords: Onomastics (onomatology) and Toponymy, Kamchatka Peninsula, "toponymic portrait", history of late settlement territories development.

Приграничные территории любого государства являются специфической зоной освоения. Зачастую существует проблема их отторжения (оккупация, аннексия), а прибрежные территории-границы в этом отношении всегда более уязвимы. История показывает, что освоение подобных регионов нередко сопровождается различными спорами, территориальными притязаниями, особыми приёмами картографического и военно-фортификационного «закрепления».

Если для внутриконтинентальных акваторий (озёра, реки) этот вопрос стоит не так остро (особенно если они и прилегающие к ним акватории находятся в пределах государственных границ), то для морских и океанских побережий ситуация имеет совсем другую окраску.

Любой историк, обладающий аналитическими способностями, замечает такую особенность: прибрежные пограничные территории оборудованы постами и системой коммуникаций для поддержания их функций, и делается это гораздо раньше, чем начинается их культурное и промышленно-экономическое освоение. Для районов позднего заселения (которые уже населены представителями коренных народов) эта особенность проявляется ещё ярче.

Но строительное обустройство «форпостовых» территорий — это лишь одна грань вопроса. Не менее интересны картографическая фиксация и закрепление географических объектов в прибрежно-пограничной зоне. В качестве примера можно рассмотреть топонимику Камчатского полуострова.

Географические названия сами по себе являются серьёзным историко-географическим пластом, требующим изучения (и именно на современном этапе развития российской истории), но также это мощные лингвокультурологические и лингвopsихологические сегменты гуманитарных исследований. В последнее время интерес к ономастическому пространству Сибири и Дальнего Востока усиливается, что связано не только с повышением внимания исследователей к этнической истории, развитию региональной экономики (в частности туристической сферы), но и с процессами самоидентификации коренных народов Севера и Дальнего Востока.

Народы Севера, являясь древнейшими цивилизациями Сибири и Азиатско-Тихоокеанского региона, от которых практически не сохранилось письменных источников, несмотря на свою малочисленность, сконцентрировали в топонимике глубокие познания о природе, об экологии, окружающей среде, выверенные на протяжении многих веков. Благодаря этому они сумели создать своеобразную циркумполярную топонимику оленеводческих, охотничьих культур и культур рыболовов и морских зверобоев, в которую включаются и географические названия народов Камчатского полуострова. Топонимика коренных народов данного региона зафиксирована в большинстве случаев на русском языке.

Историк С. Б. Веселовский ещё в 1945 году писал об этом следующее: «Русские источники односторонни и, в общем, относятся к позднему времени истории этих народов, когда они вошли в сношения с русскими и попали под власть Русского государства. Таким образом, древнейшая история этих народов остаётся неосвещённой. Топонимический материал, вследствие присущей ему живучести, «консервативности», как говорят ученые, является очень ценным, — более ценным, чем данные археологии, — материалом» [1, с. 51]. Изучение и колонизация дальних уголков азиатской части континента русскими позволило сохранить уникальный топонимический портрет. Тем не менее существует и ряд проблем. Фиксация велась посредством русского алфавита и, откровенно говоря, не всегда высокообразованными людьми.

Таким образом, практически все топонимы Камчатки являются искажениями первичных топоизоглоссов. Местности, которые заселяли аборигены в XVII–XVIII веках, до сих пор сохраняют огромное количество старинных национальных названий. Особенности и закономерности формирования топонимики Сибири и Дальнего Востока, связанные с историей северных народов, их материальной и духовной культурой, особенности географического положения, уникальные природно-климатические условия, соотношение размеров территории и её заселённости, экономическое развитие, полиэтничный состав населения, своеобразие местной языковой базы и другие внешние факторы оказали огромное влияние на формирование уникальных и неповторимых, единственных в своём роде систем географических названий [2, с. 2–3]. Но это не «чисто русская», а, как уже было сказано выше, искажённая в русском языке топонимика.

Второй пласт картографически фиксированной топонимики — «русифицированные» топонимы. То есть в данном сегменте топонимики топонимема состоит из основы коренных народов, но с окончанием, префиксом или суффиксом из русской грамматики. Возможно добавление в топоформант русских лексем: Верхний, Нижний, Средний, Усть, Большой, Малый и проч.

Третий пласт связан не столько с русским языком, сколько с деградацией языков коренных народов. Причины исчезновения языков объективны и чаще всего не зависят от активизации русского населения на Дальнем Востоке в советский период.

Названия третьего «мёртвого» пласта — названия с утерянными этимологиями слов. Например: Авача (р., влк., бух., ительм. Суаачу, Вовача, Вауа, Вавача, возможно, Гшуабач (по Г. В. Стеллеру) — этимология забыта), Банная (р., прит. реки Плотниковой, вполне вероятно, аналогия по наличию горячих источников, но, скорее всего, от ительм. Баню (по С. П. Крашенинникову) — этимология неизвестна) и другие. До настоящего времени идёт спор о происхождении названия

самого полуострова, это длится давно. Наиболее известная версия опирается на мнение советского историка Б. П. Полевого, считавшего, что название связано с кличкой казака Ивана Камчатого, который совершал здесь первые походы со своим отрядом и любил носить рубаху из шёлковой (камчатой) ткани. Но есть мнение, что Камчатка происходит от айнского (курильская группа) КамцаккА (значение не установлено) [6, с. 74–81].

С другой стороны, топонимика Сибири и Дальнего Востока представляет собой эволюционный процесс, в соответствии с которым закономерна и неизбежна замена одних топонимов другими. Национальная политика Российского государства, связанная с коренными изменениями в языковой среде топонимического пространства Камчатского края, была разной на всех этапах освоения региона. Особенно интересно рассматривать взаимодействие с позиции изучения самой топонимии. Обратимся к историографическим аспектам изучения топонимии и истории эволюции «топонимического портрета Камчатского края».

Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие комплексных исследований по теме. Топонимика северных народов Сибири и Дальнего Востока не становилась в целом объектом специального монографического изучения, а существующие на сегодняшний день работы в большинстве своём посвящены изучению географических названий в контексте разных направлений топонимических исследований (исторического, географического, картографического, лингвистического и других смежных с ними наук). В дореволюционный период это особенно наглядно.

Научное осмысление изучения отечественной топонимии относится к советской историографии второй половины XX века. В 1960–1980-е годы на российском материале в работах Э. М. Мурзаева, А. И. Попова, В. А. Жучкевича [3; 10; 12] дан импульс к исследованию этой проблемы на региональном уровне. К Камчатскому региону обращались немногие исследователи и чаще всего в контексте всей дальневосточной топонимии. Исключением из ряда многочисленных региональных исследований по изучению топонимии Сибири и Дальнего Востока стала кандидатская диссертация краеведа В. П. Кускова, написанная в 1971 году, по исследованию топонимии Камчатского полуострова, представленная на соискание учёной степени кандидата географических наук [7]. К северным районам и западному побережью, центральной части Камчатского полуострова (точнее к его топонимике) комплексно подошли В. В. Леонтьев и К. А. Новикова [8].

В отличие от советского периода в настоящее время в исследовании топонимов наблюдается выдвигание на первый план историко-культурологического направления, связанного с выявлением отражения в них элементов материальной и духовной культуры северных народов Сибири и особенно палеоазиатских народов Дальнего Востока,

своеобразия их жизни и быта. Наглядным примером могут служить работы одного из авторов представленного исследования [13; 14; 15; 16].

Но важнее рассмотреть исторические условия формирования камчатской топонимии и влияния на неё русского языка.

Первые камчатские топонимы были закреплены документом — картой, составленной С. У. Ремезовым, хотя достаточно условной и приблизительной (так называемый чертёж Ремезова 1701 года). Эти названия чаще всего не записывались на месте, а говорились по памяти, к тому же и времени после возвращения казаков с Камчатки проходило немало. Кроме того, названия фиксировались посредством аналитических «обработок» расспросов очевидцев и письменных «скасок», «отписок», «доездов». В первую очередь это наименования рек: Воемпаллха (Воямполка), Кигил (Тигиль), Кинчик (Кихчик), Люторка (Олюторка). Вместе с ительменскими, корякскими названиями на «чертеже Ремезова» появляются пока немногочисленные русские: реки Таловка, Пустая, Лесная, Русакова, Берёзовка, сопка Горелая, острог Верхней Камчатской. Примечательно, что в основе первых русских топонимов тоже преобладают физико-географические и ориентирно-описательные характеристики.

Следующий период длиной около двадцати пяти лет истории «картографического освоения» полуострова включает в себя изыскания отправленного на них за бунт казака И. П. Козыревского. Иван Петрович собственноручно начертит карту Камчатки, на которую ляжет новый пласт географических названий, отражающий короткий, но активный этап освоения и исследования полуострова. К известным уже нам топонимам на «чертеже Козыревского» 1726 года добавится множество новых: Ича, Аглукомина, Крутогорова, Конпакова (Колпакова), Кыхчик, Большая, Опала, Явина, Чажма, Кроноцкая, Шемячик (Семячик), Малкова, Ашача (Асача), Колбачик (Толбачик), Калигерская губа, Авача. Это названия рек, морских заливов, островов — топонимы, входящие в группу гидронимов различного типа (они же преобладали на чертежах С. У. Ремезова). Но в отличие от ремезовских чертежей карта И. П. Козыревского дополняется целым рядом названий событийно-исторического звучания, отражающих более основательное изучение и освоение полуострова. Вот несколько примеров: Воровская (р. на зап. побережье Камчатки, слово «вор» в русском языке когда-то означало «бунтовщик», «злодей», происхождение названия связано с частыми столкновениями казаков с жителями приречья); Большерецкий острог (в отписке И. Козыревский объясняет: «И на показанной Большой реке острог и ясачное зимовье... поставил, и с бою аманатов взял, и в вечной ясачной платеж привел»); Голыгина (р. на юго-зап. Камчатки, названа по фамилии якутского казачьего десятника Ивана Голыгина, погибшего в этом районе); Федотовщина (р., зап. побережье, название

связано с именем Федот, подобные названия зимовий и рек есть на территории Колымы, Якутии и Прибайкалья). Это названия-маркёры — специфика «столблениа» освоенной территории. К ним же относится ещё ряд геоимён, связанных с антропонимикой русских людей, в основном казаков. Время рождения этих названий — конец XVII — начало XVIII столетия. Их не так много: остров Верхотурова, реки Козыревская, Ивашка, Шестакова, Трапезникова заимка и другие. Современниками этих названий являются антропонимы, образованные от личных имён коренных жителей Камчатки, и эта группа географических названий значительно шире. Хотя сам факт объясняется банальным «ориентированием» казаков для сбора ясака.

Таким образом, «первопроходческий этап» в формировании топонимики Камчатки отражает чёткое выполнение правительственных указаний по сбору ясака, подчинению коренных народов, строительству острогов, закреплению русских гарнизонов. Как следствие уже более глубокого изучения полуострова, в первой трети XVIII века в языковой практике русских поселенцев, в картографических материалах и других документах появляются названия самых разнообразных географических объектов: рек и речных притоков, озёр, горных систем, урочищ — часто более второстепенного значения. Это русская топонимия, дополнившая и частью вытеснившая местную, нёсшая физико-географическую окраску, но «обеднившая» более древнюю (реки: Белая, Белоголовая, Большая, Быстрая, Мутная, Еловка, Ключовка, Морошенная, Лесная, Лиственничная, Бобровка, Поперечная, Половинная, Пустая, Сопочная, Сухая, Горячая, Шумная, Таловская и другие; озёра: Курильское, Култушное, Дальнее; мысы: Маячный, Жёлтый и проч.).

Следующий этап развития русскоязычной топонимики связан с изучением внутренней гидросистемы, большинства горных возвышенностей и примечательных деталей ландшафта — он сложился в официальной практике уже ко второй трети XVIII века и обусловлен работами Первой и Второй Камчатских экспедиций, отражёнными в классическом труде С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» [4]. Его можно назвать ресурсным, так как он связан с началом ресурсного освоения, получением достоверных сведений о «мягком золоте» (соболь), «рыбьем зубе» (моржовый клык) и других гео- и биоресурсах полуострова. Поворотным пунктом камчатской истории стал 1716 год. Именно тогда впервые был проложен морской путь из Охотского порта к западному побережью полуострова. В этот период характерными являются такие названия, как реки Камбалина, Соболья и т. д. Другой характерной чертой являются «навигационные» названия (ориентирного (конкретного или ассоциативного) типа (по Тарасову О. Ю.) и именного (отчасти мемориального, отчасти закрепляющего характера). В это время переиме-

новываются и названия коренных народов, так как местные геоимена не несли в себе необходимой для навигации и хозяйствования нагрузки. Так, в частности, штурман Иван Фомич Елагин заменил на картах ряд местных морских топонимов: Коюмы — мыс Станицкого, Нитей — мыс Входной, Сапосма — мыс Безымянный, Ниакина — гавань Петропавловская, Нитасью — мыс Сигнальный, Ниукач — остров Хлебалкина, Уташам — мыс Северный полуострова Завойко [8, с. 24]. На протяжении более чем полувека от начала работы Второй Камчатской экспедиции всё более расширялись и уточнялись географические представления о береговой черте полуострова Камчатки и прилегающих к нему территорий. Совершенствовались карты, и соответственно увеличивалась номенклатура географических названий. Причём нужно особо подчеркнуть одну характерную особенность этого процесса: появление новых и трансформация, переосмысливание уже существовавших побережных географических названий носили особый характер. Здесь были свои методы. Когда моряки присваивали название какому-либо объекту или меняли прежнее, они чаще всего «привязывались» к самому приметному со стороны моря соседствующему ориентиру. На Камчатке такими ориентирами были, конечно, сопки, горные вершины. А поскольку многие из них были именованы ещё в первой трети XVIII века, то название сопки обычно передавалось береговому объекту. Это делалось в ряде случаев намеренно, чтобы облегчить заботы навигаторов. Так, бухта Наякшин (ительм.) гидрографами П. Ильиным и П. Скрыповым, проводившим в 1830 году детальную опись береговой полосы от мыса Шипунского до мыса Лопатка, переименована в Вилючинскую. Ими же названы (переименованы) мыс Ловушек, кекур Караульный, Тюленья отмель, Фальшивые островки и другое.

В районах с сильным влиянием русского языка местные топонимы частично ассимилировались, перейдя в разряд субстратных, то есть несущих следы древних камчатских языков. Часть коренных топонимов (сравнительно небольшая) была вытеснена новыми названиями [9, с. 28–58]. Но в целом русских названий в сравнении с топонимами аборигенных народов было мало, что соответствует негласному правилу «первопроходцев».

Следующий этап — «географический» — начинается с первого десятилетия XIX века. У берегов Камчатки побывало большое количество кругосветных и полукругосветных экспедиций. И в морской гидронимике появляются имена и фамилии капитанов и штурманов судов, государственных деятелей и их родственников, названия кораблей и проч. Это естественный процесс морских географических исследований. Сам период продлился до начала XX века.

С «советским периодом» камчатской истории освоения полуострова сопряжён новый пласт топонимики, отразивший в первую очередь наиболее существенные явления и события

в жизни территории. На карте Камчатки появились геоимена, связанные не только с именами камчатских коммунистов (и видных деятелей компартии страны в целом), героев Великой Отечественной войны, учёных, но и со значительными событиями в стране. На появление новых русских топонимов повлияла и работа геодезических экспедиций и института вулканологии Академии наук СССР.

Мы имеем сложную картину как распространения русских географических названий на территории Камчатского полуострова, так и изменения названий коренных народов. Чем это обусловлено и почему эти процессы на Камчатке были более интенсивными и нехарактерными для соседних территорий — Чукотского полуострова, Северного Приохотья и бассейна Колымы?

Первая причина — особенности географического положения (полуостровное), что в основном привело к «неконтактному» описанию береговой черты в рамках навигационной необходимости; вторая — малонаселённость

территорий (особенно внутриконтинентальной), что способствовало созданию большого пласта топонимии в русском языке, относящегося к малой гидронимии. Третья причина обусловлена «вкраплениями» морской топонимии, связанной с активизацией морских исследований в XIX – начале XX века; к четвёртой относится специфика «промышленного» освоения, которое в силу (опять же) географического положения (удалённости) Камчатского края активно начинается лишь в советский период.

Можно отметить и пятую (военно-фортификационную) причину, которая, как уже было сказано выше, связана с укреплением пограничных линий морского побережья.

Тем не менее необходимо активно возобновлять топонимические исследования, так как положение языков коренных народов полуострова пока не так плачевно, как могло бы быть. И хотя карта Камчатки составлена на русском языке, ещё есть возможность закрыть «белые пятна топонимики» в этом регионе.

Список использованных источников

1. Веселовский, С. Б. Топонимика на службе у истории / С. Б. Веселовский // Исторические записки / отв. ред. Б. Д. Греков. — Москва, 1945. — Т. 17. — С. 24–51.
2. Давыдова, Т. В. Топонимика северных народов Сибири и Дальнего Востока России: историографический аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / С.-Петерб. гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 2003. — 22 с.
3. Жучкевич, В. А. Общая топонимика : [учеб. пособие]. — Минск : Высшая шк., 1980. — 288 с.
4. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки / С. П. Крашенинников ; Рос. акад. наук : в 2 т. — Репр. изд. — Санкт-Петербург : Наука ; Петропавловск-Камчатский : Камчат, 1994.
5. Кусков, В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области : (Из истории происхождения геогр. названий) / В. П. Кусков ; Камчат. отд. Геогр. о-ва СССР. — Петропавловск-Камчатский : [Дальневост. кн. изд-во], 1967. — 128 с. : прил.
6. Кусков, В. П. Некоторые вопросы многоязычия камчатской топонимики / В. П. Кусков // Вопросы географии Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, 1970. — Вып. 6. — С. 74–81.
7. Кусков, В. П. Топонимика Камчатки : дис. ... канд. геогр. наук / В. П. Кусков ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. — Ленинград, 1972. — 176 с.
8. Леонтьев, В. В. Топонимический словарь Северо-Востока СССР : [справ. изд.] / В. В. Леонтьев, К. А. Новикова ; под ред. Г. А. Меновщикова. Магадан: Магадан, кн. изд., 1989. — 456 с.
9. Мартыненко, В. П. Камчатский берег: историческая лоция : [справ. изд.] / В. П. Мартыненко. — Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камчат. отд-ние, 1991. — 190 с. : ил.
10. Мурзаев, Э. М. География в названиях : (Введение в топонимику) : [учеб. изд.] / Э. М. Мурзаев. — Москва : Наука, 1979. — 168 с.
11. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимики : [монография] / Э. М. Мурзаев. — Москва : Мысль, 1974. — 384 с.
12. Попов, А. И. Географические названия : (Введение в топонимику) / А. И. Попов. — Москва ; Ленинград : Наука [Ленингр. отд-ние], 1965. — 181 с.
13. Тарасов, О. Ю. Освоение географического пространства Якутии : топонимический аспект : [монография] / О. Ю. Тарасов. — Хабаровск : ХГИИК, 2014. — 196 с.
14. Тарасов, О. Ю. Отражение исторических процессов освоения Северо-востока России в топонимике региона : [монография] / О. Ю. Тарасов. — Хабаровск : ХГИИК, 2012. — 246 с.
15. Тарасов, О. Ю. Топонимика районов позднего заселения: перспективы топонимических исследований на Дальнем Востоке России : [монография] / О. Ю. Тарасов. — Germany, Saarbruecken : Lambert Academic Publishing, 2013. — 118 с. — (На русском языке).
16. Тарасов, О. Ю. Топонимический аспект освоения Верхнего Приамурья : [монография] / О. Ю. Тарасов. — Хабаровск : ХГИИК, 2012. — 204 с.

Материал поступил в редакцию 09.12.2017 г.

Сведения об авторах:

Тарасов Олег Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела научно-инновационных разработок и дополнительного образования Хабаровского института инфокоммуникаций (филиал ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики»).

Контактные данные: e-mail: oltar-1972@mail.ru; тел.: 8-914-407-46-19, 8-924-404-26-06.

Шульженко Николай Владимирович, кандидат социологических наук, начальник отдела научно-инновационных разработок и дополнительного образования Хабаровского института инфокоммуникаций (филиал ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики»).

Контактные данные: e-mail: shulzhenko60@bk.ru; тел. 8-924-217-36-15.

БЕЛЫХ АННА СТАНИСЛАВОВНА

ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО АМУРА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются история заселения Нижнего Амура в дореволюционный период (1850-е – 1917 год), динамика расселения русских крестьян на различных этапах освоения нижеамурских земель, а также проблемы, возникавшие перед переселенцами.

Ключевые слова: русские крестьяне, крестьянское заселение юга Дальнего Востока, Нижний Амур, основание селений.

Keywords: Russian peasants, peasant colonization of the Far East south part, Lower course of Amur, the founding of villages.

В последнее время всё чаще поднимается вопрос о причинах катастрофического снижения численности населения Дальнего Востока, так как данный регион занимает важное в геополитическом отношении положение. Выдвигаются различные проекты для решения данной проблемы. Один из них направлен на предоставление гражданам Российской Федерации бесплатных земельных участков на Дальнем Востоке, так называемого дальневосточного гектара, в бесплатное пользование сроком на 5 лет. Детальное изучение данного вопроса в историческом аспекте тем более становится актуальным, что временное предоставление в бесплатное пользование или приобретение земли в полную собственность на льготных условиях уже практиковалось на территории в дореволюционный период. Встаёт вполне закономерный вопрос: каковы исторические итоги подобной политики, имели ли они свои положительные результаты и привели ли эти меры к увеличению численности в Приамурском генерал-губернаторстве. Автор предлагает рассмотреть историю крестьянского заселения территории Нижнего Амура и проследить изменение численности населения в период с середины XIX до начала XX века.

Крестьянской колонизации юга Дальнего Востока в означенный период, изучению культуры и хозяйственно-бытовой деятельности крестьян-переселенцев посвящено довольно много работ советских и современных исследователей, однако в течение долгого времени ряд авторов, такие как В. М. Кабузан, Ю. В. Аргудяева, Ю. Н. Осипов, Я. А. Барбенко [2; 3; 12; 21], рассматривал историю заселения и хозяйственного освоения русскими крестьянами нижнеамурских территорий лишь как начальный этап в рамках общего крестьянского расселения. Одновременно другие исследователи (Л. И. Галлямова, А. Н. Демьяненко, Л. А. Дятлова, А. Т. Мандрик [5; 7–9; 11; 16] и другие) обращались лишь к отдельным аспектам хозяйственной деятельности крестьян-переселенцев. При этом многие исследователи опирались на фактический материал, накопленный в дореволюционный период. В архивных документах и опубликованных источниках содержатся ценные статистические сведения, информация о ходе освоения данного региона с середины XIX до начала XX века, хозяйственно-бытовой деятельности крестьян-переселенцев и многое другое.

Первые ценные сведения о ходе заселения Приамурья в середине XIX века сообщил М. И. Венюков [5], об условиях жизни нижнеамурских переселенцев — писатель-публицист С. В. Максимов [15]. Пожалуй, первые наиболее полные сведения о населённых местах, численности крестьянского населения, об основных видах хозяйственно-бытовой деятельности были опубликованы лишь в конце 1900-го — начале 1910-х годов в трудах участников Амурской экспедиции 1910

года [18]. Источниковой базой настоящего исследования послужили статистические сведения, взятые из отчётов военных губернаторов Приморской области, канцелярии генерал-губернаторов Восточной Сибири и Приамурского края.

Цель работы — рассмотреть в динамике историю заселения низовьев реки Амур русскими крестьянами с середины XIX до начала XX века на различных этапах освоения указанного региона; показать, какое влияние на изменение численности населения оказывали природно-климатические и экономические условия.

Первая партия государственных крестьян была отправлена в Приморскую область на Амур по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва в 1855 году. Ими стали крестьяне с близлежащих территорий — из Иркутской губернии и Забайкальской области, переселение которых потребовало бы незначительного количества средств и усилий. Николай Николаевич понимал, что данная мера необходима для закрепления русских на берегах Амура и дальнейшего хозяйственного освоения территорий, что позволит в будущем решить сложный, полуторавековой амурский вопрос.

Организация крестьянского переселения была возложена на чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири М. С. Волконского. Он лично выбрал 51 семью в составе 481 человека обоего пола из 150 семей, изъявивших желание переселиться на Амур. Из них рабочих душ мужского пола — 167, женского — 119, нерабочих душ (дети и старики) мужского пола — 104, женского — 91. При отборе принимались во внимание следующие факторы: «здоровое состояние семьи, ее материальный достаток и количество рабочих рук, необходимых для прокормления и поддержания крестьянского семейства» [4, с. 382, 419]. Предпочтение отдавалось семьям, имевшим свой скот, добротные земледельческие орудия, домашнюю утварь и средства для обзаведения хозяйством, благодаря чему администрация края была бы избавлена от значительной части расходов по переселению.

Для увеличения числа желающих переселиться на Амур первым крестьянам-переселенцам был предложен ряд льгот: с них слагались все казённые и общественные недоимки прошлых лет; давалось освобождение от воинской повинности всех переселенцев с их детьми, родившимися до отправки в путь; передвижение со всем имуществом за счёт казны; снабжение хозяйственными предметами, ценностью до 50 рублей на семью. Более того, им предоставлялась денежная и материальная помощь. Согласно отчёту М. С. Волконского, переселенцы обеспечивались продовольствием не только на время пути, но и в течение двух лет с момента водворения на новом месте. Кроме того, крестьянам были предоставлены необходимые посевные ма-

териалы, специальные инструменты для расчистки целинной земли под пашни и огороды, рабочий скот [4, с. 383, 421].

На Амуре переселенцы основали первые крестьянские поселения между Мариинским постом и г. Николаевском — сёла Иркутское, Богородское, Мало- и Большемихайловское, Сергиевское, Воскресенское, Мариинско-Успенское, Сабах, Тебах, Тыр [13, с. 59], которые вошли в состав образованных в 1856 году Николаевского¹ и Софийского² округов Приморской области Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Прибыв на новые места, переселенцы разместились в землянках и приступили к строительству необходимых, в первую очередь в санитарном отношении, общественных пунктов, таких как бани, пекарни, больницы, а также к расчистке земли под огороды и посев озимого хлеба. Возведение постоянных жилищ планировалось закончить к осени. Во всеподданнейшем отчёте военного губернатора Приморской области за 1856 год указывается, что крестьяне, переселившиеся на Амур в 1855 году, «заняты еще постройкой домов, так что ими было расчищено под пашню мест весьма недостаточно» [6, л. 40].

В 1860 году к переселению на Амур было выбрано 250 крестьянских семей из внутренних губерний Российской империи [19, л. 6, 77]. Новая партия переселенцев прибыла только осенью 1860 года. Однако до места назначения добралось лишь 237 семей (757 душ мужского пола, 680 душ женского). Все они были расселены по распоряжению военного губернатора Приморской области П. В. Казакевича в девяти новообразованных селениях между Хабаровкой и Мариинском: в Воронежском — 15 семей из Воронежской губернии; в Вятском — 14 семей из Вятской губернии; в Сарапульском — 28 семей из Вятской губернии; в Яблоновском — 19 семей из Тамбовской губернии; в Троицком — 32 семьи из Вятской губернии; в Пермском (или Мылки) — 44 семьи из Пермской и Орловской губерний; в Тамбовском (или Горин) — 29 семей из Тамбовской губернии; в Жеребцовском — 35 семей из Вятской губернии. 21 семья из Вятской губернии водворилась близ Мариинска [19, л. 346–347, 350, 387, об.; 22, л. 4, 15, об.]. На переселение столь значительного числа крестьянских семей из центральных губерний Российской империи государством были затрачены немалые средства — 140 тысяч рублей. Деньги шли на оплату проезда до Забайкалья, проживания в местах временной остановки, обеспечение питания и приобретение тёплой одежды. Определённая сумма была заложена на строительство барж и паромов для движения по Амуру. Хотя переселенцы брали с собой самые важные и необходимые вещи для ведения хозяйства, перед сплавом

по Амуру выяснилось, что построено недостаточное количество плавсредств. Поэтому каждой семье было разрешено погрузить на баржи только по одной повозке и лишь самый необходимый домашний скарб. Остальное имущество было распродано либо брошено на берегу [2, с. 41–49; 18, с. 32].

Летом 1861 года в Приморскую область прибыла последняя партия казённокоштных крестьян (163 чел.). Из них большая часть семей (127 чел.) осела в Софийском округе, где впоследствии было образовано село Малышевское в составе 17 дворов [20, с. 11].

Согласно статистическим сведениям, предоставленным военным губернатором Приморской области в канцелярию генерал-губернатора Восточной Сибири, на 18 ноября 1861 года наиболее заселённым оказался именно Софийский округ, в котором числилось 1 560 человек обоего пола, в то время как в Николаевском округе государственных крестьян, по подсчётам чиновников, проживало 442 [22, л. 39, об].

После издания 26 марта 1861 года новых «Правил для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» в истории колонизации Приамурья начинается новый этап добровольного льготного переселения крестьян. Однако, несмотря на ряд введённых существенных и довольно привлекательных льгот, процент желающих осваивать низовья Амура был невелик. В 1862 году в Софийский округ из Восточной Сибири переселилось 38 человек, а в 1863-м — всего 9 [13, с. 64–65]. В дальнейшем, вплоть до середины 1890-х годов, переселение крестьян в Софийский и Николаевский округа совершенно прекратилось. Некоторую прибыль в численности населения давали водворяемые сюда ссыльные, а также рабочие, прибывшие для укрепления устья реки Амур.

Вскоре после поселения крестьян в низовьях Амура выяснилось, что места для селений местным начальством выбраны неудачно. При распределении земельных участков не был в достаточной мере учтён такой фактор, как схожесть природно-климатических условий прежнего места жительства и территорий, куда запланировано было вселить выходцев той или иной губернии. Так, для выходцев из южно-русских губерний (воронежцы, тамбовцы, орловцы) амурский климат оказался достаточно суровым.

Инфраструктура в Приамурье к началу 1860-х была совершенно неразвита. Крестьянские семьи приезжали в места, отведённые под селения, где отсутствовали дороги, колодцы с питьевой водой, хлебозапасные магазины, школы и церкви. Для поселений были выделены лесистые участки земли, обработка которых требовала значительных физических усилий. Крестьяне же южно-русских губерний совершенно не имели навыка «в разработке пашен из-под лесов» [20, с. 13–14]. Другая же часть крестьян была поселена на низком, часто затопляемом во время паводков месте.

¹ Николаевский округ в 1867 г. переименован в Удский (Удской), а в 1914 г. Удской уезд вошёл в состав Сахалинской области.

² Софийский округ в 1896 г. переименован в Хабаровский.

Определённые трудности возникли и при ведении хозяйства. Связано это было с тем, что вместо традиционных орудий для занятия хлебопашеством и огородничеством по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова необходимые сельскохозяйственные орудия выписали из Англии и Австрии.

Домашний скот, приобретённый у агинских бурят, оказался совершенно непригодным для нижнеамурского климата. По словам крестьян, «лошади были “дикие” и к работам в поле непривычные, коровы недойные» [2, с. 44–47]. Кроме того, прибыв во второй половине лета, переселенцы успели лишь построить временные жилища для зимовки и засеять озимый хлеб, в то время как заготовкой сена для домашнего скота заниматься было уже поздно. К весне 1861 года из 2 469 сплавленных голов скота больше половины животных ослабло вследствие нехватки кормов хорошего качества и погибло. Летом того же года случилось сильное наводнение, и скот вновь остался без заготовленного в срок сена [2, с. 50].

Первый опыт хлебопашества также не принёс плодотворных результатов. Крестьяне-переселенцы 1860-го года, ориентируясь на привычные для европейских губерний хозяйственные традиции, первоначально избрали для пашен низкие луговые места, не покрытые лесом, так как для их

обработки не требовалось значительных усилий. Посев хлебов был сделан значительный. Работники восьми новых селений Софийского округа разработали пашни на лугах в количестве 280 десятин и посеяли на них 2 734 пуда зерна, в том числе 980 пудов ярицы, 335 пудов пшеницы, 490 пудов овса, 438 пудов ячменя, 240 пудов гречихи, 46 пудов проса, 40 пудов льна, 117 пудов конопли, 48 пудов гороха. «Хлеб уродился превосходный... но в августе 1861 г. постигшее Софийский округ наводнение затопило все пашни, и хлеба сгнили на корню под водой, которая спала только с наступлением октября месяца» [20, с. 15]. Подобной ситуации можно было избежать, если бы крестьяне имели достоверные сведения о гидрологической обстановке в бассейне реки Амур. Только с опытом пришли знания, что, помимо весеннего разлива рек, связанного с таянием снегов, для Приамурья характерны высокие летние паводки. В дальнейшем переселенцы приступили к разработке земель под пашни на высоких местах, покрытых непроходимым лесом.

Таким образом, суровые природно-климатические условия, первые неудачи в области хлебопашества и скотоводства и последующее ухудшение социально-экономического положения многих семей привели к тому, что главы крестьянских семейств принимают решение о поиске новых плодородных земель.

Таблица 1. Селения, основанные русскими крестьянами на Нижнем Амуре в 1861–1862 годах [составлена на основе данных 24, л. 113–124, об.].

Наименование населённого пункта	Год основания	Расположение	Места выхода	Кол-во дворов	Жители		
					муж.	жен.	итого
Хабаровка	1861	При военном посту Хабаровском	Селения Яблонное, Сарапульское, Вятское, Троицкое	10	20	25	45
Петропавловское	1861	Между с. Малышевским и с. Воронежским	С. Сарапульское	11	44	40	84
Малмыжское	1861	Между с. Троицким и с. Орловским	С. Троицкое	6	25	18	43
Нижнетамбовское	1861	Между с. Тамбовским и с. Жеребцовским	С. Тамбовское	3	18	15	33
Софийское	1861	Близ г. Софийска, между с. Жеребцовским и с. Кизи	(данные отсутствуют)	5	15	10	25
Орловское	1862	Между с. Малмыжским и с. Пермским	С. Тамбовское	12	40	30	70
Оханское (Вознесенское)	1862	Между с. Орловским и с. Пермским	С. Пермское	5	25	20	45
Верхнетамбовское	1862	Между с. Пермским и с. Тамбовским	С. Тамбовское	7	30	25	55
Шелеховское	1862	Между с. Нижнетамбовским и с. Жеребцовским	С. Жеребцовское	6	22	18	40
Литвинцевское	1862	Между с. Шелеховским и с. Жеребцовским	С. Жеребцовское	5	20	18	38

В 1861–1862 годах некоторые крестьяне-переселенцы, согласно отчёту софийского окружного полицейского исправника П. Новицкого за 1869 год, «признав другие местности более удобными для хлебопашества, оставили первоначальные места (жительства) заселения» [20, с. 11] и образовали 10 новых селений на Нижнем Амуре, преимущественно вдоль русла реки по правому берегу: Хабаровку, Петропавловское, Малмыжское, Верхнетамбовское, Нижнетамбовское, Софийское, Орловское, Оханское, Шелеховское, Литвинцевское. Одно селение прекратило своё существование: в 1861 году было упразднено селение Яблоновое, основанное годом ранее, а его жители переселились в Хабаровку и Троицкое [20, с. 11–12].

Однако крестьяне селений Нижнего Амура не только перемещались на близлежащие территории, но и выселялись в Амурскую область. Известно, что в 1862 году сюда переселилось 12 семейств из Хабаровки, Троицкого и Пермского. Свой переезд они аргументировали тем, что желают заниматься хлебопашеством, традиционным для них видом хозяйственной деятельности, поэтому занимают более удобные и плодородные земли.

С присоединением к России Уссурийского края по Пекинскому договору (1860 г.) нижеамурские крестьяне получают возможность переселиться в Южно-Уссурийский край. Так, в 1861 году ходоки с Амура основали на этой территории первое русское земледельческое поселение Фудин [13, с. 63]. В 1863-м крестьяне села Воронежского, поменяв на Амуре дважды места жительства, образовали на озере Ханка новое село Воронежское (или Турий Рог). Н. М. Пржевальский в своём труде «Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг.» пишет, что крестьяне первоначально были поселены на левом берегу реки Амура, «верстах в двадцати ниже устья р. Усури. Затем, когда это место оказалось негодным, потому что его заливают водой, тогда, через год их перевели на правую сторону Амура; но когда и здесь разлитие реки затопило все пашни... этих крестьян поселили на северо-западном берегу оз. Ханка...» [25, с. 64–65]. В 1864 году в заливе Святой Ольги поселились жители сёл Троицкого (150 чел.), Пермского (40 чел.), Оханского (3 чел.), Тамбовского (7 чел.), а крестьяне села Жеребцовского (24 чел.) облюбовали район Находки [20, с. 12].

Таким образом, с 1855-го по 1882 год в Приморскую область вселилось 4 373 крестьянина (для сравнения: в эти же годы на территорию Амурской области переселилось 8 088 крестьян). 2 295 крестьян первоначально водворилось на Нижнем Амуре. Из них более 400 человек в начале 1860-х годов переселилось в Амурскую область и Южно-Уссурийский край Приморской области в поисках более удобных земледельческих мест [13, с. 61–64; 21, с. 12].

Опубликованные в 1882 году правила «О казённокоштом переселении в Южно-Уссурийский край» открыли новый этап крестьянской колонизации юга Дальнего Востока. Крестьяне, как и прежде, продолжали селиться исключительно в Амурской области и Южно-Уссурийском крае. Переселение же крестьян в Софийский округ продолжилось только во второй половине 1890-х годов. Удской (бывший Николаевский) округ Приморской области вплоть до начала XX века практически не заселялся.

По данным историка В. М. Кабузана, на 1881 год в селениях Удского округа числилось 1 069 крестьян обоего пола, а в Софийском — 2 841 [13, с. 164]. К сожалению, не представляется возможным получить более объективные сведения о точном количестве крестьян, проживавших на Нижнем Амуре в указанный период времени, так как упомянутые округа охватывали значительные территории на север и юг от низовьев реки Амур. Согласно «Сведениям о населённых местах Софийского округа Приморской области», предоставленных в Центральный статистический комитет МВД, в 1896 году в нижеамурских населённых пунктах в пределах Софийского округа было зарегистрировано 2 065 крестьян [25, л. 49–136]. Как видно, значительного механического прироста крестьянского населения в Софийском округе во второй половине 1890-х годов не произошло.

Семья Симаковых, жителей с. Мариинско-Успенского Приморской области. Начало XX в. Из фондов ХКМ им. Н. И. Гродекова.

Возобновление заселения Амура крестьянами в конце века практически не привело к изменению географии расселения. Согласно «Сведениям о положении селений русских и инородческих, расположенных по берегам р. Амура от Хабаровска до устья реки (к отчёту младшего помощника делопроизводителя канцелярии Приамурского генерал-губернатора надворного советника В. Архангельского за 1908 г.)» [27, л. 1–2] в Удском округе основаны два новых населённых пункта: Мыхил³ (1896 г.) и Маго⁴ (1898 г.). В 1896 году на правом берегу реки Амура в пределах Хабаровского округа основано селение Иннокентьевское⁵, в котором поселилось 5 семей в составе 24 человек мужского и 27 женского пола. Крестьянами были отстроены дома, небольшая часовня и хлебозапасный магазин [26, л. 107–107, об.].

Новая волна крестьянской колонизации находилась в тесной связи с превращением Нижне-Амурского района в один из крупнейших рыбопромысловых регионов Российской империи. Именно в 1890-е годы завершилось постепенное превращение земледельческого крестьянского хозяйства в рыбопромысловое [11, с. 21–22].

В первое десятилетие XX столетия на территории Удского и Хабаровского уездов по распоряжению местной администрации было устроено 39 новых селений, из них на Нижнем Амуре — 9 (в Приморской области за это же время основано более 150 населённых пунктов). Следует отметить, что большая часть новообразованных селений находилась в волостях, удалённых от долины реки Амура. На 1 января 1912 года в нижнеамурских селениях Хабаровского уезда числилось 3 424 души обоего пола, а по берегам реки Амура в пределах Удского уезда проживало около 1 890 человек [1, с. 123; 13, с. 250–254]. Сравнительный анализ числен-

Семья Ксении Павловны Жenuлиной, жительницы с. Мариинско-Успенское Приморской области. Начало XX в. Из фондов ХКМ им. Н. И. Гродекова.

ности крестьянского сельского населения показывает, что, несмотря на рост количества населённых пунктов, механический прирост населения на Нижнем Амуре с 1896-го по 1912 год был незначительным. Наиболее благоприятными для заселения по-прежнему считались Амурская область и Южно-Уссурийский край.

Среди основных причин нежелания оставаться на свободных землях на берегах Амура крестьяне называли: лесистость и заболоченность выделенных участков; удалённость от Хабаровска и других крупных городов, вследствие чего особо остро ощущалось слабое развитие, а иногда и полное отсутствие транспортной инфраструктуры; отсутствие дополнительных средств заработка.

В целях увеличения населения юга Дальнего Востока, и Нижнего Амура в частности, развития экономики региона, увеличения колонизационной ёмкости территорий была организована Амурская экспедиция 1910 года. Впервые за полувековую историю освоения было проведено детальное статистико-экономическое обследование крестьянских хозяйств, устроены опытные поля с целью выявления удобных для земледелия районов. Исследователи пришли к выводу, что увеличение численности крестьянского населения в

- 3 Селение Мыхил Большемихайловской волости Удского округа Приморской области, расположенное на правом берегу реки Амура, недалеко от села Большемихайловского, было основано в 1896 г. Однако в исторической литературе существует расхождение в дате основания, статусе и наименовании данного селения. По данным В. М. Кабузана, село Мыхиль (оно же Иркутское) было основано в 1855 г. [13, с. 179]. В словаре А. В. Кириллова село Мыхил значится как деревня Мхыль, и населена она гилияками [14, с. 261]. Однако в фондах Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова хранится «Карта заселения части Приморской области, составленная чинами Приморской переселенческой организации» (1909 г.) (ХКМ КП б/н), на которой на правом берегу реки Амура между селениями Воскресенским и Маломихайловским значится старожильческая деревня Мыхел.
- 4 Согласно «Материалам по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области» село Маго было основано в 1859 г. [18, с. I]. Такую же дату основания приводит В. М. Кабузан [13, с. 179]. А. В. Кириллов говорит, что деревня Маго основана в 1870-е гг. [14, с. 233].
- 5 Существуют разночтения и в дате основания села Иннокентьевского Троицкой волости Хабаровского округа Приморской области: 1864 г. [14, с. 168], 1869 г. [27, л. 1–2], 1896 г. [13, с. 251; 18, с. II].

Семья П. Ф. Зимина, жителя с. Нижнетамбовского Приморской области. 1910-е гг. Из фондов ХКМ им. Н. И. Гродекова.

будущем для низового Амура в геометрической прогрессии невозможно. В силу естественноисторических и экономических условий земледелию в данном регионе не может быть отведена решающая роль из-за истощения фонда так называемых мягкотных земель. Борьба же с таёжными лесами и заболоченными местами крестьянину-переселенцу сложно без мелиоративной ссуды от правительства и технического надзора за целесообразностью этих улучшений [23, л. 150]. Однако сельское население данного региона с успехом может заниматься огородничеством и мясным скотоводством [10, л. 10].

Итак, заселение Нижнего Амура русскими крестьянами, начавшееся в середине 1850-х годов и длившееся довольно интенсивно в течение первых семи лет, практически прекратилось в последующие годы. Как показала история, вследствие суровых природно-климатических условий крестьяне-переселенцы не могли успешно заниматься традиционными видами хозяйственной деятельности: хлебопашеством и молочным животноводством, что привело в скором времени к снижению численности крестьянского населения. Вплоть до начала XX века численность населения держалась на одном уровне, не давая значительного механического прироста.

Некоторое увеличение численности крестьян в селениях Нижнего Амура наблюдается в конце XIX – начале XX века,

Жители с. Малышево Приморской области. Начало XX в. Из фондов ХКМ им. Н. И. Гродекова.

что связано в первую очередь со стремлением крестьян получить значительный доход путём занятия рыбо-промысловой деятельностью. Вновь прибывшие переселенцы водворялись в основном в уже устроенных населённых пунктах, поэтому география расселения изменилась незначительно.

Лишь в результате действия Амурской экспедиции 1910 года впервые за полувековую историю освоения региона был проведён детальный анализ динамики заселения низовьев Амура. Стало очевидно, что для увеличения численности сельского населения края необходимо: 1) привлечь в данный регион сравнительно зажиточные семьи крестьян, обеспеченные в достаточной мере рабочими руками; 2) усилить меры государственной поддержки; 3) заботиться не о каждом переселенце отдельно, а поднимать хозяйственно весь район вселения; 4) переориентировать крестьянское хозяйство на огородничество и мясное животноводство; 5) способствовать интенсивному развитию промысловой деятельности и другое.

Список использованных источников

1. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке / отв. ред. П. А. Минакир. Вып. 2 : Исследование сельской экономики Приамурского края между русско-японской и Первой мировой — Хабаровск : РИОТИП, 2009. — 288 с.
2. Аргудяева, Ю. В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России : (вторая половина XIX — начало XX в.) / отв. ред. Г. Н. Чагин. — Владивосток : ДВО РАН. — Кн. 1 : Крестьяне. — 2006. — 312 с.
3. Барбенко, Я. А., Киреев, А. А. К методологии изучения взаимодействия регионального хозяйства и природной среды (на примере сельского хозяйства юга Дальнего Востока) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 1. С. 23–41.
4. Барсуков, И. П. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам : материалы для биографии. Репринтное издание : в 2 кн. / И. П. Барсуков. — Хабаровск : Приамурское географическое общество, 1999. — Кн. 1. — 704 с.
5. Венюков, М. И. Воспоминания о заселении Амура в 1857–1858 гг. // Русская старина. — Санкт-Петербург : б. и., 1879. — Т. 24. — С. 81–112.
6. Всеподданнейший отчет военного губернатора Приморской области Восточной Сибири за 1856 год, о состоянии этой области // Российский гос. исторический арх. (РГИА). Ф. 1265. Оп. 8. Д. 122.
7. Галлямова, Л. И. Новые тенденции в аграрном развитии Дальнего Востока России накануне Первой мировой войны // Исторический опыт аграрных реформ в Сибири и на Дальнем Востоке : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию аграрной реформы П. А. Столыпина. — Благовещенск : ДальГАУ, 2007. — С. 19–23.
8. Галлямова, Л. И. Особенности социально-экономического развития Дальнего Востока России в контексте реформ П. А. Столыпина // Вестник ДВО РАН. — 2013. — № 1. — С. 73–80.
9. Демьяненко, А. Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России / А. Н. Демьяненко. — Владивосток : Дальнаука, 2003. — 282 с.
10. Доклад заведующего статистическим отделом Приморского переселенческого района о естественноисторических условиях низовьев Амура // Российский гос. исторический арх. Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 5. Д. 841.
11. Дятлова, Л. А. Эволюция крестьянского хозяйства на Нижнем Амуре: влияние природных и социально-экономических условий / Л. А. Дятлова. [Электронный ресурс] : Регионалистика : электронный научный журнал. 2014. Т. 1. № 4. С. 15–27. URL: <http://regionalistica.org/images/2014-02.pdf#page=17> (дата обращения: 14.03.2016).
12. Егоров, Н. Г. Рыбные промыслы дальневосточного крестьянства во второй половине XIX — начале XX вв. // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма: сборник научных трудов. — Владивосток : ДВО АН СССР, 1989. — С. 99–108.
13. Кабузан, В. М. Дальневосточный край в XVII — начале XX в. (1640–1917) : историко-демографический очерк / В. М. Кабузан. — Москва : Наука, 1985. — 260 с.
14. Кириллов, А. В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / А. В. Кириллов. — Благовещенск : Типография т-ва Д. О. Мокин, 1894. — 542 с.
15. Максимов, С. В. На Востоке. Поездка на Амур: дорожные заметки и воспоминания / С. В. Максимов. — Санкт-Петербург : б. и., 1871. — 594 с.
16. Мандрик, А. Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока (50-е г. XVII в. — 20-е г. XX в.) / А. Т. Мандрик. — Владивосток : Дальнаука, 1994. — 192 с.
17. Медведев В. П. Населённые пункты Хабаровского края // Гос. арх. Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1990. Оп. 1. Д. 1.
18. Меньщиков, А. А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области : в 6 т. — Саратов : Типография Саратовского губернского правления. — Т. IV : Старожилы столетия. Описание селений. — 1912. — 575, XXVI с.
19. О назначенных к переселению в 1860 г. государственных крестьян в Приамурский край из внутренних губерний // Гос. арх. Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 10. К. 2105. Д. 191а. Т. 2.
20. Описание Софийского округа Приморской области Восточной Сибири // Комсомольск-на-Амуре. Страницы истории : сб. док. Государственного архива Хабаровского края, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Комсомольского-на-Амуре городского архива / А. В. Размахнина, Л. В. Салеева, М. В. Самынина, С. Г. Сухарева. — Хабаровск : Изд-во А. Ю. Хворова, 2012. — С. 10–24.
21. Осипов, Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России. 1855–1917 гг. : монография. — 2-е изд., доп. — Хабаровск : ХККМ им. Н. И. Гродекова, 2008. — 168 с.
22. Отчёт о состоянии Приморской области за 1860 г. // ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 657.
23. Отчёты, рапорты, переписка об экспедиционных работах // ГАХК. Ф. И-238. Оп. 1. Д. 1.
24. Отчёты, рапорты, переписка Приморского областного правления // РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227.
25. Пржевальский, Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. / Н. М. Пржевальский. — Санкт-Петербург : Типография Н. Неклюдова, 1870. — 369 с.
26. Сведения о населенных местах Софийского округа // РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 467.
27. Сведения о положении селений русских и инородческих по берегам р. Амура от Хабаровска до устья реки // ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 11.

Фотографии из архива Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова.
Материал поступил в редакцию 15.09.2017 г.

Сведения об авторе: Белых Анна Станиславовна, научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: annakitez@gmail.com; тел.: 8-914-205-51-89, (4212) 31-20-57.

ХОДЖЕР ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВНА

ИМЯ НИКОЛАЯ КУБЯКА НА КАРТЕ ХАБАРОВСКА

Статья посвящена Николаю Афанасьевичу Кубяку (1881–1937), одному из первых советских руководителей Дальневосточного края, видному политическому и государственному деятелю, сыгравшему важную роль в социально-экономическом и политическом строительстве Дальнего Востока России в начале 1920-х годов. В материале использованы документы Государственного архива Хабаровского края.

Ключевые слова: Н. А. Кубяк, Дальний Восток, Дальневосточная республика, социально-экономическое развитие, государственный деятель, советская власть, архивные документы.

Keywords: N. A. Kubiak, Far East, The Far Eastern Republic, socio-economic development, statesman, Soviet authority, archival documents.

Российский Дальний Восток занимает важное место в экономической, политической, военной и международной жизни страны. С первых лет установления советской власти правительство СССР подбирало и направляло в Дальневосточный край на руководящую работу деятельных, инициативных, энергичных людей. Многие из них оставили заметный след в истории Дальнего Востока, Хабаровского края.

Особенно острую нужду в опытных партийных и хозяйственных кадрах Дальневосточный регион испытывал в начале 1920-х годов, после окончания Гражданской войны (1917–1922). Государственными и партийными органами страны ставились задачи по восстановлению народного хозяйства и развитию экономики региона. Сложная международная обстановка требовала концентрации материальных и людских ресурсов в приграничном крае. Для организации социально-экономического строительства, создания военно-промышленного потенциала на Дальний Восток были направлены такие видные советские государственные и военные деятели, как Я. Б. Гамарник, В. К. Блюхер, Н. А. Кубяк, П. А. Кобозев, И. П. Уборевич и другие. Сегодня их именами названы улицы дальневосточных городов. В связи с пятидесятилетием Октябрьской революции и с целью увековечения памяти героев Гражданской войны на Дальнем Востоке ряд улиц Хабаровска был переименован в соответствии с решением Хабаровского горисполкома № 703 от 9 октября 1967 года. Улица Раздельная Индустриального района стала называться улицей имени Н. А. Кубяка [9].

Николай Афанасьевич Кубяк родился в 1881 году в городе Мещовске Калужской губернии в бедной многодетной семье сапожника. С 16 лет работал на Брянском машиностроительном заводе сначала лекальщиком, затем токарем и электромонтёром. Он активно занимался революционной работой, участвовал в нелегальных сходках, распространении листовок, а в 1898 году вступил в ряды РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия). В годы Первой русской революции Кубяк был организатором боевых рабочих дружин, главной задачей которых являлась охрана митингов, руководил закупкой и изготовлением оружия, организовывал подпольные типографии и т. д.

В 1907 году Кубяк стал участником V (Лондонского) съезда РСДРП, на котором познакомился с В. И. Лениным. В 1908 году он был арестован и три года провёл в тюрьме, а потом до 1917 года нелегально проживал в пригородах Петербурга — Сестрорецке и Разливе. После Октябрьской революции его избрали председателем Петроградского губернского комитета большевиков, и с 1921 года он работал в аппарате ЦК РКП(б). Большие организаторские способности, неуёмная энергия и смелость выдвинули Кубяка в число первых руководителей нового государства.

Николай Афанасьевич Кубяк.

В мае 1922 года он был назначен представителем ЦК РКП(б) и ВЦИК в Дальневосточную республику [7], главной задачей которого являлась советизация края и организация восстановления народного хозяйства.

В сентябре 1922 года ЦК утвердил новый состав Дальбюро, секретарём Дальбюро ЦК РКП(б) был назначен Н. А. Кубяк. В течение пяти лет, до января 1927 года, вся его жизнь и деятельность были связаны с Дальневосточным краем.

В Государственном архиве Хабаровского края сохранились протоколы Дальревкома, Далькрайкома РКП(б), Далькрайисполкома — первых краевых органов власти, стенограммы краевых, окружных съездов, совещаний, конференций, переписка и другие материалы 1920-х годов, которые доносят до наших дней напряжённый и динамичный ритм жизни региона в период стабилизации социально-экономической обстановки.

Осенью 1922 года Н. А. Кубяк приступил к работе, за весьма короткое время детально ознакомился с экономическим и военным положением края и поставил вопрос о необходимости ликвидации Дальневосточной республики (ДВР) и воссоединения Дальнего Востока с РСФСР. Н. А. Кубяк выступил с докладом о текущем политическом моменте на митинге, состоявшемся в Народном собрании в Чите, когда войска Народно-революционной армии вошли во Владивосток. «Дальний Восток не может обойтись для восстановления своего хозяйства без помощи. Эту помощь можно ждать только от Советской России. Для этого нам общими усилиями нужно устранить искусственное заграждение — Селенгу» [5]. Так художественно и завуалированно было высказано предложение о прекращении существования буферного государства, ведь именно по реке Селенге шла граница между ДВР и РСФСР.

Данное предложение было поддержано, по всему краю прошли собрания, съезды, совещания, митинги, демонстрации, на которых участники голосовали за ликвидацию

Николай Кубяк в рабочем кабинете.

Дальневосточной республики и высказывали пожелание присоединиться к РСФСР. Политика большевиков содержала понятные всем идеи неразрывного единства Дальнего Востока с Россией, необходимости защиты границ, сохранения целостности территорий и независимости государства. 16 ноября 1922 года пришла телеграмма за подписью председателя ВЦИК М. И. Калинина с сообщением, что Дальневосточная республика включена в состав РСФСР.

Иностранная интервенция и Гражданская война нанесли существенный урон всей стране, и особенно дальневосточной окраине. Промышленность, многие города и сёла были полуразрушены, уничтожено и разорено большое количество малых населённых пунктов, число рабочих сократилось в два раза. Убытки, нанесённые народному хозяйству Дальнего Востока, составили более 603 миллионов рублей золотом [14, с. 95].

Среди безотлагательных задач главным было укрепление советской власти на Дальнем Востоке, повышение её авторитета, формирование работоспособного аппарата. Усиленно шло восстановление разрушенного хозяйства, в первую очередь восстанавливались отрасли, определяющие экономическую жизнь региона, — рыбная, угольная, лесная, золотодобывающая. Столица советского Дальнего Востока была перенесена из Читы в Хабаровск. Географическое, геополитическое, стратегическое расположение города

позволили быстро решить этот вопрос на самом высоком уровне. И к лету 1924 года всё руководство Дальневосточной области переехало в Хабаровск. Город стал административным центром региона.

Исторические факты подтверждают, что в начале двадцатых годов XX века на Дальнем Востоке Н. А. Кубяк был самым опытным партийным и хозяйственным руководителем. По воспоминаниям современников, Николай Афанасьевич был умелым, грамотным пропагандистом и агитатором, простым и доступным языком он мог рассказать о значении советизации и первоочередных задачах, стоящих перед краем, призывал к энергичной работе и большей сплочённости. В памяти дальневосточников он остался честным, энергичным, мужественным, внимательным и душевным человеком. Как руководитель, он никогда не позволял себе окрика, высокомерия, был прост, и это подкупало всех, но простота была без панибратства, всё в этом неординарном руководителе располагало к глубокому уважению. «На заседаниях он умел заострить внимание на самом важном. Убеждал не криком и своим авторитетом крупного партийного работника, а добивался нужного решения лаконичностью и убедительностью своих доводов... Кубяк внёс культуру, чёткость, организованность в... работу», — вспоминали его соратники [8].

На IV пленуме Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) (декабрь 1926 г.) были подведены итоги пятилетней деятельности Кубяка на Дальнем Востоке. Член Далькрайкома ВКП(б) Д. П. Трофимов в своём выступлении сказал: «За весь этот период работы Николая Афанасьевича на Дальнем Востоке мы имеем во всех областях колоссальное достижение. В области хозяйственной эти достижения свидетельствуют о том, что рост нашего дальневосточного хозяйства идет нога в ногу со всеми хозяйствами Советского Союза. Мы пережили период восстановительный и приступаем к периоду, когда наше хозяйство достаточно налаженное, машина пущена, его необходимо дальше лишь развивать и улучшать... Несомненно, что очень большую роль во всех этих достижениях играл Николай Афанасьевич Кубяк, объединяя вокруг себя весь актив Дальневосточного края, имея колоссальный авторитет в массе.

Я уж, товарищи, не говорю о тех заботах, которые проявлялись тов. Кубяком в отношении Красной Армии и Флота, нашей молодежи, женского движения, во всех этих областях товарищ Кубяк, как руководитель партийной организации на Дальнем Востоке, немало положил усилий, и результаты очевидны для всех. Вот почему мне думается, что пленум краевого комитета не может ограничиться простым утверждением короткого постановления бюро об удовлетворении просьбы Николая Афанасьевича [Об освобождении тов. Кубяка от работы на Дальнем Востоке]. Мне кажется, что пленум должен эти моменты, характе-

ризующие общую работу Н. А. [Кубяка], зафиксировать в своем постановлении...». После зачитания постановления все встали и долго звучали «оглушительные аплодисменты» [1]. Так было выражено глубокое уважение и признательность дальневосточников Николаю Афанасьевичу.

Одним из главных показателей работы партийного руководителя в тот период было принято считать рост возглавляемой парторганизации. За годы пребывания Н. А. Кубяка на Дальнем Востоке число дальневосточных большевиков выросло в 3,5 раза, с 5 тысяч до 18 тысяч человек [11, с. 124].

Благодаря слаженной работе руководящих органов края, силами мужественных и талантливых дальневосточников за короткое время из руин были восстановлены предприятия лесной, рыбной, угольной, золотодобывающей промышленности, наладилась работа торговли, железнодорожного и речного транспорта, поднялось сельское хозяйство; была стабилизирована политическая и экономическая ситуация, выполнялись государственные задания по экспорту. В январе 1926 года Президиум ВЦИК принял постановление об образовании Дальневосточного края (1926–1938), а в марте состоялся I краевой съезд Советов, объявивший об окончании восстановления народного хозяйства на Дальнем Востоке. Выступая в декабре 1926 году на IV пленуме Далькрайкома ВКП(б), Н. А. Кубяк образно сказал, что «тяжелая телега советского строительства в продолжении этого длительного периода из плохой грунтовой дороги вытащена на проторенную дорогу. Несомненно, что сейчас много лучше будет продолжать работу, но несомненно и то, что трудности впереди еще очень велики» [2].

Многогранная работа в Дальревкоме и Далькрайкоме требовала от Кубяка большой отдачи сил, его рабочий день был уплотнён до предела и заканчивался далеко за полночь, но Николай Афанасьевич успевал везде. Он очень много ездил по краю и всегда выступал перед дальневосточниками: железнодорожниками, моряками Амурской флотилии, лесорубами, шахтёрами; в командировках старался посещать собрания, митинги на предприятиях и в учреждениях, лично вёл приём посетителей. При весьма загруженном графике работы постоянно повышал своё образование, эрудицию, так как за плечами имел всего лишь три класса церковно-приходской школы [13, с. 4]. По воспоминаниям одного из его соратников, П. Т. Приданникова, «несмотря на отсутствие систематического образования, был человеком с широким кругозором... Никогда я не видел, чтобы он читал заранее написанные доклады... Но готовился он к ним серьезно, чувствуя большую партийную ответственность за то, о чем он говорил... Говорил он просто, образно и убедительно» [6]. В Государственном архиве Хабаровского края сохранились все речи и выступления Н. А. Кубяка на Дальнем Востоке,

*Здание комсомольского клуба имени Н. А. Кубяка.
Хабаровск, 1926 год.*

в которых он свободно оперирует данными о международных делах, делает анализ политического и экономического положения на Дальнем Востоке и в целом по стране [4].

Однако при таком напряжённом графике работы Николай Афанасьевич часто забывал о себе, не следил за состоянием здоровья. И в связи с ухудшением самочувствия вынужден был обратиться в ЦК с просьбой о переводе с Дальнего Востока [13, с. 114, 127–128].

В начале 1927 года Н. А. Кубяк уехал в Москву. Перед отъездом Николая Афанасьевича в краевой газете «Тихоокеанская звезда» было опубликовано его обращение к дальневосточникам, в котором он выразил искреннюю благодарность всем, кто помогал ему в трудной работе по укреплению советской власти [12]. В постановлении пленума Далькрайкома партии говорилось: «Расставаясь со своим руководителем, старшим товарищем, другом, твёрдо убеждены в том, что и в дальнейшем на другом ответственном посту он сохранит те лучшие черты, которые внушали уважение к нему здесь, на Дальнем Востоке, что ещё долгие и многие годы он с таким же энтузиазмом и преданностью будет отдавать свои силы, свои способности нашей героической партии, нашей стране» [3].

В память об авторитетном руководителе его именем в 1920-е годы были названы комсомольский клуб в Хабаровске и пограничный корабль. Он оставался почётным красноармейцем во многих воинских частях и почётным комсомольцем в ряде комсомольских организаций края.

Каждый из руководителей края привнёс в его историю что-то своё: одни — более значительное, другие — менее, но всегда полезное, благотворное. Для многих из них Дальний Восток становился хорошей жизненной школой.

После отъезда с Дальнего Востока Н. А. Кубяка утвердили секретарём ЦК РКП(б). В 1928 году он был

назначен народным комиссаром земледелия РСФСР, с 1931-го — председателем облисполкома Ивановской промышленной области. С 1934-го по июнь 1937 года являлся председателем Всесоюзного совета коммунального хозяйства при ВЦИК СССР. Начиная с XII съезда и по XVII съезд партии Н. А. Кубяк избирался членом ЦК партии, на XVII съезде был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б) [10].

Судьба Кубяка оказалась трагичной, как и судьбы многих тысяч сограждан, живших в 1930-е годы. Н. А. Кубяк погиб в годы репрессий. 13 июня 1937 года он был арестован, на июньском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б) исключён из кандидатов в члены ЦК и из партии. Военной коллегией Верховного суда

СССР 27 ноября 1937 года приговорён к расстрелу и в этот же день расстрелян.

Реабилитирован Н. А. Кубяк Военной коллегией Верховного суда СССР 14 марта 1956 года, а 22 марта 1956 года Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС восстановлен в партии.

В память Николая Афанасьевича Кубяка названы улицы в городах Калуге, Брянске и Хабаровске, Брянский политехнический колледж носит его имя, памятники установлены в городах Брянске и Калуге. В 1967 году на доме № 17 по улице Кубяка в городе Хабаровске была установлена мемориальная доска, рассказывающая о человеке, в честь которого названа эта улица.

Список использованных источников

1. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2. Л. 271, 272.
2. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2. Л. 272.
3. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2. Л. 201.
4. ГАХК. Ф. П-442. Оп. 2. Д. 117.
5. ГАХК. Ф. П-442. Оп. 2. Д. 117. Л. 7.
6. ГАХК. Ф. П-442. Оп. 2. Д. 323. Л. 162.
7. ГАХК. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 92. Л. 11.
8. ГАХК. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 92. Л. 22.
9. ГАХК. Ф. Р-904. Оп. 10. Д. 535. Л. 90.
10. ГАХК. Ф. Р-904. Оп. 10. Д. 535. Л. 94.
11. Дальний Восток Яна Гамарника: документально-историческое повествование / Н. И. Дубинина; Приамур. отд-ние геогр. о-ва, Дальневост. гос. гуманитар. ун-т. — Хабаровск : Хабар. краев. тип., 2011. — 428 с.
12. К отъезду тов. Н. А. Кубяка // Тихоокеан. звезда. — 1926. — 30 дек.
13. Кубяк, М. Н. Ленинской партии рядовой: очерк жизни и деятельности Н. А. Кубяка / М. Н. Кубяк, Н. Т. Усова. — Москва: Изд-во полит. лит., 1982. — 144 с. : ил.
14. Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС (1900–1978 годы). — Хабаровск : Кн. изд-во, 1979. — 496 с.

Фотографии из фонда Государственного архива Хабаровского края.
Материал поступил в редакцию 24.01.2018 г.

Сведения об авторе: Ходжер Елена Григорьевна, главный археограф сектора научного использования документов краевого государственного бюджетного учреждения «Государственный архив Хабаровского края» (г. Хабаровск).
Контактные данные: тел.: (4212) 32-66-97, 8-924-117-40-57.

一汽製造廠
奠基紀念
毛澤東

ВОЛКОТРУБОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

ПОМОЩЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ АВТОМОБИЛЬНОГО ЗАВОДА № 1 (1953–1956 гг.)

Материал посвящён помощи Советского Союза Китайской Народной Республике в строительстве первенца китайского автопрома — Чанчуньского автозавода № 1 (1953–1956 гг.). На основе журнальных и газетных заметок, а также современных российских и китайских исследований автор представляет панораму тех лет — от заключения между СССР и КНР Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи, в котором в числе прочих 156 промышленных объектов упоминался и Автозавод № 1, до выпуска первых китайских автомобилей: «Цзефан», «Дунфэн» и «Хунцы».

Ключевые слова: СССР, Советский Союз, КНР, Китайская Народная Республика, Чанчуньский автомобильный завод № 1, «Цзефан», ЗиС-150, Завод имени Сталина, Завод имени Лихачёва, автопром в Китае.

Keywords: USSR, The Soviet Union, PRC, the People's Republic of China, FAW Group Corporation in Changchun, Jiefang, ZIS-150, Zavod Imeni Stalina, Zavod imeni Likhachova, the automotive industry in China.

Более полувека назад, 13 июля 1956 года, с главного конвейера Чанчуньского автомобильного завода сошёл первенец китайской национальной автомобильной промышленности — сверкающая краской грузовая машина марки «Цзефан» («Освобождение»).

Так была открыта новая страница истории развития китайского автомобилестроения. Дело в том, что в первые годы образования Нового Китая в стране не было автомобиля собственного производства. Даже машина представительского класса для главы государства была произведена в СССР.

Самостоятельное проектирование, разработка и изготовление автомобилей по собственному дизайну были мечтой китайской нации.

На дорогах дореволюционного Китая можно было увидеть машины самых разных иностранных фирм — японских, американских, английских, французских, не было только китайских. Да, предпринимались попытки изменить ситуацию в корне. В 1931 году под патронажем правителя Маньчжурии Чжан Сюэйяна был построен автомобильный завод в городе Шэньяне, производивший грузовики марки «Миньшэн» (Ming Sheng). Однако после успешного пробного запуска первой партии автомобилей завод, как и весь Северо-Восточный Китай, был оккупирован японскими агрессорами.

«Когда в Шаньси господствовал Янь Сишань, он построил авторемонтный завод, который произвёл несколько десятков полутоннажных малогабаритных грузовиков по американскому образцу. Чан Кайши создал Китайскую автомобилестроительную компанию, которая с помощью импортных деталей и узлов смогла собрать более двух тысяч машин» [6, с. 44–45]. Но всё это были лишь первые попытки создать что-то своё, национальное, и производство было маломасштабным. История так распорядилась, что национальная мечта о своём автомобиле стала реальностью только в Новом, социалистическом Китае. И главная роль по оказанию помощи в становлении автомобильного производства была отведена основному стратегическому союзнику — СССР.

16 декабря 1949 года в Москву прибыла китайская правительственная делегация во главе с Председателем КНР Мао Цзэдуном для дальнейшего укрепления и расширения взаимовыгодного сотрудничества. 21 декабря, только приехав в столицу СССР, гости побывали на Заводе им. И. В. Сталина (ЗИС, с 26 июня 1956 года — Завод им. И. А. Лихачёва, ЗИЛ). Увидев, как автомобили один за другим сходят с конвейера сборочного цеха, Мао Цзэдун

сказал сопровождающим: «Нам тоже надо иметь такой большой завод» [6, с. 11].

В январе 1950 года состоялись переговоры между китайским и советским правительствами, которые привели к тому, что 14 февраля 1950 года был подписан «Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи» сроком на 30 лет. Далее состоялось подписание ряда политических и экономических соглашений в рамках этого документа. Мао Цзэдун лично обговорил включение в переговоры с СССР пункта об автомобилестроении. Советский Союз взял на себя обязательства оказать Китаю помощь в строительстве и реконструкции 156 ключевых промышленных объектов, в том числе в проектировании и постройке в Китае первого крупного современного автомобильного завода в течение первой китайской пятилетки 1953–1957 годов. Самостоятельно наладить массовый выпуск автомобилей Китай на тот момент не мог по причине отсутствия материально-технической базы и специалистов, а также из-за финансовых затруднений. Вследствие международной изоляции в начале 1950-х годов за помощью в создании автомобильной индустрии КНР обратилась именно к СССР, своему основному союзнику на тот период. Советский Союз первым признал Китайскую Народную Республику после её провозглашения 1 октября 1949 года и установил с ней дипломатические отношения.

Тогда, в Москве, во время визита китайской делегации, Сталин заметил, что наличие в стране автомобильных заводов символизирует собой высший уровень современной промышленности: «Вы постройте один автомобильный завод, который даст толчок развитию других отраслей промышленности — металлургической, химической, строительной...» [6, с. 12]. Советская сторона обязалась построить в Китае автомобильный завод по образцу ЗИСа, поставить для него соответствующее оборудование, помочь наладить такой же уровень производства. Согласно подписанному договору, советское правительство предоставляло Китаю долгосрочный кредит в сумме 300 миллионов долларов и 500 миллионов рублей на льготных условиях для закупок в СССР оборудования и материалов [6, с. 12].

Правительство СССР послало в КНР своих специалистов для оказания помощи в выборе места строительства. Советские и китайские эксперты совместно исследовали обширные районы Северо-Восточного и Южного Китая. После многочисленных согласований и изучения вопроса в 1952 году ЦК КПК принял решение о строительстве автомобильного завода в городе Чанчуне. Так как подобных предприятий в Китае до этих пор не было, то и название заводу дали простое, но очень символичное: «Первый автомобильный завод Китая» (АЗ-1). Чанчунь — «северный город весны», административная столица провинции Цзилинь в северо-восточной части Китая. Строительство

завода решительно перевернуло жизнь этого провинциального центра. Тогда ещё никто не предполагал, что этот автогигант (будущий FAW, First Automotive Works) напрямую повлияет на появление в городе огромного производственного комплекса автомобильной промышленности. Кроме автозавода в Чанчуне решено было построить кинофабрику по образцу «Мосфильма».

21–25 ноября 1952 года на основе обмена письмами между заместителем министра внешней торговли К. И. Ковалем и торговым советником КНР в СССР Ли Цяном была согласована обширная программа оказания помощи по созданию автомобильной промышленности в Китае. «Советская сторона приняла обязательство выполнить проектные работы по строительству автомобильного завода на основе передаваемой технической документации советской автомашины ЗиС-150 и поставить для указанного предприятия оборудование, командировать в 1952–1954 гг. 100 советских специалистов и принять для обучения 250 китайских специалистов и квалифицированных рабочих» [14, с. 212].

Министерство тяжёлой промышленности КНР утвердило проектный план АЗ-1 по выпуску 30 тысяч грузовиков в год (для справки: по состоянию на 1950 год КНР требовалось от 6 до 15 тысяч автомобилей ежегодно [2, с. 75]). Не так уж и много для того времени, если сравнить эту цифру с производительностью автозаводов других стран мира. Но у китайского автозавода, после его ввода в эксплуатацию, были свои неоспоримые преимущества: он был спроектирован и построен с учётом всех передовых достижений автомобилестроения. По степени механизации и автоматизации, по уровню технической оснащённости он, несомненно, был одним из лучших автозаводов мира. АЗ-1 положил начало развитию полного цикла автомобилестроения в КНР.

Первым директором завода (который тогда носил номер 652) был назначен Жао Бинь.

Первоначально планировалось осуществить строительство завода за четыре года. И. В. Сталин внимательно наблюдал за ходом строительства и предложил Китаю, сосредоточив все силы на этом объекте, сдать его в эксплуатацию через три года. Политбюро ЦК КПК после тщательного изучения возможностей постановило: несмотря на имеющиеся трудности, мобилизовав силы всей страны, можно завершить строительство на один год раньше.

9 июня 1953 года председатель КНР Мао Цзэдун лично подписал директиву ЦК КПК «О необходимости завершения строительства Чанчуньского автомобильного завода за три года». В ней он отметил: «Строительство Чанчуньского автомобильного завода имеет очень большое значение для оборонного строительства и экономического развития нашей страны, для получения опыта в сфере строительства, подготовки и укрепления строительной индустрии с целью

создания благоприятных условий для реализации всех последующих важных строительных объектов... ЦК КПК считает, что необходимо проинформировать всех, обязать соответствующие заинтересованные ведомства в максимальной поддержке строительства Чанчуньского автомобильного завода, бросить все силы, чтобы завершить строительство в течение трёх лет» [6, с. 13]. А в конце июня того же года, заслушав доклад главы Госсовета КНР Чжоу Эньлая о начале работ по строительству автозавода, Мао Цзэдун оставил каллиграфическую запись на камне, который предстояло заложить в фундамент первого автомобильного завода.

15 июля 1953 года на поросшем бурьяном пустыре были заложены первые плиты фундамента. Девятьсот дней спустя здесь возвышались уже десятки заводских корпусов, связанных между собой километрами благоустроенных дорог. Большие работы были проведены и под землёй: во все концы заводской территории протянулись бесчисленные трубопроводы и электрокабели, доставляющие в цехи воду, воздух, пар, электроэнергию... Но это было потом, а 15 июля 1953 года стало тогда днём рождения автомобилестроения в КНР. Какими же силами было осуществлено столь масштабное строительство?

Весть о возведении первого в истории Китая автозавода всколыхнула буквально всю страну. На место строительства непрерывным потоком начали поступать материалы и механизированное транспортное оборудование из Пекина и Шанхая, Чунцина и Аньшаня, лесоматериалы из Чанбайшаня, песок и галька из Сунхуацзяна. На строительство были направлены и опытные металлурги из Шанхая, и молодые крестьяне из провинции Цзилинь, выпускники высших учебных заведений и демобилизованные воины Народно-освободительной армии (НОАК). «Огромную помощь оказали строительные отряды пятой строительной дивизии НОАК, насчитывающей 20 тысяч человек» [6, с. 16], которые в сентябре 1953 года прибыли в Чанчунь для помощи в строительстве. Молодёжь направляли работать на землеройные машины, подъёмные краны, автоматические бетономешалки, на завод по производству армированного бетона. Техниккой молодые рабочие овладевали прямо на строительстве. Примерно «3000 китайских специалистов с 68 предприятий Китая стажировались на первом автозаводе» [2, с. 76].

В КНР придавалось очень большое значение строительству первого автозавода. Центральные и местные газеты часто помещали статьи и заметки о ходе строительства. Много внимания этому уделяло также китайское радио.

Вот что писал в своей обзорной статье китайский журналист Чэ Муци, побывавший на АЗ-1 в 1956 году, незадолго до ввода в эксплуатацию завода: «В проектировании автозавода принимали участие 24 проектных института Советского Союза. Советский автотракторный проектный

институт выполнил основные работы по первоначальному проектированию. Московский автозавод имени Сталина установил связь с более 20 проектными институтами, со многими машиностроительными заводами Советского Союза, которые выполняли заказы для нашего автозавода, проверяя качество выполненных заказов и срок исполнения» [15, с. 24].

Именно на Московском автозаводе им. Сталина в 1953 году для руководства и координации проектных работ и работ, связанных с заказом, наладкой оборудования для Китая, было создано специальное управление, названное «АЗ-1» (Автомобильный завод № 1). Возглавил его инженер П. А. Цветков. Был составлен генеральный план завода в целом, а также отдельных производственных корпусов, в которых впоследствии разместились многочисленные цехи, такие как моторный, по выпуску коробок передач, производству шасси, сборке и испытаниям автомобилей, метизный, литейный, кузнечный, арматурный, прессовый, термический, калибровочно-заготовительный, инструментальный, абразивный, рессорно-пружинный, ремонтно-механический, деревообрабатывающий, печей и приборов. При создании этого проекта использовали все новейшие достижения мирового автомобилестроения.

Более 100 машиностроительных заводов Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Свердловска, Иркутска и других городов СССР получили заказы на производство оборудования для Чанчуньского автозавода. Всего было поставлено до 4 322 единиц сложных станков и приспособлений с необходимой технической документацией. Кроме этого, специально проектировалось несколько тысяч приспособлений специально для китайского автозавода. «Представление об объёме работы, выпавшей на долю Московского автозавода, дают следующие цифры: на заводе было спроектировано и изготовлено для АЗ-1 3 736 штук различных приспособлений, 1 300 холодных штампов, 236 кузнечных штампов, 6 787 наименований других специальных инструментов» [5, с. 459]. Необходимое оборудование и оснастка были отлажены, опробованы, отправлены за тысячи километров в Чанчунь, а там смонтированы и переданы китайским партнёрам. «В результате более 75% оборудования, отвечающего стандартам 1950-х гг., было поставлено из СССР» [1, с. 346].

Из СССР же Автомобильному заводу № 1 в 1953 году также был передан советский ОСТ (отраслевой стандарт), на основании которого был разработан китайский ТОСТ (национальный стандарт).

Под руководством и с участием специалистов ЗИСа были построены ТЭЦ, газогенераторная, кислородная, купоросная и станции, станция защитной атмосферы, испытательная станция, водопроводная и канализационная системы, две компрессорные и четыре водонасосные

станции, заводская автоматическая телефонная станция, различные лаборатории. Смонтировано 18 установок ТВЧ (установки индукционного нагрева токами высокой частоты для работы с металлом) и восемь высокочастотных генераторов мощностью в 100 кВт, различные сборочные и транспортировочные конвейеры.

В результате проведённых работ Чанчуньский автозавод обладал по тем временам передовым техническим оборудованием и высокой степенью автоматизации. Так, «энергослужбы АЗ-1 могут автономно вырабатывать электричество и снабжать топливом, могут самостоятельно производить применяемые для автомобильной промышленности газ, сжатый воздух, пар, кислород, ацетилен, имеют самостоятельную систему водоснабжения» [6, с. 80].

В соответствии с китайско-советским соглашением советская сторона, кроме предоставления Китаю комплексных проектных и чертёжных материалов и оборудования, направила в КНР группу опытных специалистов для помощи в строительстве завода, главным образом с ЗИСа. Вот что об этом пишет в своей монографии китайский исследователь Шэнь Чжихуа: «Развитие с нуля многих отраслей промышленности Китая достигалось потом и кровью советских специалистов. Колыбелью автомобильной промышленности Китая является Чанчуньский первый автомобильный завод. Он полностью импортировал советское оборудование и комплектующие, кроме того, советские специалисты оказали содействие в его строительстве. 15 июля 1953 г., до начала земляных работ, Советский Союз отправил Сигачева (главного советника) и группу специалистов по техническому обучению и гражданскому строительству для осуществления руководства на месте. [В июне 1956 г. инженера Б. И. Сигачева сменил начальник производства ЗИСа А. В. Кузнецов, который работал до завершения строительства завода.] В дальнейшем было последовательно отправлено около 200 специалистов различного профиля [все они были в основном с Московского автозавода], начиная со специалистов в области технологии и технического контроля и вплоть до специалистов по монтажу оборудования, наладке производства — всё это находилось под контролем советских специалистов. Кроме того, завод был снабжён полным техническим составом: начальниками технических отделов, начальниками цехов — вплоть до наладчиков. Они обучали китайские технические кадры и рабочих монтажу, наладке и организации производства» [16, с. 194–195].

Без опытных советских наставников сроки возведения первого автозавода могли бы быть значительно затянуты. Дело в том, что начало строительства объекта совпало с сезоном дождей, которые характерны в Чанчуне для августа. «Советские специалисты, имеющие опыт строительных работ такого масштаба, приехали заблаговременно и помогли

организовать защитные системы, предохраняющие людей и строительство от дождей и ветра. Это позволило качественно и в срок завершить самую важную часть строительства заводского корпуса — заложить фундамент объекта» [6, с. 16].

Таким образом, в 1954 году, ключевом для стройки, был выполнен 51% всех строительных работ.

Одновременно со строительством завода шло и обучение рабочих. Под руководством опытных специалистов из Советского Союза молодые китайские рабочие овладевали новыми профессиями. «С самого начала строительства в 1953 г. Чанчуньского первого автомобильного завода советские специалисты начали читать для кадровых работников лекции, а за три года, на момент завершения строительства, 186 советских специалистов для 20 тыс. кадровых работников прочли более 1 500 лекций; напрямую было воспитано и подготовлено 470 человек управленческих и технических кадров, в том числе 56 начальников управлений, 139 инженеров, 60 начальников отделов и цехов, 173 техника и 90 мастеров» [16, с. 118].

В те годы первой пятилетки в КНР, в годы строительного бума, на учёбу и стажировку в Советском Союзе были приняты десятки тысяч китайских студентов и несколько тысяч китайских технических специалистов. На ЗИСе прошли годичную практику 550 китайских граждан, командированных от первого автозавода. Среди них был и будущий председатель КНР Цзян Цзэминь. Впоследствии он не раз отмечал, что успехи китайской автомобильной индустрии были бы невозможны без помощи советских специалистов. На Московском автозаводе готовились кадры мастеров, наладчиков и технологов основного производства в механосборочных, вспомогательных и обеспечивающих производственный процесс цехах. Автозаводцы с большой заботой относились к китайским практикантам. Им были созданы все необходимые условия для работы и отдыха. В одном из заводских домов разместилось благоустроенное общежитие. В отделе технического обучения для них организовали уроки по изучению русского языка, просмотры китайских кинофильмов. Кадры автомобилестроителей из КНР обучались и на других советских заводах (например, на Горьковском автозаводе — ГАЗ).

Поэтому неудивительно, что те тёплые отношения, которые сложились между советскими и китайскими специалистами, поддерживались на протяжении многих лет (вплоть до «большого скачка» и «культурной революции» в Китае, когда всякую переписку с советскими друзьями пришлось прекратить). Свидетельство этому можно найти в газете Московского автозавода. Вот отрывок из информации в газетном выпуске за 1954 год: «Мы, автозаводцы, как и все советские люди, с глубоким вниманием и интересом

следим за тем, как создается могучая индустрия Китайской Народной Республики. В Чанчуне растут корпуса первого в стране автомобильного завода. Образцы трудового героизма показывают строители этого крупного машиностроительного предприятия. Сейчас на стройке первого в Китае автозавода работают многие советские специалисты. Будущие рабочие и специалисты китайского автомобилестроения уже более двух лет проходят производственную практику в цехах нашего завода. И здесь, на заводе, и там, на стройке первенца китайского автомобилестроения, мы видим, как с каждым днем растёт и крепнет дружба двух братских народов. Эта дружба представляет великую непреодолимую силу» [4]. А вот из более поздней публикации, за 1959 год: «Особенно крепкими узами братской дружбы связаны москвичи с первенцем китайского автомобилестроения — Чанчуньским автозаводом... Когда китайский завод вступил в строй действующих, между москвичами и чанчуньцами развернулось боевое соревнование. Два коллектива обмениваются техническими новинками, систематически информируют друг друга о выполнении принятых обязательств» [7].

Но, пожалуй, самым ярким примером дружеских отношений между специалистами из СССР и КНР является недавно опубликованная книга Лю Жэньвэя «Вечная память», посвящённая четырёхлетней работе (с 1954-го по 1957 г.) и жизни в Китае советского специалиста с ЗИЛа Николая Яковлевича Киреева, его выдающемуся вкладу в развитие российско-китайской дружбы, а также его длительной дружбе с бывшим председателем КНР Цзян Цзэминем. Книга была презентована в 2010 году в Пекине, а в 2011-м была переведена на русский язык и представлена в Москве.

Киреев был главным энергетиком строящегося тогда в городе Чанчуне первого китайского автомобильного завода. Он стал учителем Цзян Цзэмина, который в те годы работал на АЗ-1, между ними сложились тёплые дружественные отношения. Именно Киреев перед своим возвращением на родину порекомендовал Цзян Цзэмина на пост главного энергетика завода. Примечательно и то, что в 1950-е годы Цзян Цзэминь стажировался в СССР на Автозаводе имени Сталина. Предисловие к книге написал сам Цзян Цзэминь, ему же принадлежала инициатива её написания. Он отметил большой вклад Н. Я. Киреева в строительство завода, а также его тёплые чувства к Китаю и китайскому народу.

Строительство первого автозавода закончилось в 1956 году, и 13 июля того же года с конвейера сошли первые китайские автомобили — это были грузовики «Jiefang CA10» («Цзефан CA10», в переводе на русский — «Освобождение», буквы CA означают Chinese Automobile, китайский

автомобиль) грузоподъёмностью 3,5 тонны, аналог ЗиС-150 Московского автозавода. Всего в первой партии было 12 грузовиков. Такое название для первого автомобиля предложил сам председатель КНР Мао Цзэдун. И, видимо, неслучайно. «Освобождение» — слово тогда столь же популярное в Китае, как в СССР «Победа».

15 октября 1956 года на митинге, посвящённом официальному пуску завода, китайские руководители горячо благодарили советский народ за оказанную помощь. Были зачитаны благодарственные письма Московскому автозаводу, строительным и монтажным организациям Советского Союза. В знак особой признательности коллектив Чанчуньского завода передал московским автозаводцам один из первых автомобилей «Цзефан», под номером «2».

К началу выпуска собственных автомобилей в АЗ-1 было инвестировано 594 миллиона юаней. Кроме оснащённых совершенным оборудованием основных цехов, на территории первого автомобильного завода был построен ещё ряд вспомогательных предприятий, способных производить различное оборудование и инструмент, осуществлявших ремонт оборудования, снабжавших электроэнергией, сжатым воздухом, газом, кислородом. Завод располагал также современной конструкторско-экспериментальной базой. Рядом с цехами и другими постройками завода выросло больше 100 трёх- и четырёхэтажных жилых домов для рабочих и служащих; были открыты для них общественные столовые, детские сады, ясли, школы, больницы, магазины и клубы. Трамвай и автобусы связали завод с Чанчуном. Работать на автозаводе считалось очень почётным делом.

Есть сведения, что первые сто автомобилей были собраны на АЗ-1 ещё в 1953 году, но это были в основном капитально отремонтированные грузовики советской модели.

В первый год (1956-й) предприятие изготовило 1 700 машин (133% от плана), в 1957 году — 20 тысяч, что стало хорошим подспорьем для всей страны. Дело в том, что Китай всё ещё продолжал ввозить импортные автомобили — по 10 тысяч ежегодно. «К концу 1957 года всего в Китае было 92 000 автомобилей, из них советских 55 648, что составляло 71,3%, восточноевропейских 2 974, или 3,23%, национальных и французских (примерно поровну) 22 673, или 24,5%» [2, с. 78–79].

Однако уже к концу 1958 года без дополнительного расходования средств и установления оборудования завод выпустил 60 тысяч машин. Как тогда писала китайская и советская пресса, «это стало возможным благодаря массовой технической революции на заводе, благодаря тесной связи рабочих и технического состава с руководством, благодаря внедрению в производство в течение одного месяца более 2 000 рационализаторских предложений» [11, с. 28]. В том числе и от советских специалистов, которые продолжали

работать на АЗ-1. По данным китайского исследователя Шэнь Чжихуа, с июня по сентябрь 1953 года (то есть до официального пуска завода) ими было подано руководству Чанчуньского автозавода 69 предложений (54 из них было исполнено, остальные не удалось осуществить в силу неподготовленности условий); в 1953–1960 годы было подано 20 000 предложений (выполнено 19 950, остальные были отложены для дальнейшего рассмотрения) [16, с. 283].

К концу 1959 года было запланировано пятикратное увеличение проектной мощности Чанчуньского автозавода — доведение выпуска автомобилей до 150 тысяч в год. Раньше такая цифра планировалась лишь на 1967 год. Этот огромный скачок в производстве автомобилей стал возможен не только благодаря новым капиталовложениям (40 млн юаней), которые должна была покрыть прибыль завода, и материальным затратам, но «главным образом за счет повышения производительности труда и развития массовой технической инициативы среди рабочих и инженеров предприятия... На Чанчуньском заводе проводится кампания за то, чтобы каждый рабочий принял личное участие в техническом развитии предприятия. О масштабах этой кампании можно судить по тому, что только за первые две недели после ее начала было собрано 110 000 рационализаторских предложений, из которых 3 420 были посвящены решению технических проблем крупного масштаба. Во всех цехах и участках разработаны технические планы, предусматривающие конкретную экономию и повышение производительности труда в определенные сроки» [9, с. 28]. Для реализации плана на 1959 год планировалось смонтировать 800 новых станков и увеличить производственные площади почти на 100 тысяч кв. метров. Значительная часть оборудования могла быть изготовлена своими силами в цехах завода.

В дальнейших планах развития Чанчуньского автомобильного завода — превращение его в огромный комбинат, где кроме цехов для производства автомобилей должны быть организованы производственные группы для изготовления станков, электромоторов, железа, стали, цемента, строительных материалов и т. д. «Каждая из таких производственных групп будет иметь свое конструкторское бюро, экспериментальные и исследовательские службы. Все это позволит ускорить прогресс автомобилестроения и еще более тесно привлечь рабочих к решению технических задач производства» [9, с. 28].

Появление «Цзефан СА10» изменило отсталое состояние городского и сельского автодорожного транспорта КНР. До середины 1950-х годов во всей стране было всего 60 тысяч с лишним импортных старых автомобилей, занимавшихся пассажирскими и грузовыми перевозками. После начала выпуска грузовики «Цзефан СА10» были переделаны в автомобили разных назначений, такие как автобус, машина для перевозки

воды, специализированный автомобиль, инженерная машина, машина-холодильник. В итоге «Цзефан» стал в Китае столь же распространённым транспортным средством, как некогда в Советском Союзе полторки.

Старая марка «Цзефан СА10» широко известна ещё потому, что грузовик модели СА10 в 1953 году появляется на бумажной купюре самого маленького достоинства — стоимостью 1 фэнь (равняется 1/100 одного китайского юаня). Кроме того, в дальнейшем грузовики марки «Цзефан» в большом количестве экспортировались во многие страны, в том числе Албанию. Они даже появились на тогдашних бумажных деньгах этого государства.

За 30 лет, начиная с 1956 года, когда сошла с конвейера первая машина «Цзефан СА10», до 1986 года, когда производство их прекратилось, было произведено более 1,28 миллиона автомобилей этой модели. И это — наиболее долго выпускаемая в мире модель грузовика.

Помимо ЗиС-150 СССР передал Чанчуньскому автозаводу технологию на грузовой вездеход ЗиС-157, причём это не было предусмотрено договором. «Помогая китайской стороне возводить различные объекты, Советский Союз также предоставлял чертежи строительства этих объектов, проекты изготавливаемой продукции, проектные решения по применяемым технологиям и иную техническую продукцию. Всё это было необходимо для строительства заводов и налаживания процесса производства. В случае если техническая документация не была предусмотрена контрактом, но представляла интерес для китайской стороны, она предоставлялась при первом же запросе. Например, в соответствии с контрактом, советская сторона должна была предоставить техническую документацию для грузовых машин ЗиС-150, которые должны были производиться на Первом автомобилестроительном заводе, однако когда китайская сторона проинформировала о желании скопировать модель ЗиС-157, советская сторона предоставила все чертежи и образцы на эту машину» [13, с. 41]. В Китае ЗиС-157 был превращён в «Цзефан СА30». Производство его началось 20 сентября 1958 года. Этот автомобиль поставлялся исключительно в НОАК, в том числе в качестве шасси под пусковую установку залпового огня «Тип 74».

В дальнейшем по советской документации АЗ-1 выпускал многие, ставшие первыми для Китая, автомобили: трёхосные грузовики, вездеходы, карьерные самосвалы, автобусы, троллейбусы, специальные шасси. Достижения Чанчуньского автозавода второй половины 1950-х годов достаточно полно освещались в прессе, в том числе и советской: «Молодая автомобильная промышленность Китайской Народной Республики вступила сейчас в новую фазу своего развития. От одиночных стандартных грузовиков универсального назначения, выпуск которых был освоен

лишь недавно, она уверенно переходит на производство ряда новых моделей автомобилей, более полно отвечающих потребностям растущего народного хозяйства.

Рабочие и инженерно-технические работники первого автомобильного завода Китая, находящегося в г. Чанчуне, успешно работают над созданием новых марок автомобилей. К национальному празднику китайского народа — 1 октября — должен быть налажен выпуск шести новых моделей автомобилей отечественного производства [речь идёт о 1958 годе]. Уже созданы опытные образцы грузового автомобиля повышенной проходимости, пятиместного легкового автомобиля, автомобиля-самосвала с опрокидывающимся кузовом, газогенераторного автомобиля, работающего на каменном угле, и др. Самосвал СА-40 и четырехтонный газогенераторный грузовик СА-10 успешно прошли испытания и вскоре поступят в серийное производство. Выпускается уже также и новый грузовик «Освобождение», в котором сохранено без изменений лишь стандартное шасси.

Для сельского хозяйства предназначен универсальный грузовик СА-80. Он очень удобен при сельскохозяйственных работах и перевозках, так как может быть использован и как трактор и как грузовик. Новый грузовой автомобиль высокой проходимости (модель СА-30) также зарекомендовал себя с лучшей стороны.

В сентябре текущего года намечено начать серийное производство также и 10-тонного грузовика СА-50» [8, с. 17].

Хотя по первоначальному проекту Чанчуньский автозавод должен был выпускать только одну марку грузовых автомобилей, в 1957 году для удовлетворения растущих потребностей страны на предприятии приступили к разработке легковых автомобилей. И также с помощью советских специалистов.

5 мая 1958 года на заводе был собран экспериментальный образец легкового автомобиля, который получил название «Дунфэн СА-71» («Ветер с Востока»). «Автомобиль представлял собой гибрид советской «Волги ГАЗ-21», немецкого «Mercedes-190» (двигатель) и французской «Simca VDT» (шасси и корпус), с бензиновым двигателем V1.5 (с заявленной мощностью 70 л. с., при том, что большинство мировых аналогов обладали мощностью 50–60 л. с.)» [2, с. 77]. Конечно, этот автомобиль трудно было назвать передовым даже для того времени, но тем не менее машина развивала скорость до 130 км/ч и была достаточно комфортабельной. Рассчитана она была на китайских чиновников выше среднего ранга.

Название «Ветер с Востока» относится к широко известному изречению Мао Цзэдуна: «Ветер с Востока подавляет западный ветер», сказанному им в Москве в 1957 году. Также восточный ветер имеет мифологическую историю: во время правления династии Хань, когда войны в Китае были часты-

ми, восточный ветер помог одержать победу над вражеской армией. С тех пор считается, что этот ветер приносит удачу.

Вот как охарактеризовал новую продукцию АЗ-1 советский инженер Н. Павлов в журнале «За рулём»: «... Следует отметить значительную победу, которую одержал недавно коллектив... автозавода в Чанчуне, выпустивший первый в истории Китая шестиместный легковой автомобиль отечественного производства. Первый опытный образец автомобиля, получившего название «Дунфын» («Ветер с Востока»), в середине мая текущего года [1958-го.] впервые вышел из ворот завода и был представлен на всеобщее обозрение. Это был своеобразный подарок коллектива завода ко второй сессии VIII съезда Китайской коммунистической партии. Автомобиль имеет кузов типа «седан» приятной обтекаемой формы, с красивой внутренней и внешней отделкой. В салоне кузова предусмотрены отопление и радиоприемник. На его радиаторе установлена фигура дракона.

Двигатель нового легкового китайского автомобиля отличается простотой конструкции и развивает мощность 70 л. с. Максимальная скорость автомобиля 128 км/час. На 100 км пробега он расходует 9–10 литров бензина. Сухой вес 1 230 кг.

Как сообщил главный инженер Чанчуньского завода Мэн Шаонун, пробный пробег автомобиля показал, что двигатель и его агрегаты работают хорошо. Удовлетворительно прошли и дальнейшие испытания» [8, с. 17].

Но на этом заводчане не остановились. Известно, что для создания нового представительского авто премьер КНР Чжоу Энлай и главнокомандующий НОАК Чжу Дэ отдали в распоряжение заводских инженеров свои машины, «Рено» и «Шкоду». «Но инженеры решили, что за образец надо брать лучшее в мире. В то время флагманом автопрома были США, поэтому для завода в качестве учебного пособия был куплен автомобиль «Крайслер», 1955 года выпуска» [10]. Машину разобрали до винтиков и тщательно изучили. После этого приступили к созданию собственного детища. Вскоре появился первый седан представительского класса, который называли «Хунци» («Красное знамя»). «По кон-

струкции и внешнему виду новый автомобиль представлял собой вариации на тему советских «Чайки» и ЗиЛ-111» [3]. Автомобиль получился роскошным. Современный кузов, отделка салона самыми дорогими материалами, включая даже чистое золото, которым была инкрустирована кнопка клаксона. На приборной панели машины были изображены Ворота Тяньаньмэнь, в неё также были встроены кварцевые часы. В движение этот автомобиль приводил V-образный шестицилиндровый двигатель. Первого августа 1958 года Чанчуньский автозавод собрал первый 6-метровый «Хунци СА770» — представительский лимузин для членов Политбюро КПК. Презентацию его провели 1 октября 1959 года, в День образования КНР. Естественно, что появление такого «Красного знамени» вызвало бурную радость всех китайцев и удивление в автомобильном мире. В заводской газете Московского автозавода за октябрь 1959 года была размещена следующая заметка: «Как сообщает агентство Синьхуа, коллектив первенца китайского автомобилестроения — Чанчуньского автозавода встречает 10-ю годовщину Китайской Народной Республики новым трудовым успехом — освоением серийного производства легкового автомобиля марки «Хунци» («Красное знамя»). Автомобиль марки «Хунци» имеет мотор мощностью в 210 лошадиных сил и развивает скорость 160 километров в час» [12, с. 3].

В 1960 году «Хунци», как символ мощи китайской промышленности, был продемонстрирован на ярмарке в Лейпциге и внесён в ежегодный каталог «Автомобили мира». В 1965 году он участвовал в выставке в Париже. На экспорт лимузин не поставляли. «Хунци СА770» выпускался по 1981 год, всего было построено 847 автомобилей. Но представительские автомобили под этим брендом компания FAW (ранее «Автозавод № 1») продолжает выпускать до сих пор.

Сегодня выросшая из Чанчуньского автозавода компания China First Automobile Group Corporation (известная по аббревиатуре FAW, ставшей торговой маркой всей продукции) является крупнейшей в Китае промышленной группой по выпуску автомобильной техники.

Список использованных источников

1. Александрова, М. В. Экономика Северо-Восточного Китая и советская помощь КНР в 50-х годах XX века / М. В. Александрова // Китай в мировой и региональной политике : История и современность. — Москва, 2013. — № 18. — С. 326–348.
2. Бараболина, А. И. Русские корни китайского автопрома / А. И. Бараболина // Науч. обозрение. — 2008. — № 1. — С. 75–80.
3. Из коллекции журнала «За рулём» [автомобилестроение Китая] // За рулём. — 1993. — № 9. — С. 55.
4. [Информация о строительстве первого в Китае автозавода] // Сталинец : газ. з-да им. И. В. Сталина. — 1954. — 1 окт. (№ 232). — С. 1.
5. История Московского автозавода им. И. А. Лихачёва : [к 50-летию завода] / Н. В. Адфельдт, Д. А. Баевский, И. Л. Бачило [и др.]. — Москва : Мысль, 1966. — 647 с.
6. Лю Жэньвэй. Вечная память / Лю Жэньвэй ; [пер. с кит. Цинь Сы]. — Москва : Молодая гвардия, 2011. — 252 с.
7. Москва — Чанчунь // Московский автозаводец. — 1959. — 1 окт. (№ 231). — С. 1.
8. Павлов, Н. Автомобили народного Китая / Н. Павлов // За рулём. — 1958. — № 7. — С. 17.
9. Павлов Н. Сделано в странах народной демократии. Автомобилестроение в народном Китае / Н. Павлов // За рулём. — 1959. — № 5. — С. 28–30.
10. Первый автомобильный [Электронный ресурс] // CRI Online.

ИСТОРИОПИСАНИЕ

Международное радио Китая. Режим доступа: <http://russian.cri.cn/881/2010/04/09/1s332887.htm>.

11. Первый автомобильный завод Китая // За рулём. — 1960. — № 5. — С. 28. — (Сокращённый перевод из газеты «Цзефан-цзюнь бао»).
12. Подарок чанчуньских автомобилестроителей // Московский автозаводец. — 1959. — 1 окт. (№ 231). — С. 3.
13. Самохин, А. В. Сотрудничество между СССР и КНР в конце 1940-х – начале 1950-х годов / А. В. Самохин // История и культура Приамурья. — 2012. — № 1 (11). — С. 39–45.
14. Сладковский, М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. Т. 2 : (1917–1974) / М. И. Сладковский. — Москва : Наука, 1977. — 367 с.
15. Чэ Муци. С конвейера скоро сойдут автомашины / Чэ Муци // Народный Китай. — 1956. — № 9. — С. 23–26.
16. Шэнь Чжихуа. Советские специалисты в Китае (1948–1960) / Шэнь Чжихуа ; [пер. с кит. А. А. Тагировой]. — Москва : Наука : Вост. лит. — 423 с.

Материал поступил в редакцию 30.10.2017 г.

Сведения об авторе: Волкотрубова Ольга Николаевна, главный редактор Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск), один из авторов-составителей историко-мемуарных книг «Великая Победа на Востоке» (Хабаровск, Чанчунь, 2015) и «Мы вместе строили Новый Китай» (Хабаровск, 2017).

ПРИХОДЬКО ВИКТОРИЯ КОНСТАНТИНОВНА

ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ БОЛТЛИВЫХ ЛЮДЕЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

В статье рассматривается представленная в «Словаре русских говоров Приамурья» диалектная лексика, называющая болтливых людей сплетниками, обманщиками, любителями ругаться. Также исследуются слова, обозначающие процесс передачи сплетен, создания обмана; раскрываются функции, выполняемые болтливими людьми в социуме. Данная группа слов исследуется с точки зрения эмоционального и оценочного восприятия собирательной диалектной личности — жителя Приамурья XIX–XX веков. Материал представлен в диахронном аспекте, поскольку на современном этапе говоры нивелируются и постепенно становятся устаревшей лексикой, всё менее актуальной для дальневосточников.

Ключевые слова: эмотивная лексика, фразеологизм, диалектизм, диалектная личность, устойчивые сочетания, ониматопеи.

Keywords: Emotional vocabulary, phraseme, dialectism, dialect personality, stable combinations, onomatopoeia.

Человеку свойственно оценивать всё окружающее, что является необходимым элементом процесса познания. Говорящий постоянно изучает мир с точки зрения сложившейся в социуме нормы: «нарушение общепринятых норм и несоблюдение запретов вызывают осуждение окружающих и характеризуются негативной социальной оценкой, тогда как сама норма бесцветна, неинтересна, нейтральна и потому мало фиксируется в языке» [1, с. 36]. Отклонение от нормы поведения оставляет свой след чаще, чем благопристойное, примерное поведение. Этим объясняется большое количество наименований, выявленных в «Словаре русских говоров Приамурья» (далее — СРГП), обозначающих болтливых людей: сплетников, обманщиков, ругателей. В словарных статьях к таким лексемам, как правило, дана помета *неодобрительное, презрительное*, поскольку эмоция презрения проявляется в значениях и компонентах значения этих слов. Ср.: **РАСПУСТИ́ХА**. Неодобр. 2. Болтливая женщина. *Кака́ распустиха: больно болта́т много!* [3, с. 365]. **ПЛЕ́ШНИЧАТЬ**. Неодобр. 1. Сплетничать. *Чё ходишь плёшничать, да чё услышит, тут же перескажет* [3, с. 317].

Издавна сплетники (лжецы) осуждались всеми, но они также и формировали общественное мнение. СРГП фиксирует наименования болтливых людей с негативной оценкой: *ботало, бреху́шка, язы́чница, плёха, хлопу́ша, худосла́вница* и т. д.

Однако существовало и противоположное убеждение, что «люди зря не скажут». Разговорчивость и «болтовитость» связывались также с общительностью, коммуникабельностью. Ср.: **БОРМОТА́ТЬ**. *Разговаривать. Ой, долго мы с тобой бормота́ли* [3, с. 39]. **БОЛТОВИ́ТЫЙ**. Болтливый. *Анисья болтовита́я была* [3, с. 38]. **РАЗГОВО́РНЫЙ**. *Разговорчивый. Ох, он какой разговорный, сын-то Акинфиев!* [3, с. 360].

В группу презираемых болтливых людей включаются сквернословы, которые бранятся, матерятся, эпатируют окружающих обценной лексикой: **МАТЮ́ЖНИЦА**. Неодобр. *Любительница сквернословить. Матюжница эта Ульяна, как выворотит чё, хошь уши затыкай* [3, с. 237]. Ср. также: **МАТЮ́ЖНИТЬСЯ**. Неодобр. *Ругаться, употребляя бранные выражения. Чё матюжинишься при девках? Не матюжинился там Сережка?* [3, с. 237]. **РУГА́ТЕЛЬНИК**. Неодобр. *Человек, который постоянно ругается. Ругательник — ругается всё время* [3, с. 374]. **РУГЛИ́ВЫЙ**. *Сварливый. Така́ тётка у хозяина ругливая была* [3, с. 374]. Рот, произносящий ругательства, презрительно назван информантами «матюгальником»: **МАТЮГА́ЛЬНИК**. *Груб. Рот. Закрой свой матюгальник* [3, с. 237].

Традиционно жители Приамурья дорожили своей репутацией. Особенно это касалось любовных взаимоотношений, когда в селе и в деревне все на виду. Скромность поведения

диктовалась общественным мнением. Сплетни и слухи распространялись быстро. Никто из деревенских жителей не хотел становиться предметом обсуждения. Данную примечательную особенность крестьянской жизни запечатлели частушки: *Бабы судят на мосту: / Вертоглядочкой расту. / Я не вертоглядочка, / Люблю милого, как яблочко* [6, с. 40].

В данной частушке встретилось интересное слово *вертоглядочка*, обозначающее, исходя из контекста, легкомысленную девушку/женщину. Очевидно, образовано от слов *вертеться* и *глядеть на сторону*. В «Словарной картотеке Г. С. Новикова-Даурского» слово *вертоглядочка* не фиксируется, как и в СРГП. Ср. также: *Давай, милочка, поклонимся / Рябинушке сухой. Не избавит ли рябинушка / От славушки худой* [6, с. 41]. Видимо, речь в данной частушке идёт об обряде, избавляющем от сплетен, пересудов.

В диалектном выражении *шипшиная баба* образность базируется на сравнении языка болтливой бабы с колючками, с шипами, причиняющими боль. Атрибутивная метафора основана на производимом впечатлении и передаёт отрицательное отношение говорящих к людям, ранящим словами окружающих: *шипшиная баба. Острая на язык женщина. Надьке-то палец в рот не клади. Така шипшиная баба! За словом в карман не лезет* [4, с. 16]. Метафорический перенос наблюдается также в образном выражении с пометой «презрительное» — *ботало базарное*, причём у данного устойчивого выражения два взаимосвязанных значения: «врун» и «болтун». Очевидно, что в сознании диалектоносителей понятия «врать» и «болтать» связываются и порой отождествляются. Фразеологизм обладает эмоциональным компонентом значения, то есть передаёт эмоцию презрения, а также экспрессивностью, заключающейся в яркой образности: «ботало» — это колокольчик, который громко трезвонит под дугой запряжённых лошадей. У метафоры «ботало» есть ещё распространитель — «базарное», то есть тот, кто трезвонит на базаре (площади), при этом звон «ботала» (колокола) слышен всему честному народу. У слова «базарное» есть коннотации, ассоциативно связанные также с выражением *баба базарная*, то есть *крикливая, вздорная женщина*: *ботало базарное — презрит. Болтун. Врун. Этой Маньке ниче сказать нельзя. Она же ботало базарное, все разнесет по соседям да три короба приврет* [3, с. 20]; *Общ. Перен. Неодобр. То же, что балабол. Кто говорит много, болта́т, того боталом зовут. Вот ботало какой: минуты не помолчит. Наш местный ботало наскучил всем* [3, с. 40].

Отрицательное отношение к сплетням отражается также во фразеологическом обороте дальневосточников *собирать чай* — *неодобр. Сплетничать. Пошла по соседкам собирать чай — сплетничать* [4, с. 128].

Ономатопеи типа «трёкать», «трёкаться», «трёкнуться» возникли также из звукоподражательных ассоциаций с ко-

локольчиком, который «трезвонит», «трёкает». Сам процесс разговора пустого, поверхностного (например, случайно обмолвиться), пустого или лживого (отказ от собственных слов и поступков) определяется данными идеофонами. Ср.: **ТРЕКАТЬ**. *Говорить, разговаривать. Наслушаешься, да начнёшь трёкать по-ихнему. ТРЕКАТЬСЯ*, несов. *Отказываться. Ну чё ты трёкаешься? Ведь брала же! Вот видела, что брала, а она трёкается. ТРЕКНУТЬСЯ*. *Обмолвиться. Если бы я сам трёкнулся, меня скомиссовали бы* [3, с. 442].

Звукоподражательное происхождение, на наш взгляд, также у слова «хлопуша» от «хлопать» (хлопать/шлёпать губами. Ср.: *Что там твои губки шлепнули?*). Ср.: **ХЛОПУША**, общ. *Лгун или лгунья. Хлопушка ты, хлопуша, врёшь, болташь, чё же ты врёшь, обманывашь. Хлопуша — которая наврала, нахлопала. Ну и хлопуша ты, Людка, ты меня не обманешь. Нов.-Даур.* [3, с. 467]; **ХЛОПУШКА**, общ. *То же, что хлопуша. Вы скажите, у кака хлопушка* [3, с. 467]; **ХЛОПУН**. *Человек, не выполняющий своих обещаний; пустослов. Ох, хлопуны, хлопуны* [3, с. 467].

Слова, возникающие на основе звукоподражания, типа «охать», «ахать», «икать», принято называть ономотопеями. Слова «трёкать», «хлопуша», «хлопушка» тоже относятся, на наш взгляд, к данному типу слов. Аналогично образовано слово «гавкать». С одной стороны, оно относится к ономотопеям, с другой — является метафорическим переносом по действию. Ср.: **ГАВКАТЬ**, перен., неодобр. *Говорить, сплетничать. Я за глаза не гавкаю — в лицо говорю* [3, с. 83]. Ср.: **БРЕХУШКА**, пренебр. *О том, кто говорит или пишет вздор, собирает сплетни. Это наша брехушка местная [о районной газете], где бабы поругались, где что — всё здесь* [3, с. 44]. Слово «брехушка» происходит от глагола «брехать», по М. Фасмеру, от древнерусск. «брехати» — лаять, укр. «брехати» — лгать, болг. «брехам» — твякать, лаять, ссориться, сербохорв. «брехати» — задыхаться, кашлять, словен. bréhati — задыхаться, чеш. bréchatí — твякать, польск. brzechać — лаять, англ. bark — лаять, связано с лит. burgeti — ворчать, ругаться [8, т. 1, с. 213].

Звукоподражание, которое своим звучанием напоминает слуховые впечатления, возникающие от реального явления, лежит в основе образования диалектного глагола **ЛАЛАЧИТЬ**. Ср.: *Встанут и болтают: «Ла-ла-ла! Не переслушаешь».* **ЛАЛАЧИТЬ**. *Разговаривать. Бабы зашли на кухню и лалачат себе, кто о чём* [3, с. 219].

Российский публицист, журналист Д. В. Ольшанский в работе «Политическая психология» [2] выделил шесть конкретных психологических функций сплетен, существующих в социуме, которые подтверждаются лингвистическим материалом:

– **информационно-познавательная функция**. В отличие от официальной информации сплетня представляет

скрытую информацию, зачастую противоположную той («вывернутая наизнанку»), что прошла цензуру.

Польский исследователь социальной психологии С. Ендржеевский утверждает: «Эмоциональное, заинтересованное отношение к событиям, сам способ коммуникации, в ходе которого накладываются друг на друга, пусть даже не преднамеренные, дезинформации сообщающих и принимающих, ведут к тому, что информация становится маловероятной. Сплетня не ликвидирует дефицит информации, но может возбудить определенные настроения или поддерживать их» [9, с. 70–72]. Ср. в приамурской частушке: *Сошью кофту белую, / А другую — красную. / Будет, будет — потерпела / Славушку напрасную* [6, с. 40];

– **аффилиативно-интеграционная функция**. Обмен искажённой информацией, какой являются сплетни, слухи, предполагает общение людей одного уровня развития и ценностных ориентаций. Это своеобразный круг «своих», разграничивающий общество на «мы» и «они», с ощущением превосходства над теми, о ком сплетничают. Эмоция презрения здесь обретает черты обоюдности и взаимности: с одной стороны, сплетники презирают тех, о ком сплетничают, а с другой — те, кто стал жертвой сплетен, презирают распространителей слухов. **БАЛАКАТЬ**. *Разговаривать. Вечером баба на лавочке со старушками балакает. О чём бабки балакали?* [3, с. 23]. Ср. в частушках: *Пью, говорят, / не пью, говорят. / Напьюсь — повалюсь, / И пускай говорят* [5, с. 22]. *Пускай говорят / Мужики да бабы, / Я девонька молодая, / не боюсь я славы* [6, с. 41];

– **развлекательно-игровая функция**. Сплетни и слухи носят подчас легкомысленный и юмористический характер, поэтому распространяют их достаточно легко, быстро, как бы шуткой, играючи, с долей иронии. Ср.: **ЗУБЫ МЫТЬ**, неодобр. *1. Болтать, проводить время за разговорами. Что? Зубы мыть пришли? Неча зубы-то мыть, пора. 2. Насмеяться. Зубомой — всяко свои зубы моет — над человеком смеется* [3, с. 250].

Справедлива, по сути, мысль: «В сплетне можно найти различные формы комизма — прозаические кулисы того, что пользуется всеобщим почетом, величие и обыденность одних и тех же людей, забавные конфликты социальных ролей и т. д.» [9, с. 70–72]. Сплетни нередко сближаются с анекдотами, но носят более правдоподобный и конкретный характер. Сплетня, как и анекдот, является своеобразным способом развлечь собеседника. Ср. в приамурской частушке: *У меня пальто на вате, / А другое на меху. / Одного люблю для славы, / А другого для смеху* [6, с. 41];

– **проекционно-компенсаторная функция**. Почти любая сплетня — это искажённая информация, выдумка, своеобразное художественное творчество в жанре устного

рассказа. Причём на личность, о которой говорят, проецируются вытесненные свойства и склонности сплетников, приписываются близкие им самим характеристики людей, их личные симпатии и антипатии. Сплетник, по сути, рассказывает о себе: своих предпочтениях и неприятиях. В силу своей «художественности» сплетни способствуют порождению и сохранению легенд и мифов, поставляя якобы подтверждающие их факты, «обоснования» и «иллюстрации». Жители Приамурья, отмечая «прикрасы» и «преувеличения» сплетников, как говорящих глупости, отразили презрительное отношение к сочинителям в прозвищах «баламошка», «балабол», «балагон», «бормотун», «болтомоха», «плёшник», «язычица». **БАЛАМОШКА.** *О сумасбродном, неуравновешенном человеке. Чё попало говоришь, баламошка. Да мы их по-разному зовём: и баламошка, и турковаты, и чокнуты. Нов-Даур.: пустой, несерьезный человек [3, с. 23].* **БАЛАБОЛ,** *пренебр. Человек, любящий заниматься пустой болтовней, пустомеля, балаболка. Брат мой балабол был [3, с. 22].* **БАЛАГОН,** *неодобр. То же, что балабол. Мой первый мужик такой балагон был, всё попусту болтал [3, с. 22].* **БОРМОТУН.** *То же, что балабол. Бормотун он у меня. Вот бормотун: разболтался — не остановишь [3, с. 39].* **БОЛТОМОХА,** *общ. Неодобр. То же, что балабол. Разболтался болтомоха, болтун — не остановишь [3, с. 38].* **ПЛЁШНИК,** *неодобр. 1. Груб. Сплетник. А этот плёшник всех переплетёт. Нов.-Даур. [3, с. 317].* **ЯЗЫЧИЦА.** *Сплетница. Язычица бегат, где чё услышала — передаёт из дома в дом. Сестрёнке охота одной дать конфет, а котора язычица — той не хочу. Ты, девка, с ней не разговаривай, она язычица. Нов.-Даур.: язышник [3, с. 506];*

– **функция социального контроля.** Сплетня — составная часть общественного мнения и элемент скрытого механизма неформального контроля социума над индивидом. Опасения сплетен, страхи, связанные с возможностью их появления, бывают одним из факторов, определяющих поведение людей. Например, неприличным считалось девушке открыто проявлять симпатию к молодому человеку. Даже простой разговор девиц с парнем на обочине дороги мог стать предметом досужих сплетен. Незаконные любовные отношения осуждались и порицались. Ценились скромность, целомудренность. Ср. в частушке: *По дороге я шла — / Кофта запылилась. / Хотела с милым постоять — / Народу постыдилась [6, с. 30];*

– **тактическая функция.** Сплетни и слухи могут использоваться в качестве оружия, дискредитирующего репутацию, в борьбе с соперниками (соперницами), с врагами. С помощью выдуманной, искажённой информации о человеке снижается доверие к нему, возбуждаются отрицательные эмоции, такие как презрение и негативное отношение общества (насмешки, неодобрение). У человека, попавшего в центр всеобщего внимания и обсуждения, всегда возникает

желание оправдаться, восстановить утраченную репутацию, избежать презрения коллектива и близких людей. Ср. в приамурских частушках: *С неба звёздочка упала / Прямо в синий сундучок, / Вся любовь моя пропала / За подружкин язычок [6, с. 40]. В саду растёт рябина — / На рябине соловей / Тебе, миленький, наврали — / Ты, пожалуйста, не верь [6, с. 41]. У милёночка в избёночке / Фонарики горят. / Про меня, несчастну девицу, / Понапрасну говорят [6, с. 41].*

В этой связи интересно проследить семантическую составляющую слова **глазопучка**, которое образовано от сочетания **глаза пучить** по кинестической ассоциации (греч. *kinesis* — «движение жестов, мимики в общении»). **ГЛАЗОПУЧКА,** *неодобр. О чрезмерно любопытном человеке. Соседка наша глазопучка, всё видит [3, с. 85].* Глаза пучить, то есть неотрывно следить за кем-то с целью получения каких-либо сведений. В значении слова **глазопучка** содержится: 1) эмотивный компонент неодобрения, неприятия; 2) негативная оценочность, проявленная в помете **неодобрительное**; 3) гиперболичность (чрезмерное любопытство + пучить глаза — значит «чрезмерно широко их раскрывать»); 4) имплицитно (в подтексте) некий страх (наша соседка всё видит, всё знает и может что-то нелестное сказать окружающим: «обобславить», «всяко выставить», «ошаурить»): **ОБОБСЛАВИТЬ.** *Распространить дурные слухи. Обобславили его зазря [3, с. 277].* **Всяко выставить,** *неодобр. Опозорить. Да она его всяко выставила, срамно говорила о ем [4, с. 37].* **ОШАУРИВАТЬ,** *неодобр. Говорить лишнее, вздор. Ошауривать — говорить, что не надо [3, с. 300].* В лексемах **буровить** и **ворочать** также улавливается сема чрезмерности, интенсивности, их можно считать экспрессивными, однако они таких помет в словаре не имеют: **БУРОВИТЬ.** *1. Говорить, рассказывать. Много буровила уже, а больше, дефки, буровить нечего. 2. Говорить несуразное. Он умом помешался, он чё буровил, онé не обращали внимания и не трогали его. Маленько полежит и опеть забуровит [3, с. 47].* **ВОРОЧАТЬ,** *пренебр. Говорить. Оне по-нашему-то не ворочают [3, с. 70].*

В статье «Капризницы и щеголихи» исследователь русских говоров Приамурья Ю. В. Бобрикова делится любопытным наблюдением: «Интересно, что как хорошее качество отмечается умение женщины ответить в словесном споре, про таких говорят “за словом в карман не полезет”. Данное качество представлено в двух лексических вариантах: говоруха — любительница поговорить; говорунья. У, там такая баба — говоруха!; чечётка — то же, что и говоруха. Внучка тоже такая чечётка, говоруха, в карман за словом не полезет» [1, с. 146]. Как отмечает русский этнограф И. И. Шангина, девушку, которая «**гнала бухтину** на подруг, то есть клеветала, сплетничала или ябедничала, привязывали к изгороди, окружавшей деревню, где она находилась до тех пор, пока её не забирали родственники» [7, с. 57].

Пустая болтовня и сплетни в сознании жителей Приамурья нередко связываются с отсутствием стыда. Ср.: **че попало**. *Глупости. Че попало говоришь и не краснеешь* [4, с. 150].

В СРГП зафиксированы диалектизмы *сомустить* — в значениях «уговорить и обмануть» и *сомуститься* — «поддаться на уговоры»: **СОМУСТИТЬ**. 1. Уговорить, убедить; соблазнить. 2. Ввести в заблуждение; обмануть. *Сомустила, гыт, человека, обманула, его, сомустить — обмануть. Вот ведь сомустил, гыт, куда, гыт, его увёл?* [3, с. 411]. **СОМУСТИТЬСЯ**. *Поддаться на уговоры. Сестра написала, она сомустилась и поехала к ей* [3, с. 411]. СРГП также указывает на связь слов **сомустить** — **сомуцать, смущать** (дух, ум), то есть «искушать», «вводить в грех», «обманывать», «лгать»: **СОМУЦАТЬ**. *То же, что и сомустить* [3, с. 411]. Обман в сознании диалектоносителей тесно связан с грехом и смущением. Можно заметить, что «смущение» в литературном языке синонимично слову «стыд».

Таким образом, диалектная лексика, называемая болтливых людей, представлена достаточно разнообразно, многие слова являются либо метафорическими, либо звукообразными, либо звукоподражательными. В целом отмечается негативная оценка, относимая к сплетникам, обманщикам, сквернословам. В СРГП данные лексемы наделены пометами *неодобрительное, презрительное, грубое*. При этом исследователи отмечают регулятивную функцию процесса создания сплетен в социуме: никто не хочет стать предметом обсуждения, поэтому считается с общественными нормами. Также отмечается и ряд других социально-психологических функций процесса создания и передачи сплетни: информативно-познавательная, развлекательная, тактическая и другие. Резко отрицательное отношение диалектоносителей к «болтунам» не исключает довольно распространённого мнения, что «люди зря не скажут», и восхищения теми, кто «за словом в карман не полезет».

Список использованных источников

1. Бобрикова, Ю. В. Капризницы и щеголихи / Ю. В. Бобрикова // *Словесница Искусств*. — №1 (31) 2013. — С. 146–149.
2. Ольшанский, Д. В. Политическая психология / Д. В. Ольшанский. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 576 с.
3. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. — 544 с.
4. Фразеологический словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. Л. В. Кирпикова, Н. П. Шенкевец. — Благовещенск : Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2009. — 155 с.
5. Частушки, собранные Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области / сост.: Б. В. Блохин. — Ч. 1. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. — 136 с.
6. Частушки, собранные Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области / сост.: Б. В. Блохин. — Ч. 2. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. — 192 с.
7. Шангина, И. Русские девушки / И. Шангина. — Санкт-Петербург, 2007. — 347 с.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х томах / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 4-е изд. стер. — Москва : Астрель : АСТ, 2004.
9. Jendrzewski C. Społeczne funkcje plotki / C. Jendrzewski // *Człowiek i światopogląd*. — 1975. — № 3. — S. 70–72.

Материал поступил в редакцию 25.01.2018 г.

Сведения об авторе: Приходько Виктория Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). Контактные данные: 680000, г. Хабаровск, ул. П. Комарова, д. 2, кв. 21; e-mail: ulius-viktori@mail.ru; тел. (4212) 22-73-80.

ANTHOLOGY

► Художественная сфера

OF SOVIET

JAZZ

COME, SIT DOWN NEXT TO ME

АНТОЛОГИЯ

СОВЕТСКОГО

ДЖАЗА

СЯДЬ СО МНОЮ РЯДОМ

ТРИНЕЕВА ИННА МИХАЙЛОВНА

НАЧАЛО СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЖАЗА

В статье представлена ретроспектива становления советского джаза (1920–1940-е годы), названы первые джаз-банды и имена их руководителей, прослежены нелёгкие пути утверждения нового музыкального направления на отечественной сцене.

Ключевые слова: советский джаз, В. Парнах, А. Цфасман, Л. Теплицкий, Г. Ландсберг, Б. Крупышев, Л. Утёсов, Я. Скоморовский, А. Варламов.

Keywords: Soviet jazz, V. Parnakh, A. TSfasman, L. Teplitskii, G. Landsberg, B. Krupyshev, L. Utesov, IA. Skomorovskii, A. Varlamov.

В джазе определённно существуют хранители традиций, которые оберегают его каноны.

Игорь Володин, пианист.

Сегодня в музыке сложилось довольно много стилевых направлений, однако есть те, которые выступают основой всех современных музыкальных жанров. Один из них — джаз.

Джаз — это музыка, отличающаяся яркой палитрой чувств, эмоций, переживаний. Как правило, это синтез ритмов африканской музыки, американской, а также светской и обрядной песни. Джаз является очень популярным и востребованным направлением не только в Соединённых Штатах, но и в России. Когда в Стране Советов только услышали музыкальную новинку, Америка уже исполняла джазовые композиции и оркестров было столько, что подсчитать их количество не представлялось возможным. Лишь к концу XX века, когда отечественный джаз прошёл огромный путь, можно было сказать о его своеобразии. Используя накопленное за столетие джазовое богатство, исполнители российского джаза двигаются собственным путём.

Днём рождения отечественного джаза традиционно считается 1 октября 1922 года, когда в Большом зале Государственного института театрального искусства выступил с концертом «Первый в РСФСР эксцентрический оркестр — джаз-банд Валентина Парнаха». Вернувшийся в 1921 году в Москву из Парижа после восьми лет эмиграции поэт, переводчик и танцор Валентин Парнах устраивает концерт своего «джаз-банд», собранного из московских музыкантов. Так как идея создания коллектива принадлежала ему, то и название было решено дать в честь его создателя.

Именно этот незаурядный человек, слегка загадочный, любивший всё авангардное, познакомился с первыми джазовыми гастролёрами из Америки (негритянский ансамбль Jazz Kings Луиса Митчела) и, увлечшись этой музыкой, решил открыть своеобразную музыкальную экзотику российскому слушателю. Он же написал несколько статей о джазе и опубликовал их в журналах «Вещь», «Зрелища», «Рупор».

С самого начала существования оркестра дирижёр утверждал, что джазовый коллектив должен быть «мимическим оркестром», так что в нынешнем значении такой оркестр джазовым в полной мере назвать сложно. Возможно, по этой причине первоначально джаз в России существовал в театральной среде, и в течение трёх лет оркестр В. Парнаха выступал в спектаклях, поставленных театральным режиссёром В. Мейерхольдом. Записей парнаховского ансамбля нет, так как грамзапись в СССР появилась только в 1927 году, когда коллектив уже распался. К этому времени в стране возникли гораздо более профессиональные исполнители, нежели джаз-банд Валентина Парнаха. Это были оркестры

Александра Цфасмана, Леопольда Теплицкого, Георгия Ландсберга, Леонида Утёсова. В конце 1920-х в СССР появились музыканты, которые играли то, что было «на слуху», что каким-то образом доносилось из «джазовой Америки», где начали появляться большие свинговые оркестры.

Первым же профессиональным советским джазовым составом, выступившим в студии Московского радио (1928 г.) и записавшим пластинку «Аллилуйя» Виктора Юманса, считается оркестр пианиста и композитора Александра Цфасмана «Ама-джаз». Помните бал Воланда у Булгакова? «Джаз обезьян» играет там именно ту пьесу, которая в конце 1920-х годов, благодаря записи Цфасмана, была у всех на слуху: «На эстраде за тюльпанами, где играл оркестр короля вальсов, теперь бесновался обезьяний джаз. Громадная, в лохматых бакенбардах горилла с трубой в руке, тяжело приплясывая, дирижировала. В один ряд сидели орангутанги, дули в блестящие трубы. На плечах у них верхом поместились весёлые шимпанзе с гармониями. Два гамадрила в гривах, похожих на львиные, играли на роялях, и этих роялей не было слышно в громе, и пiske, и буханьях саксофонов, скрипок и барабанов в лапах гиббонов, мандрилов и мартышек» [4, с. 540–541].

В 1936 году оркестр А. Цфасмана был признан лучшим в показе джазовых оркестров, организованном Московским клубом мастеров искусств. В 1937-м были сделаны записи цфасмановских произведений: «В дальний путь», «На берегу моря», «Неудачное свидание». Неизменным успехом пользовалась и обработка А. Цфасманом польского танго, в обиходе известная как «Утомлённое солнце». В 1939 году оркестр А. Цфасмана был приглашён для работы на Всесоюзное радио. Замечательный коллектив, состоящий из талантливых джазовых музыкантов, просуществовал до 1946 года. А. Н. Баташев, автор одного из самых авторитетных изданий — «Советский джаз» (1972 г.), в котором рассказал о жизни и творчестве Александра Цфасмана. О нём в книге «Звёзды советской эстрады» в 1986 году писал и исследователь Глеб Скороходов.

Одновременно с «Ама-джазом» А. Цфасмана в Москве возник джазовый коллектив и в Ленинграде. Это был «Первый концертный джаз-банд» пианиста Леопольда Теплицкого.

В 1926 году Теплицкий побывал в Нью-Йорке и Филадельфии, куда его командировал Наркомпрос с целью изучить музыку для иллюстрации немых фильмов. Несколько месяцев музыкант учился у американских джазменов. Вернувшись на родину, Л. Теплицкий организовал оркестр из профессиональных музыкантов, которые, к сожалению, не понимали специфики исполняемой музыки. Игравшие всегда только по нотам, они никак не могли себе представить, что одну и ту же мелодию можно каждый раз играть по-новому. Заслугой маэстро можно было считать то, что

впервые музыканты выступали в концертных залах, хотя звучание оркестра было далеко от истинного джаз-бэнда. Репертуар Леопольда Теплицкого составляли обычно американские произведения. В Россию дирижёр привёз бесценную коллекцию пластинок с джазом и целую папку аранжировок оркестра Пола Уайтмена. Джазовый коллектив Л. Теплицкого просуществовал недолго, всего несколько месяцев, но и за этот короткий промежуток музыканты познакомили слушателей с современной американской танцевальной музыкой, прекрасными бродвейскими мелодиями. После 1929 года судьба Л. Теплицкого сложилась драматично: арест по ложному доносу, осуждение НКВД на десять лет лагерей, строительство Беломорско-Балтийского канала. Но и здесь музыкальное прошлое не было забыто. Теплицкий организовал в Карелии симфонический оркестр, преподавал в консерватории, писал музыку, вёл передачи на радио. В 2002 году имя первопроходца российского джаза Леопольда Теплицкого было присвоено проводящемуся в Петрозаводске с 1986 года фестивалю джазовой музыки «Звёзды и мы».

Первый советский профессиональный джаз делал свои шаги в обстановке далеко не самой благоприятной. Слово «джаз» в период НЭПа (1920-е гг.) связывали с «уродливыми явлениями буржуазного образа жизни». Музыкальная критика конца 1920-х годов не могла оценить по достоинству новое явление культуры. Например, в одной из статей тех лет давалась такая оценка джаза: «Как средство шаржа и пародии... как грубый, но хлесткий и пикантный ритмический и тембровый аппарат, для танцевальной музыки и для дешёвых “музыкальных подмалёвок” в театральном обиходе, — джаз-бэнд имеет свой резон. За этими пределами — художественное значение его невелико» [2, с. 30].

Масла в огонь подливала и Российская ассоциация пролетарских музыкантов (РАПМ), которая утверждала «пролетарскую линию» в музыке. Так, в мае 1928 года Максим Горький из своей уютной виллы на средиземноморском острове Капри обрушивается на эстрадно-танцевальную музыку, опубликовав в газете «Правда» статью «О музыке толстых». Писателя, как выяснили исследователи, мучил не джаз как таковой, а танцевальные фокстроты, которые на первом этаже виллы крутил на патефоне его непутёвый пасынок. Но гневный памфлет «престарелого Буревестника», излитый с весьма мрачной образностью на страницы газеты правящей партии, на долгие десятилетия стал воплощением официального советского представления именно о джазе: «...весь этот оскорбительный хаос бешеных звуков подчиняется ритму едва уловимому, и, послушав эти вопли минуту, две, начинаешь невольно воображать, что это играет оркестр безумных, они сошли с ума...» [7]. Так или иначе, высказывание писателя было подхвачено руководителями

РАПМа. И долго ещё джаз в нашей стране называли «музыкой толстых», не ведая о том, кто был истинным автором джазовой музыки, в каких слоях американского общества она родилась.

Несмотря на сложную критическую атмосферу, джаз в СССР продолжал развиваться. Существовало немало людей, относящихся к нему как к искусству. Как говорил советский грузинский композитор Гия Канчели, «эти люди обладали “врожденным чувством джаза”, которое нельзя выработать упражнениями — оно или есть, или его нет» [9, с. 70].

В Ленинграде, в квартире студента сельскохозяйственного института Г. Терпиловского, в конце 1920-х годов существовал домашний джаз-клуб, где музыканты-любители слушали джаз, много спорили о новом направлении и стремились осмыслить его сложность как художественного явления. Они были так увлечены джазовыми идеями, что скоро сложился ансамбль, который впервые создал свой репертуар. Назывался он «Ленинградская джаз-капелла», его руководителями стали Георгий Ландсберг и Борис Крупышев. Именно Ландсберг, когда жил в Праге, услышал американский джаз — «Шоколадных ребят» Сэма Вудинга. Столица Чехии всегда была музыкальным городом, и её джазовые оркестры и ансамбли были уже тогда знакомы с западной новинкой, так что музыкант вернулся на родину с большим багажом американских джазовых произведений. «Джаз-капелла» исполняла произведения не только зарубежных авторов, но и советских музыкантов: «Джазовую сюиту» А. Животова, лирическую пьесу «Я один» Н. Минха, «Джаз-лихорадку» Г. Терпиловского. В ленинградской печати появились одобрительные отзывы, в которых отмечались прекрасные исполнители. Репертуар подбирался очень тщательно, с учётом концертной деятельности, но «академизм» не приносил коммерческого успеха, зрители не были готовы слушать непростую музыку. Администраторы театров и клубов быстро охладели к ансамблю, и музыканты стали покидать его. В 1930-е годы многие из них перешли в более успешный оркестр Леонида Утёсова, а сам Георгий Ландсберг распустил свой коллектив и работал инженером.

«Джаз-капелла» возродилась с приходом талантливого пианиста и аранжировщика Симона Кагана, а когда в 1934 году в ансамбле вновь появился Георгий Ландсберг, «Капелла» зазвучала по-новому. Замечательные аранжировки для джаз-бэнда писал пианист Леонид Дидерихс. Он делал переложения песен советских композиторов. Известны и оригинальные инструментальные переложения его пьес — «Пума» и «Под крышами Парижа». Большой успех принесли коллективу гастроли по всему Советскому Союзу. В 1935 году закончился срок договора с Ленинградским радио, штатным оркестром которого была «Джаз-капелла». В 1938-м Г. Ландсберг был арестован, обвинён в шпионаже и расстре-

лян (реабилитирован в 1956 г.). «Капелла» прекратила своё существование окончательно, но осталась в истории музыки одним из первых профессиональных коллективов, внёсших вклад в становление советского джаза и исполнявших произведения отечественных авторов. Г. Ландсберг был замечательным педагогом, воспитавшим прекрасных музыкантов, которые работали в эстрадных и джазовых оркестрах.

Итак, джаз, как известно, музыка импровизационная. В России 1920–1930-х годов было мало музыкантов, владевших спонтанным сольным экспромтом. Инструментальные пьесы были редкостью, преобладал аккомпанемент вокалистам. Так делал, например, оркестр «Теа-джаз», организованный в 1929 году Леонидом Утёсовым и трубачом Яковом Скоморовским. Формулировка названия понятна: это театрализованный джаз. Чтобы представить, что это, достаточно вспомнить комедию Г. Александрова «Весёлые ребята» (1934 г.).

Леонид Утёсов привлекал известных и талантливых советских композиторов-песенников, таких как Исаак Дунаевский, братья Дмитрий и Даниил Покрассы, Константин Листов, Матвей Блантер, Евгений Жарковский. Песни, звучавшие в программах оркестра, стали всенародно любимыми. Историк джаза А. Н. Баташев в своей книге «Советский джаз» пишет: «К середине 30-х годов в концертной практике Л. Утёсова были заложены основы жанра, построенного на отечественном музыкальном и поэтическом материале, синтезировавшего отдельные элементы зарубежных театрализованных представлений, эстрады и джаза. Этот жанр, называвшийся сначала “театрализованным джазом”, а впоследствии, уже после войны, просто “эстрадной музыкой”, с годами все больше развивался и жил по своим законам» [2, с. 61]. Л. Утёсов был выдающимся мастером советской эстрады, любимцем многих поколений слушателей.

Одним из наиболее видных представителей ленинградской джазовой школы, наряду с Георгием Ландсбергом и Алексеем Семёновым, является Яков Борисович Скоморовский. Из джазовых музыкантов, работавших в основном в Ленинграде, он оставил самое значительное фонографическое наследие. Однако в отечественной джазовой историографии ему уделено очень мало места, тогда как этот музыкант заслуживает явно большего. Биографические сведения о нём довольно скудны (особенно о раннем и позднем периодах его жизни).

Скоморовский знакомится с Утёсовым в 1928 году и спустя несколько месяцев уже играет в первом составе его «Теа-джаза», кстати, дебютировавшем на сцене театра. Репетиции проходили в огромной квартире Скоморовских. Однако через год Яков Борисович покидает театр, и Утёсова: их мнения насчёт того, каким должен быть оркестр, резко разошлись (Скоморовскому, инструменталисту-вир-

туозу, претила театрализация джаза и включение в него сочинений самодеятельных авторов). Практически все записи 1932–1933 и 1937–1938 годов, сделанные Скоморовским со своим оркестром, — это сочинения зарубежных авторов. Исключением стала лишь музыка, сочинённая им самим, его братом Александром — талантливым пианистом, руководившим своим собственным джаз-ансамблем, Исааком Дунаевским и Николаем Игнатьевым — лучшими джазовыми аранжировщиками Советской России конца 1920-х – начала 1930-х годов. Кардинальные перемены произошли с приходом аранжировщика Ильи Жака, писавшего все партитуры для оркестра с середины 1930-х годов. У него был свой, непохожий ни на чей другой почерк, определивший, однако, звучание не одного ленинградского джаз-оркестра. В скорых мажорных вещах использование необычайно подвижной группы деревянных (reeds) придавало партитурам непринуждённую лёгкость и весёлость, а в пьесах в минорных тональностях (особенно в tutti) слышался сумрачный, почти трагический колорит, благодаря особому расположению медных, а также использованию в ритм-секции аккордеона и изредка тубы. Оркестр тогда назывался «Концертный джаз-ансамбль», вероятно, в противовес «Теа-джазу» Леонида Утёсова.

Исаак Дунаевский, с которым Скоморовский был знаком ещё по театру «Мюзик-холл», сыграл положительную роль в судьбе не одного джаз-банды СССР. Неудивительно, что в 1937 году первые записи оркестра «Концертный джаз-ансамбль», сделанные выездной бригадой Грампластреста в Ленинграде, запечатлели музыку этого самого известного композитора-песенника. Более того, Дунаевский выступал в этих записях в качестве дирижёра и аранжировщика. Джаз-ансамбль озвучивал кинофильм «Девушка спешит на свидание» (1936 г.), исполняя музыку Скоморовского. К сожалению, оригинальная фонограмма не сохранилась до наших дней, а в версии, вышедшей на экраны кинотеатров после реставрации ленты (1987 г.), играет студийный оркестр фирмы «Мелодия» под управлением Г. Гараняна. Исключением стала студийная грамзапись 1937 года трёхминутной «Песни» — одного из центральных музыкальных номеров кинофильма.

В 1930-е годы в СССР музыкантами предпринимались попытки создания собственного и оригинального репертуара, но основной задачей для них было овладение мастерством джазового исполнения: умением строить элементарные джазовые фразы, позволяющие импровизировать, поддерживать ритмическую непрерывность в группе и сольной игре — всем, что и составляет настоящий джаз, даже если он записан на ноты.

В 1934 году московские афиши приглашали зрителей на концерт джаз-оркестра Александра Варламова. Уже в

студенческие годы он посмотрел ревю «Шоколадные ребята» Сэма Вудинга, и американский джазовый пианист произвёл на него неизгладимое впечатление. Джаз Александра Варламова отличался высоким профессионализмом, хорошим вкусом, музыкальностью. Внутри большого оркестра Александр Владимирович организует коллектив «Септет», который мы сейчас бы назвали ансамблем солистов. Там проявили себя первые джазовые импровизаторы: саксофонист А. Васильев, трубачи П. Борискин и В. Быков, барабанщик О. Хведкевич. «Септет» записывает в 1938 году серию пластинок, где джаз исполнялся в виртуозной манере, аналогичной манере ансамблей Нэта Гонеллы или Джо Дональдсона в Англии, группам джазменов из Hot Club de France в предвоенной Франции. Эти записи, в особенности «Свит су», «Луна», «Вальс», «Дикси-ли», «На карнавале», стали классическими образцами советского джаза. В 1938 году записывается и весь оркестр целиком: собственные сочинения Варламова и иностранные произведения в его аранжировке, такие как «Ранний час», «Счастливая дорога», «Уходит вечер», «Счастьем жизнь полна». В половине этих записей звучал голос Варламова. Однако на появившихся в продаже пластинках имя певца не значилось. Это объяснялось желанием самого исполнителя, который рассматривал голос как инструментальную окраску и не считал важным его включение в танцевальную пьесу.

Если оценивать оркестровое творчество А. Варламова, то главная его заслуга состоит в том, что он заложил фундамент советской джазовой исполнительской школы. Александр Варламов занимался джазом и с музыкантами-любителями. В 1939 году он подготовил самостоятельный джаз-ансамбль студентов МГТУ, который оказался настолько хорош, что его приняли на работу в кафе «Националь», известное высокой музыкальной репутацией.

В 1937–1939 годах карьера Варламова складывалась довольно успешно: сначала руководил септетом («Семёрка»), затем был главным дирижёром джаз-оркестра Всесоюзного радиокomiteта, в 1940–1941 годы — главным дирижёром Государственного джаз-оркестра СССР (Госджаз), который был организован в 1936 году и стал прообразом будущих эстрадно-симфонических оркестров. Его репертуар составляли переложения классических произведений для большого симфоджаза. Для Госджаза, выступавшего в основном на радио, писали композиторы Исаак Дунаевский, Юрий Милютин, Матвей Блантер, Александр Цфасман.

Немалую роль в пропаганде джаза сыграла и просветительская журналистика. Так, одним из немногих её представителей стал ленинградский писатель Сергей Колбасьев, выступавший с публичными лекциями и организовавший на Ленинградском радио передачу о джазе. Как и первопроходец советского джаза Валентин Парнах, Сергей Адамович был разносторонней

личностью. Решающим для его увлечения джазом стал период работы в торговом представительстве СССР в Хельсинки: именно там он собрал большую коллекцию джазовых грампластинок, неоднократно слушал гастролирующих джазовых музыкантов и по возвращении на родину стал одним из важнейших действующих лиц ленинградского джазового сообщества. В квартире Колбасьева собирались музыканты, он проигрывал им пластинки из своей коллекции и записи с радиоэфира, которые делал на собственноручно изготовленном новаторском записывающем устройстве. Закономерно, что это привело Колбасьева в джазовую журналистику.

В этот же период джазовые оркестры появляются и в союзных республиках: в Баку композитор, пианист и дирижёр Тофик Кулиев в 1939 году создал Госджаз Азербайджанской ССР; в Армении организован аналогичный оркестр под управлением джазового композитора и дирижёра Артемия Айвазяна, республиканские оркестры в Молдавской ССР и Украине. Одним из прославленных союзных джаз-оркестров был коллектив из Западной Белоруссии под управлением первоклассного трубача и скрипача из Берлина Эдди Рознера, появление которого на советской территории связано с оккупацией гитлеровскими войсками Польши в 1939 году, где он спасался от нацистов. Советский Союз в то время стал приютом для многих польских артистов.

Таким образом, в 1920–1940-е годы советская власть не препятствовала развитию джазовых коллективов и не ставила запретов на их выступления, но вместе с тем и не одобряла всё то, что, так или иначе, касалось западной культуры, и даже критиковала её. В конце 1930-х – начале 1940-х годов джазовым исполнителям в России было запрещено проводить свои выступления (это было время борьбы с так называемым космополитизмом, когда была открыта охота на всё, что так или иначе было связано с западным буржуазным искусством), и тех, кто не подчинялся этим условиям, ожидали репрессии. Репрессии, конечно же, со временем прекратились, но открытое давление и критика музыкантов продолжались...

Отдельно стоит сказать о развитии советского джаза в годы Великой Отечественной войны, когда все силы страны были направлены на Победу.

С первых же дней войны джаз-оркестры в кратчайшие сроки подготавливают свои новые программы и выезжают на фронт. В этот период советский джаз больше тяготел к песенным жанрам. Высокий духовный настрой этих произведений обеспечил им долгую жизнь и после победоносного окончания войны. Такие песни, как «Тёмная ночь» Никиты Богословского (1943 г.), «Вечер на рейде» Василия Соловьёва-Седого (1941 г.) живут сегодня не только как произведения песенного жанра, но и как инструментальные джазовые композиции.

В годы Великой Отечественной войны свои оркестровые произведения для джаза создавали А. Цфасман, А. Варламов, А. Островский и другие. Интересен и факт появления в этот период некоторых американских джазовых сочинений в репертуаре советских джаз-оркестров. Так, в грамзаписях 1944–1945 годов звучат некоторые пьесы Д. Макхью, К. Портера, И. Берлина, Г. Миллера и других. Это, безусловно, положительно сказалось на творчестве советских композиторов и аранжировщиков, работающих

в этом жанре, особенно в сфере инструментовки. Следует отметить, что в военные годы и в американском джазе заметно зазвучала «русская тема». Оркестр Глена Миллера, например, часто исполнял в концертах «Полюшко-поле» и «Дубинушку» в тактично сделанной обработке; оркестр Бенни Гудмена — аранжировку фрагментов симфонической сказки «Петя и волк» Сергея Прокофьева, «Интермеццо для кларнета с джаз-оркестром» Александра Цфасмана и целый ряд других произведений советских авторов.

Список использованных источников

1. Барбан, Е. Джазовые портреты : сто очерков о музыкантах джаза / Е. Барбан. — Санкт-Петербург : Композитор, 2006. — 301 с.
2. Баташев, А. Н. Советский джаз : исторический очерк / А. Н. Баташев. — Москва : Музыка, 1972. — 175 с.
3. Бородина, Г. История джаза: основные стили, выдающиеся исполнители / Г. Бородина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. унта : ИД «Классика», 2014. — 344 с.
4. Булгаков, М. Мастер и Маргарита // М. Булгаков. Белая гвардия ; Мастер и Маргарита : романы — Минск : Ураджай, 1988 г. — 670 с.
5. Верменич, Ю. Джаз: История. Стили. Мастера / Ю. Верменич. — Санкт-Петербург [и др.] : Лань : Планета музыки, 2007. — 607 с.
6. Верменич, Ю. И весь этот джаз / Ю. Верменич. — Воронеж : Инфа, 2002. — 376 с.
7. Горький, М. О музыке толстых / М. Горький // Правда. — 1928. — 18 апр.
8. Долотказин, Г. Любимый оркестр (Олег Лундстрем) / Г. Долотказин // Советский джаз. Проблемы. События. Мастера. — Москва, 1987. — С. 315–320.
9. Канчели, Г. Чувство джаза — это нечто природное / Г. Канчели // Советский джаз. Проблемы. События. Мастера : сб. ст. — Москва, 1987. — С. 70–74.
10. Российский джаз : в 2 т. Т. 1 / под ред. К. Мошкова, А. Филипповой. — Санкт-Петербург : Лань : Планета музыки, 2013. — 604 с.
11. Фейертаг, В. Б. История джазового исполнительства в России / В. Фейертаг. — Санкт-Петербург : Скифия, 2010. — 295 с.
12. Джаз в России : крат. энцикл. справ. / [сост. Фейертаг В. Б.]. — Санкт-Петербург : Скифия, 2009. — 497 с.

Материал поступил в редакцию 27.02.2018 г.

Сведения об авторе: *Тринева Инна Михайловна*, главный библиотекарь группы нотных изданий и музыкальных звукозаписей Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: innatrineeva@bk.ru.

БАБУРОВ ВЛАДИМИР ФИЛИППОВИЧ

ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО И КАК ЕГО ПОНИМАТЬ?

(Попытка популярного размышления на тему)

Автор монографии пытается разобраться в вопросах творчества, искусства и эстетики и предлагает своё видение данной проблематики. Опираясь на изыскания учёных и философов, выкладки физиологов и психологов, а также на собственный опыт, он выстраивает некую модель личности. Настоящая публикация является продолжением; начало размещено в №№ 1, 2 (21, 22) за 2017 год.

Ключевые слова: искусство, реализм, абстрактное искусство, художественный образ, творчество, композиция.

Keywords: art, realism, abstract art, artistic image, creative work, composition.

Восприятию искусства необходимо хотя бы какое-то образование и культурное развитие, в чём у большинства населения ощущается острый дефицит. В «массах» популярно мнение, что искусство должно быть понятно народу без всяких там «формализмов» и прочих непонятных «заморочек», то есть, как выразился, посещая ВХУТЕМАС, приснопамятный вождь и главный выразитель пролетарской точки зрения В. Ленин, «в искусстве всё должно быть понятно; где — глаз, где — нос».

Роль и возможности искусства

Зачем тогда вообще нужно искусство? Достаточно просто подойти к зеркалу и любоваться и глазами, и носом, а «понятное» можно прочесть в любой газете.

Подобную точку зрения так же безапелляционно выразил другой апологет пролетарской идеи Г. В. Плеханов: «Если вместо женщины, одетой в синее платье, перед нами несколько геометрических фигур, раскрашенных в синий цвет, то зритель может сказать, что картина нехороша [речь идёт о полотне Фернана Леже «Женщина в синем»]. «Чем более соответствует исполнение замыслу или, чтобы употребить более общее выражение, чем больше форма художественного произведения соответствует его идее, тем оно удачнее. Вот вам и объективное мерило. И только потому, что подобное мерило существует, мы имеем право утверждать, что рисунки, например, Леонардо да Винчи лучше рисунков какого-нибудь маленького Фемистоклюса, пачкающего бумагу для своего развлечения. Когда Леонардо да Винчи рисовал, скажем, старика с бородой, то у него и выходил старик с бородой. Да ещё как выходил!» [см. Плеханов Г. В. «Искусство и общественная жизнь»; цит. по 5, с. 58].

Налицо та же, крайне ограниченная, точка зрения, сводящая все возможности искусства к «правильному» отображению «старика с бородой». И такая точка зрения господствовала в Советском Союзе более полувека.

Навязывание «политиканами» своей рационалистически примитивной точки зрения на искусство, как на средство «проведения идеологической линии в массы», и породило лозунг: «Искусство должно быть понятно народу». Уместнее было бы, на наш взгляд, воспитывать народ до понимания искусства.

Слава богу, оставалась часть человечества, чья способность мыслить не ограничивалась абсолютным диктатом «классиков» марксизма.

Уже давно в цивилизованном мире родилась мысль о том, что искусство дополняет жизнь и расширяет её возможности. «Р. Генгельсдорф в предисловии к каталогу

[выставки «Американские абстрактные художники» (1946 г.)] так определил своё понимание и безграничные возможности реализма: «Обычная картина даёт изображение какого-нибудь внешнего предмета». Следовательно, она имеет вторичный, или «репрезентативный», характер. Абстрактная картина ничего не изображает, следовательно, она реальна сама по себе и носит первичный, или «презентативный», характер. Отсюда абстрактное искусство — это реализм высшего типа, создающий самостоятельные объекты, жизненные факты, а не копии»¹ [цит. по 4, с. 121].

Возможности абстрактной формы ещё более определяются, но не заканчиваются на этом и в высказываниях других теоретиков искусства. Один из представителей экспрессивной знакописи Ганс Гартунг полагал, что благодаря абстракционизму «художник теперь прямо выражает своё внутреннее состояние, а не говорит с другими людьми «посредством изображений реальных предметов... С моей точки зрения, живопись, именуемая абстрактной... совершенно новое средство выражения, другой человеческий язык, более прямой, чем язык предшествующей живописи. Наши современники или следующие поколения научатся его читать, и в один прекрасный день будет найдено, что это прямое письмо более нормально, чем изобразительная живопись, так же как мы находим алфавит, абстрактный и ограниченный по своим возможностям, более разумным, чем изобразительное письмо китайцев»² [цит. по 4, с. 124].

В природе ничто и никого не изображает, за исключением примеров чисто практической мимикрии. Каждая природная форма есть то, чем и является: лошадь — это лошадь, дерево — это дерево, а человек — это человек. Когда мастер делает стул — он его и делает, а не изображает животное или пейзаж. Так почему художник, заново создавая не существовавшую до него сущность в виде произведения искусства, должен непременно что-то

¹ Известный историк и теоретик современного модернизма Рене Юиг следующим образом излагает этот тезис о «новых реальностях»: «Живопись не есть большое зеркало, общее для всех, отражающее внешний мир или внутренний мир, присущий самому художнику; задача состоит в том, чтобы сделать из живописи объект. Создать произведение — это значит создать новую реальность, которая не тождественна ни с природой, ни с художником и которая прибавляет к обоим то, чем каждый из них обязан другому. Создать произведение — это значит прибавить к репертуару известных предметов некую неподвижную вещь, которая не имеет никакого другого назначения, кроме эстетического, и никаких других законов, кроме законов пластики. На этом пути XX столетие со времён кубизма нашло себе наиболее оригинальное выражение» [цит. по 4, с. 121].

² «Абстрактное искусство, — утверждает Мондриан [нидерландский художник, положивший начало абстрактной живописи одновременно с Кандинским и Малевичем], — пытается разрушить телесную экспрессию объёма, чтобы стать отражением универсального аспекта реальности» [цит. по 4, с. 120–121].

изображать? Художник, как и природа, создатель новой сущности. И задача его лишь в том, чтобы, выражая себя в той или иной творческой форме, привести её в то же гармоническое соотношение, каким наделены природные объекты. А применит ли художник изображения реальных объектов в своём творчестве, трансформирует ли их или вовсе обойдётся без таковых — зависит от его задач, его творческого осмысления и чувственного восприятия мира, от диапазона творческих возможностей его личности, его профессионализма и т. д.

Отсюда мы могли бы так определить наше отношение к традиционно понимаемому «реализму»: таковой является лишь небольшим инструментом из громадного набора возможностей и проявлений мирового искусства. Он имеет право на существование в пределах общего мирового наследия, и ни в коем случае не более, чем и все другие формы искусства.

О содержании в искусстве

Рассматривая произведение искусства, мы можем отметить три основных момента, составляющих суть его содержания.

Это, безусловно, **смысловое содержание**, отражённое в сюжете или изображении и несущее в себе все свойства и качества, позволяющие говорить о его смысле, идее, воспитывающей функции и т. д. Оно может передавать и те или иные эмоциональные переживания, высказанные через смысл изложенного. Эта часть содержания художественного произведения наиболее ясна для восприятия, она легко поддаётся анализу, доступному для любого здравомыслящего человека. Для большинства человечества, не обременённого высокой культурой, смысловое содержание, высказанное через форму, «правдиво отражающую окружающую действительность», является единственно доступной стороной искусства вообще.

Затем второе — **эмоциональное содержание**, влияющее и воздействующее на наши **чувства**. В отличие от смыслового, эмоционально-образное (ассоциативное) не несёт конкретных смысловых понятий. Оно зашифровано в форме (мелодия, язык, композиция, цвет, ритм и т. д.) и нуждается не в понимании, а только в чувствовании: вспомните о «смысле» пения птиц у Пикассо. Затрагивая наши индивидуальные эмоции, оно формирует те или иные индивидуальные же ответные эмоционально-образные реакции.

Именно индивидуальностью каждой отдельно взятой личности объясняется огромное число вариантов воздействия одного и того же произведения искусства на разных зрителей и разные эмоциональные реакции в зависимости от их конкретного на тот момент душевного состояния. От этого его безграничная содержательность.

И, наконец, третья сторона содержания художественного произведения — **эстетическое содержание**, то есть то, что позволяет нам оценивать данное произведение как красивое, гармоничное или безобразное, безвкусное и приносит нам либо удовольствие, либо неудовольствие от созерцания или прослушивания.

Схема 1

Таким образом, мы имеем трёх китов, на которых базируется **художественный образ**.

Смысловое содержание произведения искусства является продуктом нашего мышления и поэтому легко поддаётся рациональному анализу.

Эмоционально-образное, ассоциативное содержание — результат чувственной деятельности художника, которая, в соответствии с законами психологии, проходит вне пределов сознания, а потому часто рационально не осознаётся и самим художником, и зрителем, обладая тем не менее способностью мощного и вполне ощутимого художественного воздействия.

Эстетическое содержание — это гармония формы. Восприятие этого компонента зависит и от врождённо-интуитивного, основанного на значительно развитой эмоциональной стороне личности, «чувства прекрасного» у художника и зрителя, и от профессионализма того и другого. Умение привести форму художественного произведения в состояние гармонии есть на сегодняшний день главный признак профессионализма. Ведь другим сторонам художественного содержания в наших учебных заведениях, кроме ещё умения изображать, пока что не умеют учить и не учат.

Эмоционально-образная сторона искусства недостаточно исследована, и зачастую многие теоретики искусства вообще обходят её своим вниманием как заведомо неподдающуюся анализу.

В какой же степени в каждом конкретном произведении присутствует либо отсутствует каждое из выше обозначенных свойств? Дело в том, что хотел бы сам автор или не хотел, задумывался он об этом или нет, в его произведении обязательно будут присутствовать все три содержания. Другое дело, в каком качестве? Управляем ли процесс самим автором?

Искусство даёт немало примеров, когда абсолютно «правильное» смысловое содержание произведения, которому автор уделил всё своё творческое внимание, не подкреплённое его усилиями по отношению к эмоциональной подсознательной стороне восприятия, даёт совершенно противоположный от задуманного эффект.

Мы помним наводящее тоску удручающее однообразие «правильных» и «идеологически выверенных» так называемых произведений, заполняющих выставочные залы недавнего советского прошлого. Непонимание и недооценка авторами, воспитанными на «реалистической» школе, возможностей того, что тогда презрительно именовалось «формализмом», в результате давало вместо позитивного выражения смысловой идеи эмоционально негативное и антиэстетическое восприятие зрителем «шедевров» соцреализма. Произведения, исполненные серыми, тусклыми красками (в силу низких живописных способностей авторов и неосознанности ими выразительных, а не только изобразительных возможностей цвета), вместо задуманного оптимизма наводили скуку и вызывали у зрителя пессимизм и депрессию. Абсолютизация смыслового содержания, с недооценкой роли эмоционально-ассоциативного и эстетического содержания, столь характерная для «социалистического реализма», создавала предпосылки появления ущербного в художественном отношении искусства, то есть искусства, по сути, **безОбразного**.

Поскольку эмоциональное восприятие имеет глубинные психофизиологические корни, всё, что поступает к нам по этому каналу извне, непосредственно формирует наш внутренний мир.

Привлекательная возможность изжить те или иные неосознаваемые комплексы через восприятие формы художественного произведения является той притягательной стороной, которая влечёт людей к искусству. Смысловое содержание произведения, его идея и идеология въезжают как прицепной вагончик в наше восприятие вслед за мощным локомотивом эмоций, одновременно воздействуя на формирование наших убеждений. Это ценное качество искусства давно подмечено человечеством и нещадно эксплуатируется им как мощнейшее средство идеологического воздействия. Через талантливо исполненное, приятное для восприятия и волнующее произведение можно вбить в сознание почти любую, неприемлемую ранее идею, а массивное воздействие на человека комплексом художественных средств превращает сомневающегося в адепта. Примером этому может служить художественно-эстетическое наполнение религиозно-культурных сооружений и обрядов (особенно приведённое к абсолютной гармонии в имеющих многовековую традицию конфессиях).

Человек всегда тяготеет к осмыслению своих действий, и так же «осмысленно» он подходил и к искусству. Всё мировое искусство вплоть до конца XIX века было рационально обусловлено. И, наверное, настало время, когда самосознание человеческой личности развилось настолько, что ему уже тесно в рамках обычного логически-бытового здравого смысла.

Расширение интеллектуального и психологического диапазона открыло человечеству возможность обращаться к ценностям, до того ускользающим от его внимания. Люди стали понимать, что кроме восприятия мира через здравый смысл есть ещё восприятие чувственно-эмоциональное, основанное на неуловимых сознанием оттенках ощущений, впечатлений и чувственных ассоциаций.

Реально подмеченная способность формы, и в частности цвета, быть самостоятельным выразительным, а не только изобразительным средством позволила импрессионистам впервые в истории мирового искусства декларативно перенести акцент восприятия с изображения природы на впечатление от неё.

С развитием мирового искусства и интеллектуально-духовным ростом общества выразительные возможности формы всё более и более открываются человечеству. Форма в своём развитии перерастает только рационально обусловленное изображение природы, подходя к полному от него отказу в абстрактном искусстве. Выражая себя в абстрактной форме вне конкретного смыслового содержания, художник получает возможность опосредованно обрести ту свободу самовыражения, которой он лишён в рамках любой формы идеологической диктатуры: от клерикально-религиозной до политической.

Но тем не менее, как бы ни манифестировалось отсутствие в абстрактном искусстве рациональных компонентов, полностью освободиться от смыслового восприятия не удаётся и здесь. Куда мы денем гармонию разума и эмоций? Так или иначе, сознательная сторона нашей психики активно участвует в процессе.

Мы непроизвольно ищем в самых абстрагированных образах те или иные смысловые привязки, нагружая их подтекстовым смыслом, символикой, ассоциациями с реалиями и т. д. Есть громадное количество «смыслового» толкования предельно абстрактного и лишённого какой-либо изобразительности «Чёрного квадрата» Малевича. Позволю себе нескромно привести собственную стихотворную версию толкования этого, безусловно, великого произведения, которая, впрочем, имеет такое же право на существование, как и бесчисленное множество других, — единственно с целью подчеркнуть беспредельный универсализм и бесконечность содержания абстрактных форм в искусстве.

Чёрный квадрат

Среди ординарности и суеты
В завале случайных событий и фактов
Кристаллом гармонии светит из тьмы
Шедевр, именуемый «Чёрным квадратом».

Всего мироздания за тысячи лет
И космоса тайна меж рамок зажата,
Непознанной истины эквивалент
В холсте, именуемом «Чёрным квадратом».

В нём скрыта к векам обращённая весть,
Из мелочных хлябей на волю дорога.
И, может быть, это, по сути, и есть
Единственно верный из образов Бога.

Ничтожный резон: «Я б так тоже сумел»,
Не может принизить значенье «Квадрата».
Суметь-то сумел бы, да не посмел
Из рамок обычного выйти когда-то.

Звучит над вселенной его благовест,
Над косным и серым вещая победу,
В нём яростный супрематизма протест
И истины новой набатное кредо [1].

2006 г.

Всё многообразие версий толкования искусства протекает не только от неоднозначного содержания, заложенного сознательно или неосознанно самим автором, но и от индивидуально-интеллектуальных возможностей людей, воспринимающих искусство. Способность домысливания и дочувствования в соответствии с уровнем интеллекта, культуры и состояния эмоционально-чувственного аппарата позволяет зрителю стать как бы соучастником творческого процесса. Это выводит абстрактное искусство далеко за рамки однозначного толкования, резко увеличивая диапазон его содержательных возможностей по сравнению с конкретно содержательным реалистическим искусством.

Эстетика, то есть гармоническая характеристика формы произведения, также находится во взаимосвязи с вышеназванными аспектами содержания. В живописи, например, это — колористическая характеристика полотна, его цветовая гармония либо дисгармония. Колористика, ввиду подсознательной основы её восприятия, обладает возможностью эмоционального воздействия, создания чувственно-окрашенного ассоциативного образа.

Так, колористическая гармония, построенная на ярких контрастных цветах, вызывает, по аналогии с подобными

природными цветовыми эффектами освещённого солнцем полуденного пейзажа, эмоциональное состояние радости, оптимизма. А холодное, построенное на нюансных соотношениях голубых оттенков колористическое звучание ассоциируется с вечерними сумерками и эмоционально окрашивается в минорные, наполненные тревогой и грустью оттенки. Ведь с приходом ночи у наших предков наступало время, когда становилось холодно и неудобно, а опасные хищники выходили на охоту.

В этом смысле живопись можно сравнить с музыкой по её возможности непосредственно влиять на настроение и создавать опосредованные эмоционально-чувственные образы. Так же, как в природе невозможно появление в ярко освещённом солнечном пейзаже цветового пятна из ранних вечерних сумерек, и на живописном полотне это выглядит антихудожественно (чем часто грешат самодеятельные художники) и из-за своей дисгармоничности оказывает негативное раздражающее воздействие на наше эстетическое восприятие наподобие того, какое вызывает диссонанс в музыке. И, напротив, тонко и гармонично написанный пейзаж вызывает не только удовлетворение от правильно переданной природы, но и доставляет эстетическое наслаждение нюансной гармонией цвета.

Даже орнаментальные формы, создаваемые, казалось бы, только в качестве декора, «чтобы радовать глаз», являются носителем ещё обязательно и рационального (в виде символики и элементов изображения), и эмоционального (через ритмическое, цветовое, пластическое воздействие) содержания.

Всё это порождает в искусстве неисчислимое количество сочетаний многообразных вариантов и производных от них, делающее его возможности так же неисчислимо безграничными.

Индивидуальные качества конкретной личности художника, выражаемые им в творчестве, лишь в том случае становятся понятны и прочувствованы зрителем, если они в той или иной степени соответствуют аналогичным качествам конкретного же зрителя в конкретный момент состояния его души. Это единственное неперемное условие полноценного диалога между ними.

Именно по этой причине возникает парадоксальное неприятие одних шедевров искусства — одними, а других шедевров — другими, или приятие и неприятие одного и того же произведения одним и тем же человеком в разное время, в зависимости от его душевного состояния. В этих случаях говорят: «На душу легло или — не легло» и «одному — Пабло Пикассо, а другому — свиной хрящик».

Возможно ли учить и научиться творчеству?

Распространённая версия на сегодняшний день по этому поводу гласит: «Творчеству научить нельзя! Это — от

природы! Это — от Бога! Таланту не научишь!» Существует и ещё более абсурдное среди педагогов художественного образования мнение, что учить талантливого студента — только портить. Закономерно спросить: «За что эти преподаватели получают свою зарплату?»

Конечно, если у педагога каша в голове и он не в состоянии сформулировать свои мысли, то, действительно, как и чему он может научить, кроме «делай как я!»? Ложных выводов, основанных на хаотичных представлениях о сути творческого процесса, не избежали и некоторые великие художники.

Например, Лев Толстой в своей работе «Что такое искусство?» говорит буквально следующее: «Заражение (искусством) только тогда достигается и в той мере, в какой художник находит те бесконечно малые моменты, из которых складывается произведение искусства. И научить внешним образом нахождению этих бесконечно малых моментов нет никакой возможности: они находятся только тогда, когда человек отдаётся чувству. Никакое обучение не может сделать того, чтобы пляшущий попадал в самый такт музыки и поющий или скрипач брал самую бесконечно малую середину ноты, чтобы рисовальщик проводил единственную из всех возможных нужную линию и поэт находил единственно нужное размещение единственно нужных слов. Всё это находит чувство» [цит. по 2, с. 42].

Действительно, научить брать «самую бесконечно малую середину ноты» или «единственную из всех возможных нужную линию» невозможно и бессмысленно по той причине, что единственно верного и единственно правильного приёма самовыражения в искусстве не существует в принципе. Ведь каждая индивидуальность проявляет себя именно индивидуальным способом. Более того, проявления эти разнятся и в самой индивидуальности, в зависимости от конкретного состояния её души в данный момент.

Очевидно, что обучить можно не «единственно верному», а пониманию механизма появления этого верного и едва уловимого нюанса, на котором и держится выразительный язык искусства.

Точно так же, как у алхимиков, в силу незнания периодической системы и закономерностей химических процессов, наука была обставлена магией, колдовством и заклинаниями, вопрос о возможности обучать творчеству обставляется многими теоретиками искусства «невозможностью» этого в принципе. Вся беда в том, что те, кто учит сегодня искусству (при всём моём уважении к ним), как раз не обладают пониманием его предпосылок и пользуются лишь случайными и отрывочными деталями из системного подхода к проблеме творчества.

Сегодня программа образования в творческих вузах предусматривает в основном грамоту средств художест-

венного выражения, владение инструментарием и общую художественную эрудицию. Учебный процесс сводится к обучению языку изображения и технике: рисунок, живопись, лепка, сольфеджио, приёмы игры на инструменте, формальная композиция. В творческом же самовыражении студент, как правило, предоставлен сам себе. В результате мы имеем массу успешно окончивших учебные заведения «специалистов», творческий потенциал которых остаётся на интуитивном самостоятельном уровне, никак не осознанным ни их педагогами, ни ими самими. В итоге — «terra incognita» со всем вытекающим отсюда хаосом оценок, мнений и разночтений, но тем не менее подкреплённым амбициозом «дипломированного специалиста».

Комплексный учёт всех психофизиологических составляющих творческого процесса — вот главное условие, позволяющее учить творчеству.

Непременным условием успешного формирования творческой личности является её собственная готовность к тому. Студент по своим психофизиологическим данным должен относиться к той, очень небольшой части человечества, у которой соотношение и качество эмоционально-рациональных составляющих будет подпитывать огонь внутренней неудовлетворённости, что является подсознательно-чувственной психологической мотивацией творчества. Кроме того, необходимо осознанное желание разобраться в глубинных составляющих творческого процесса в рамках собственных психофизиологических предпосылок. И немаловажным условием для обучения творчеству необходимо назвать достаточный уровень интеллектуального развития и эрудиции, мотивирующий личностный выбор служению искусству. Только совокупность этих условий может обеспечить необходимый уровень любопытства и возможность полноценного диалога между ищущим истину учеником и грамотным, понимающим, что он делает, учителем. При осознании механизма и закономерностей творческого процесса не остаётся, к примеру, таких «необъяснимых» вопросов, как: «Что такое вдохновение?», «Каков механизм выражения этого основополагающего творческого фактора?» и «Как себя готовить и даже тренировать, чтобы управлять этим состоянием?». Ведь мы помним, что психофизиологическая основа вдохновения — это неизжитый конфликт наших подсознательных эмоционально ощущаемых комплексов с возможностью воплощения их в реальной жизни. Творческому человеку необходимо научиться прислушиваться к слабо пробивающемуся сквозь цензуру здравого смысла голосу его эмоциональной сущности.

У художников бытует шутка, что в работе иногда надо прислушиваться к голосу «левой пятки». Да, голос этот слабый, но не слабее таких, к примеру, способностей, как музыкальный слух. Одних природа наградила им больше,

других — меньше, но не секрет, что музыкальный слух можно тренировать и развивать до самых больших высот. Известно признание такого выдающегося певца, как Фёдор Шаляпин, который, будучи уже всемирно известным, иногда пел в церковном хоре, чтобы поправить свой музыкальный слух. Возможно, точно так же необходимо развивать и тренировать проявление своих глубинных эмоций. Резонный вопрос: «А для чего это делать?»

Дело в том, что богатство нашей человеческой сущности далеко не всегда лежит на поверхности. Проявляя его, человек в значительной степени повышает качество своей жизни, хотя бы даже для терапевтического эффекта разрядки стрессовых напряжений, не говоря уже о возможности получения эстетического наслаждения. Кроме того, у эмоционально чувствующего человека появляется дополнительный канал общения и восприятия мира: «Поговорим в тиши на языке души — единственно достойном понимания...»

Такой человек, проживая свою жизнь в одном и том же пространстве с другими людьми, на самом деле по впечатлениям от неё живёт как бы две или три жизни за то же самое время, что, в сущности, и хотел бы получить каждый из нас. Ведь в итоге смысл жизни для каждого из нас состоит в максимальной реализации её проявлений. Расширяя нашу эмоциональную сферу, мы напрямую увеличиваем возможности получения самых разнообразных и качественных впечатлений. Существование эмоционально чувствующих людей несоизмеримо полнее, духовно богаче и счастливее тех, кто руководствуется в своей жизни ограниченными рассудочными целями типа богатства и карьеры.

(Не секрет, что, достигнув своих рационально обусловленных целей, эти люди оказываются практически неспособными получить наконец удовлетворение от достигнутого, они лишь испытывают быстро надоедающее по своему однообразию удовольствие от возможности приобретать что-нибудь за деньги. Другие каналы восприятия жизни, кроме самых инстинктивных и примитивно выражаемых, у таких людей задавлены и погребены под горами рассудочно обусловленных мотиваций.)

Поскольку наше восприятие настроено на две волны: рациональную и эмоциональную, то, если мы воспринимаем мир только разумом, мы далеко не всегда получаем верную картину. Очень часто, слушая собеседника, говорящего нам, казалось бы, хорошие слова, мы тем не менее чувствуем к нему необъяснимую неприязнь, и, наоборот, внешне грубоватый в общении человек бывает нам на самом деле симпатичен и интуитивно приятен. Не зря бытует выражение, что первое впечатление — самое верное. Ведь за нашей интуицией стоит весь многотысячелетний генетический опыт.

Наши предки, ещё не обладая высокоразвитым сознанием, уже вели полноценную жизнь, опираясь в основном

на чувственную сферу своей психики. К сожалению, мы мало ценим и доверяем этому дару природы. Животные, обходясь только им, куда лучше и точнее общаются друг с другом и внешним миром, чувствуют опасность, ориентируются в пространстве, выживают в экстремальных условиях. Человек с развитой интуицией лучше чувствует собеседника, когда тот лжёт и когда говорит правду. Лучший разведчик тот, кто обладает развитой эмоциональной сферой. Он легче может ввести противника в заблуждение, но более тонко чувствующий контрразведчик почувствует малейшие оттенки фальши, незаметные другим. Штирлицу все верили, и только один Мюллер — человек с ещё более тонко развитой интуицией, испытывал сомнения, вызывающие подозрения. Но фактов у него не было; то есть для логики Штирлиц был вне подозрений...

В творческом процессе, основным объектом которого являются наши эмоции, искренность и тонкость их проявлений и есть тот «единственно достойный понимания» язык самовыражения художника и восприятия у зрителя. Разобравшись в этом на основе нашего метода, мы можем спокойно и «со здравым смыслом» рассуждать и анализировать на объективной основе произведения искусства любых жанров, избегая при этом обычных и не столь редких баталий по поводу противоположных и взаимоисключающих оценок того или иного произведения. Без объективных критериев, при непонимании всего диапазона и систематики творчества, в качестве основной аргументации, как правило, выступают личностные, часто весьма ограниченные и субъективные, а потому и непримиримые вкусовые пристрастия.

А чего стоят битвы между «реалистами» и «абстракционистами»? О чём тут биться? Ведь и то и другое — всего лишь способы создания разными средствами разных художественных образов. Только ограниченность и упёртость быющих не даёт им понять, что каждый из них подобен покупателю, пришедшему в булочную за гвоздями.

Как можно объяснить ограниченному человеку с двумя классами «церковноприходской» и едва умеющему посчитать сдачу на рынке теорию относительности или сложнейшие аспекты высшей математики? А что можно было бы рассказать, к примеру, нашему первобытному предку, сидя с ним на привале у костра, об устройстве компьютера и системе Windows компании Microsoft. Это для него такая же непонятная и нелепая «белиберда», как для почитателя «Утра в сосновом лесу» живопись позднего Кандинского или «Чёрный квадрат» Малевича.

Так давайте выбросим все наши компьютеры из-за того, что они кое-кому непонятны и не нужны для жизни в диких условиях! А заодно и всё непонятное вообще! Но не лучше ли напрячься и постараться дорасти до понимания?

К счастью, человечество шагнуло в своём развитии дальше соображений бытового «здорового смысла» полу-грамотных недоучек и профессионально ограниченных субъектов, хотя в своих сферах, возможно, в чём-то даже гениальных мудрецов.

Приводить такую сложнейшую сторону человеческих отношений, как творчество, способную отражать и выражать высшие формы человеческого самопознания, к примитивнейшему отобразительному «реализму» только на том основании, что более сложный язык непонятен кому-то, было бы культурно-нравственным преступлением перед человечеством. Такая позиция как раз и исповедовалась официальными идеологиями большевиков и нацистов в силу их собственного недомыслия и спекулятивного заигрывания с «народными массами», а также по примитивно прагматическому подходу к искусству только как к идеологическому оружию, которое, естественно, должно было «доносить идею» и быть понятным любому, даже самому отсталому в развитии «пролетарию». Образцом такого подхода и отношения к искусству могут служить, например, такие рассуждения советских искусствоведов об одной из работ Кузьмы Петрова-Водкина. Картина «Смерть комиссара», впрочем, как и другие произведения художника, не была правильно воспринята: её не понимали. «Дело, однако, не только в ошибочной, носившей формалистический характер теории “сферической перспективы”, которой упорно придерживался художник, а в незрелости понимания революционных процессов, незрелости содержания искусства Петрова-Водкина. Поэтому на картинах художника, даже посвящённых важным и актуальным темам, лежит отпечаток некоторой отрешённости от реальной жизни. В полотне «Смерть комиссара» (1928) Петров-Водкин сумел передать ощущение трагичности смерти. Но главным для художника является не гибель коммуниста на поле боя, а решение отвлечённой моральной проблемы жизни и смерти. В этой картине ещё чувствуются прежние увлечения Петрова-Водкина символизмом» [3, с. 93–94].

Хочется спросить: «Кто не понимал этого замечательного и всемирно признанного художника? И кто мог взять на себя смелость решать за всех вопрос об «ошибочности» и «незрелости» Петрова-Водкина?» Ответ, по-моему, очевиден...

Так что обучать творчеству можно и даже нужно. Необходимо только, чтобы у обучающего не было «каши» в голове. Основными направлениями обучения творчеству являются понимание психологических основ возникновения творческой мотивации и развитие общего уровня культуры личности.

О КОМПОЗИЦИИ

До сих пор мы внимательно рассматривали вопрос: что есть искусство? И пришли к выводу, что это один из

способов общения людей, способ диалога творчески говорящего с творчески воспринимающим. На каком же языке идёт этот диалог?

Вопросом творческого языка, которому можно и должно обучать желающих стать художниками, и занимается та сфера творческой деятельности, которую, достаточно условно, можно назвать композицией.

Почему я говорю об условности этого термина?

Дело в том, что, как и во многих других вопросах, касающихся искусства, на сегодняшний день здесь существует множество разночтений, толкований, а то и просто недопонимания. Ведь термином «композиция» называют и творческий метод, и способ формальной организации произведения, и само произведение.

В традиционной художественной практике композицией, или, ещё проще, «компоновкой», называется размещение в художественном произведении его компонентов. Это и организация переднего, среднего и дальнего планов в реалистическом изобразительном искусстве, и организация мелодии в музыкальном произведении, и размещение масс и объёмов в пространстве архитектуры. Сюда же относятся все способы и приёмы формальной композиции. В этом случае задачей композиции является приведение всех компонентов формы в гармонию, являющуюся непременным условием эстетики художественного произведения. Таким образом, в данном случае композицию можно определить как способ художественной организации формы, приведение её в состояние гармонии.

Но традиционно-ограниченный взгляд на композицию только как на средство гармонизации художественной формы намного обедняет художника в его выразительных средствах. Представляется интересным не перечисление способов и приёмов гармонизации формы, а та основа, на которой выстраивается вся сложная система взаимосвязей художественной формы и её образной выразительности, с учётом которой композиция может по своей сути решать и другую сторону содержания произведения искусства — эмоционально-ассоциативную.

То, как художник пользуется колоритом, как формирует пространство картинной плоскости, как выстраивает контрастно-нюансные соотношения, где делает те или иные акценты, может работать на образное звучание произведения либо, наоборот, разрушать художественный замысел, если автор не понимает содержательных возможностей композиции или не умеет ими пользоваться.

Хочу рекомендовать интересующимся довольно профессионально затрагивающую эту тему книгу О. В. Чернышёва «Формальная композиция. (Творческий практикум по основам дизайна)» (Минск, «Харвест», 1999 г.). Несмотря на название, в этой работе наряду с великолепно проил-

люстрированными примерами собственно формальной композиции значительное место отводится вопросам именно художественно-образных возможностей различных композиционных приёмов. Исследуются такие относящиеся к художественно-образному содержанию понятия, как «предметный образ объекта», «образ технологии». Приводятся примеры решений композиционными средствами ряда чисто психологических категорий (хитрость, жадность, беззащитность, коварство и т. д.). Предлагаются способы передачи средствами композиции не только внешнего вида предмета, но и эмоционально окрашенного восприятия его свойств.

Бытует мнение, что талантливый художник и так всё чувствует и не нуждается в осмысливании своего творческого процесса и что любое осмысливание только мешает и убивает настоящее творчество. Действительно, история искусств являет множество шедевров, созданных природно-одарёнными авторами, не задумывающимися о механизме творческого процесса. Приводится даже притча о сороконожке, утратившей способность передвигаться, как только она задумалась, с какой ноги ей начать движение... Но как можно построить дееспособный луноход, не исследовав досконально механизм передвижения не только сороконожки, но и краба, паука и прочих ходячих животных? Если мы хотим раздвинуть наши представления об искусстве дальше возможностей сороконожки, наверное, не вредно попытаться осмыслить хотя бы его исходные положения.

Хочется оспорить ещё одно распространённое в недавнем советском прошлом и, на мой взгляд, очень ошибочное определение искусства лишь как способа отражения действительности. Достаточно, мол, научиться «правдиво» отображать действительность — и ты уже художник. И нечего заморачивать голову какой-то там композицией. Кстати, недооценка роли формальной композиции до сих пор характерна для классического художественного образования и его приверженцев.

Конечно, в произведении искусства отражается действительность, как в капле росы может отражаться солнце. Но эту каплю с её отражающей способностью нужно создать по законам образования капли, а не пытаться сотворить кусочек солнца. А по правдивости «отражения» нет смысла тягаться с восковыми фигурами музея мадам Тюссо, которые не один здравомыслящий искусствовед не отнесёт к произведениям искусства.

Таким образом, искусство не есть отражение действительности, оно создание новой реальности, возможно, отражающей и действительность. Или, может быть, и не отражающей, а самой являющейся новой действительностью.

Каков же психолого-эстетический механизм композиционных возможностей? Где те объективные основы, на кото-

рые может опираться художник в системе художественной организации формы, кроме чисто интуитивных?

Естественным критерием этой новой, создаваемой художником реальности могут быть только те же основополагающие психо-физиологические составляющие его творческой личности, лежащие в основе всех наших предыдущих размышлений, то есть его генетический и личный, прижизненный опыты. Иным основополагающим критериям, кроме природных, взяться просто неоткуда. Именно природная среда, которой вынужденно должен был биологически и эмоционально соответствовать человек, как, впрочем, и любой другой биологический объект земного происхождения, настолько органично вплетена в структуру человеческого организма от клеточного уровня до высших проявлений психики, что человек во всех сферах своей деятельности, безусловно, соизмеряется с природой. В сознании человека этот критерий предельной обусловленности с природой принял формулу гармонии. Объективно рассуждая, можно сделать вывод: гармония — это предельное соответствие всего многообразия компонентов структуры, целостность. Этот объективный критерий и есть то мерило, которым человек подсознательно или осознанно пользуется в оценке как окружающей действительности, так и самого себя и своей деятельности. В итоге, формальная композиция в искусстве и есть аналоговый с природой способ приведения художественной формы в состояние целостности, гармонии.

Казалось бы, чего проще? Взять самую цельную форму, какую мы знаем, — сферу, и вот гармония достигнута. Действительно, сфера — самая целостная и гармоничная форма из всех созданных природой. Любая материя при отсутствии внешних воздействий собирается в сферическую форму. Наверное, сфера и была бы для человека единственным эталоном прекрасного, если бы он существовал в условиях, лишённых влияний извне. Но, к сожалению, а может быть, и к счастью, наша жизнь несколько многообразнее сферы. Более того, современная действительность с каждым днём насыщается таким многообразием явлений и понятий, о которых человечество не имело представления за всю свою предшествующую историю. И все эти новые реалии, активно вторгаясь в нашу жизнь, становятся, естественно, предметом искусства. Искусство отражает это многообразие через многообразие своих форм.

И вот тут и возникает проблема. Как соединить несоединимое? Как сделать цельным многообразие? Как через придание цельности многообразию ещё и выразить сокровеннейшие глубины творческой личности? Как выразить в искусстве понятия, не имеющие визуально или на слух воспринимаемые традиционные аналогии в природе? Как отразить в творчестве сложнейшие понятия высокоорга-

низованной психики современного человека, выходящие далеко за рамки обыденной событийности?

Только понимание психо-эмоционального механизма, данных нам природой критериев позволяет нам объективно разбираться в вопросах гармонии художественной формы, а не зависеть от эфемерных и маловразумительных оценок

типа: «Нравится — не нравится. А я так чувствую! О вкусах не спорят!» И прочей маловразумительной чепухи, недостойной любого мало-мальски профессионального разговора об искусстве.

Окончание в следующем номере.

Список использованных источников

1. Бабуров, В. Ф. Чёрный квадрат / В. Ф. Бабуров // *В полушаге от себя : [сб. стихов] / сост. Шри Нари Ади Карана, Шри Махадэва Ади Нидана. — Санкт-Петербург, 2013. — С. 59.*
2. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Современ. гуманитар. ин-т, 2001. — 211 с.
3. История советского искусства: живопись, скульптура, графика. Т. 1. — Москва : Искусство, 1965. — 304 с.
4. Каптерева, Т. Абстракционизм / Т. Каптерева // *Модернизм : анализ и критика основных направлений : [сб. ст.]. — Москва, 1969. — С. 79–136.*
5. Лифшиц, М. Кризис безобразия. От кубизма к поп-арт / М. Лифшиц, Л. Рейнгардт. — Москва : Искусство, 1968. — 201 с.

Материал поступил в редакцию 16.12.2016 г.

Сведения об авторе: Бабуров Владимир Филиппович, ювелир, эмальер, график, скульптор, член Союза художников России. Контактные данные: e-mail: baburov.vf@mail.ru; тел. 8-962-501-09-40.

ФЕОКТИСТОВА СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА

ЗАПОМНИМ БРАТСТВО БОЕВОЕ НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ...

Настоящий очерк, подготовленный дочерью поэта-фронтовика Сергея Георгиевича Феокистова (1913–1999), посвящён его поэтическому наследию, связанному, так или иначе, с блокадным Ленинградом. Материал приурочен к 75-й годовщине прорыва блокадного кольца вокруг города на Неве в годы Великой Отечественной войны (18.01.1943).

Ключевые слова: Сергей Феокистов, Великая Отечественная война, Ленинград, Дальний Восток, Дальневосточный фронт, дальневосточные поэты, газета «Тревога».

Keywords: Sergei Feoktistov, The Great Patriotic War, Leningrad, Far East, The Far Eastern Front, Far Eastern poets, the newspaper "Trevoga".

*Сегодня они прозвучат
как награда —
Простые слова земляков.
И лучше награды поэту не надо —
Во веки веков.*

П. С. Комаров, 1945 г.

В юбилейном январе 2018 года российское и международное сообщество на конференциях и исторических форумах обобщает примеры и опыт героизма советских солдат на западных фронтах Союза, начиная с памятного мужества воинов на Ленинградском фронте. И здесь нельзя не вспомнить имя военного журналиста и поэта Сергея Георгиевича Феоктистова — легендарное для Дальнего Востока. Его поэзия «мобилизовала, воодушевляла и цементировала» дальневосточников на всех участках Великой Отечественной войны:

Мы в бой идём за праведное дело,
Мы будем бить фашистов до конца,
Как лётчик Здоровцев¹, как капитан Гастелло,
Исполним долг советского бойца...
...За кровь детей враг головой заплатит,
Он от священной кары не уйдёт.
— В атаку, воины! Бойцы великой рати,
За Родину! За Сталина! Вперёд! [4] — писал

Сергей Феоктистов в августе 1941 года в стихотворении «В атаку, воины!».

Сергей Феоктистов.

¹ *Лейтенант Здоровцев Степан Иванович совершил ночной таран в ленинградском небе 28 июня, на 5-й день войны. Первый Герой Советского Союза Великой Отечественной погиб при защите родного города 9 июля 1941 г. и похоронен на кладбище Александровской лавры.*

В холодную осень 1941 года в военную историю страны и в советскую литературу вошло слово «блокада». В те дни по горячим сводкам Совинформбюро газетный хроникёр Сергей Феоктистов оперативно писал о блокадных испытаниях осаждённого города на Неве, воспевал мужество его жителей и воинов.

«Поэзия — самый короткий путь к сердцу читателя», — считал политрук и каждой строкой закреплял веру земляков в успешном, победном отпоре краснозвёздных защитников города Ленинграда:

В родные светлые края,
В наш солнечный простор
Вползла гремучая змея,
Забрался подлый вор...
Средневековый изувер,
Обезумевший гад —
Он тянет щупальцы к Москве,
Он лезет в Ленинград...
Грозу и тучи над страной
Мы видели не раз,
Но силы нет ещё такой,
Чтоб одолела нас...
Отрубим голову змее!
И никогда вовек
Не будет в рабстве и ярме
Советский человек. («Отрубим голову змее», [5])

Все 900 дней героической блокады и многие годы спустя Ленинград оставался символом мужества, образцом интернациональной дружбы и легендарной взаимопомощи, примером жертвенности и самоотречения.

Москве родной и кровный брат,
Неукротимый, непреклонный
Стоит могучий Ленинград,
Ордой вандалов окружённый.
Доносит эхо до квартир
Гнусавый лай немецкой речи,
А он стоит, как богатырь,
Расправив кряжистые плечи... («Ильич зовёт», [7])

Сегодня историческому феномену «Ленинградская блокада» посвящён огромный пласт международной литературы, подготовленный к 75-й годовщине разрыва блокадного кольца (18.01.1943). Осенью сорок первого только разворачивалось великое непрогнозируемое противостояние двух миров и армий, не имеющее аналогий в мировой истории. Походная поэзия военкора-политрука С. Феоктистова звучала от берегов Тихого океана до Балтики, среди бомбёжек и воя сирен, сквозь тяжелейшие дни и ночи блокады, «здесь, вчера и сейчас», отражала непоколебимую веру ленинградцев в защиту и помощь непокорённой Родины. Вместе с оружием и медикаментами в невскую твердыню,

Сергей Феоктистов, 1941 год.

в «город-песню», «город-исполин» летели листовки с Амура со словами поддержки дальневосточного поэта:

Недоступна русская твердыня!
 Питерская гвардия жива!
 Разве может сделаться рабыней
 Гордая красаца Нева?!

На врага встают дома и камни,
 Не смолкает грозное «Ура!».
 В пекло боя скачет Медный Всадник,
 И сверкает меч в руках Петра. («Город Ленина», [6])

В те страшные годы блокады дальневосточники поддерживали защитников Ленинграда боеприпасами заводов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре. В город на Неве шли продовольствие из приморских совхозов, посылки с тёплыми вещами для детей и раненых, письма дружбы. Военные стихи — марши и лозунги амурского политрука — звучали как приказы, как ежедневные клятвы боевого братства всех городов Союза.

Квалифицированный филолог по первому образованию, Сергей Феоктистов использовал и политическую риторику, и патетический слог. Поэт прибегал и к хлёсткому языку сатиры:

Белобрысый Генрих Шмидт
 Был отъявленный бандит:
 Грабил Прагу, грабил Польшу,
 Этим был и знаменит...
 Видно, в голову пустую
 Не запало ничего.
 Гитлер гнал его на бойню,
 Гитлер думал за него,
 Фюрер жаловал крестами
 Знаменосца своего.
 Чёрной свастикой украшен
 Толсторожий автомат,
 Перешёл границу нашу
 И попал под Ленинград,
 Не на мягкую перину,
 А под пули — в самый ад.
 Он готовился к параду,
 А наткнулся на штыки,
 На его глазах снаряды
 Рвали немцев на куски.
 От ударов ленинградцев
 Враг понёс такой урон,
 Что за месяц раз пятнадцать
 Пополнялся батальон.
 Генрих гнил в сыром окопе,
 И дрожал от страха он.
 ...А потом без разговоров
 Русский дедушка — Мороз
 Так шарахнул мародёра,
 Что фашист повесил нос:
 И завшивел храбрый Генрих,
 И коростою оброс.
 Рожу вшивого героя
 Не узнала бы жена.
 Генрих понял, что такое
 Большевицкая страна.

В тот же вечер ленинградцы

Укокошили мерзавца.

(«Как фашистского мерзавца проучили ленинградцы», [8])

В «Антологию военной дальневосточной поэзии» (1967) вошли стихотворение «Комсомольский билет» (1942) и песня-баллада «Шуми, Амур...» Сергея Феоктистова. Примечательны строки баллады:

...Сама Нева, Нева-красавица

Затихла подо льдом.

Она не сомневается,

На помощь мы идём... [3]

В братских могилах Пискарёвского кладбища в Санкт-Петербурге покоятся 24 тысячи бойцов Дальневосточного фронта, разделивших священную участь защитников и освободителей города.

Боевое товарищество и дружба, взаимовыручка и братская помощь цементировали красноармейцев-дальневосточников и в боях за Ленинград, и под Москвой, в многонациональной амурской дивизии генерал-майора А. П. Белобородова.

Летопись окопной дружбы и сплочённости советских людей продолжалась и в послевоенные годы восстания порушенных сёл и городов. Седые петербуржцы помнят помощь дальневосточников и в период

хрущёвской целины, и в 1990-е годы тяжёлого экономического кризиса:

Родной Амур, зарю встречающий,

Ты ритм России задаёшь.

И в трудный час своим товарищам,

Ты газ и лес, и рыбу шлёшь. («Шуми, Амур...», [3])

Великие поступки советских людей рождали высокие стихи о подвигах, которые пережили поэта и его героев, о священных временах, земляках и соотечественниках, обожжённых пламенем Великой Отечественной войны.

Литературные документы тех лет сохранили для потомков познавательную и воспитательную нагрузку. Созданные в боевых окопах и экстремальных военных условиях, они исторически достоверны и объективны, как записной блокнотик ленинградской школьницы Тани Савичевой; они высокохудожественны, как «Ленинградский дневник» Веры Инбер. Поэтические репортажи амурского политрука, по сути, отражали оценку подвигам соотечественников с большого расстояния — от «Восточного порога России».

«Пока помним, мы живём, мы учим и растим патриотов», — настаивал журналист, подполковник в запасе Сергей Феоктистов, член Союза писателей СССР, лауреат Международной литературной премии (Варшава, 1956), многолетний руководитель и наставник поэтической секции Хабаровского отделения Союза писателей СССР.

Список использованных источников

1. Память и долг боевого сердца [Электронный ресурс] : к 100-летию со дня рождения дальневосточного поэта-воина Сергея Георгиевича Феоктистова (1913-1999) : сценарий литературного вечера / сост. С. С. Феоктистова. — Хабаровск : ДВГНБ, 2013. — 42 с. — Режим доступа: www.calameo.com/books/0024454501d22c322d9d1.
2. Стихи о войне // Центральная городская библиотека им. Н. Островского : офиц. сайт. — Комсомольск-на-Амуре, 2013. — Режим доступа: [//kmslib.ru/stihi-o-voynе](http://kmslib.ru/stihi-o-voynе).
3. Феоктистов, С. Амур-батюшка («Шуми, Амур, шуми, наш батюшка...») [Ноты] : песня / С. Феоктистов ; муз. В. Румянцев // Тревога. — Хабаровск, 1942. — 25 дек.
4. Феоктистов, С. В атаку, воины! («Дни мужества и подвигов настали...») : стихи / С. Феоктистов // Тихоокеан. звезда. — 1941. — 17 авг. ; За родину! : сб. стихов. — Хабаровск, 1941. — С. 39–40.
5. Феоктистов, С. «В родные светлые края...» : стихи // Красноармеец. — Москва, 1941. — № 21 (нояб.). — С. 8 ; Тревога. — Хабаровск. — 1941. — 23 авг. : («Отрубим голову змее...») ; За родину! Сб. стихов дальневосточных поэтов в ОВВ. — Хабаровск, 1941. — С. 30–33.
6. Феоктистов, С. Г. Город Ленина («Под жестокий грохот канонады...») : стихи / С. Феоктистов // Тихоокеан. звезда. — 1941. — 10 окт. ; Словесница Искусств. — Хабаровск, 2006. — № 18. — С. 113.
7. Феоктистов, С. Ильич зовёт («Москве родной и кровный брат...») : стихи / С. Феоктистов // Тревога. — Хабаровск, 1942. — 21 янв. — С. 1 ; ГНЕВ : сб. стихов. — Хабаровск, 1942. — С. 26–27.
8. Феоктистов, С. Как фашистского мерзавца проучили ленинградцы («Белобрысы Генрих Шмидт...») : сатирич. стихи / С. Феоктистов // ГНЕВ : сб. стихов. — Хабаровск : Дальгиз. — 1942. — С. 47–49.

Фотографии из архива Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова.
Материал поступил в редакцию 22.02.2018 г.

Сведения об авторе: Феоктистова Светлана Сергеевна, кандидат медицинских наук; имеет филологическое образование (окончила Иркутский педагогический институт иностранных языков, ныне — Иркутский государственный лингвистический университет). Контактные данные: e-mail: feosvetlana@mail.ru.

РЯЙСЯНЕН ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА,
УЛЕНГОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ВУЗА В ПРЕПОДАВАНИИ МАТЕМАТИКИ

В статье затрагиваются основные концепции модернизации российского образования. Особое внимание обращается на внедрение современных информационных технологий. На примере научной библиотеки Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск) отмечается её роль в образовательном процессе. Также показано, что использование электронных библиотечных систем является одним из основных требований в самостоятельной работе студентов.

Ключевые слова: электронные библиотечные системы (ЭБС), вузовские научные библиотеки, фонд литературы, современные информационные технологии, образовательные программы, учебный процесс, информационные ресурсы, электронный каталог.

Keywords: Digital library systems, university scientific libraries, literature fund, modern information technology, educational programs, educational process, informational resources, digital catalogue.

Концепция модернизации российского образования особо подчёркивает важность его качества, что, в свою очередь, ставит большие задачи перед вузами, а значит, и перед различными их структурами, обеспечивающими учебный процесс, в том числе и перед вузовскими научными библиотеками [1, 2, 4].

Тихоокеанский государственный университет (ТОГУ, г. Хабаровск) сегодня является одним из ведущих центров просвещения, науки и культуры Дальнего Востока России. Огромный научный потенциал вуза позволяет заниматься различными актуальными вопросами в технических, естественных и гуманитарных науках. Говоря о потенциале этого учебного заведения, нельзя не отметить, что ТОГУ быстро реагирует на внедрение современных информационных технологий как в научном, так и в учебном процессе [4–7].

Научная библиотека ТОГУ — одна из крупнейших вузовских библиотек г. Хабаровска с колоссальным универсальным научным и учебным фондом, значительная часть которого — технические и математические издания. Это в какой-то мере обусловлено историей создания вуза (прежнее название — Хабаровский политехнический институт).

Математика стала неотъемлемой компонентой профессиональных образовательных программ высшего образования. Это создало предпосылки для смещения центра тяжести подготовки выпускников вузов от узкой профессионализации к более широкой образованности. Математическая подготовка специалистов позволяет сформировать глубокие фундаментальные знания. Бесспорным является тот факт, что математика есть не просто мощное средство решения практических задач и универсальный язык науки,

но и доминирующий элемент общей культуры, неотъемлемая часть в процессе обучения.

Преподавание математики предполагает наличие в учебном процессе большого объёма информационных ресурсов. Характерной особенностью самого образовательного процесса является тот факт, что аудиторная форма обучения дополняется элементами самостоятельной работы студентов, осуществляемой на базе информационно-библиотечных ресурсов научной библиотеки. Кроме электронного каталога (ЭК) её фондов студенты и преподаватели имеют доступ к разнообразным информационным и специализированным образовательным ресурсам (см. рис. 1).

Это позволяет наиболее качественно выполнять учебные задания, а также заниматься научными исследованиями. Помимо российских баз данных (БД) и электронных библиотечных систем (ЭБС), представленных на сайте библиотеки ТОГУ, читатель может запросить информацию из зарубежных полнотекстовых БД. Для студентов, аспирантов и преподавателей университета открыт доступ к информационным ресурсам научной электронной библиотеки E-Library (<http://elibrary.ru>) [8] с базой данных журнальных статей по всем наукам.

Научная библиотека ТОГУ предоставляет пользователям внушительный перечень основных информационно-библиотечных образовательных ресурсов. Очень удобно организован электронный каталог — как совокупность БД по отдельным видам документов. Он содержит библиографические записи на все виды документов: монографии, отчёты о научно-исследовательской работе, диссертации, учебники, учебные пособия, учебные программы, а также

Рис. 1. Окно поиска в информационно-библиотечных ресурсах научной библиотеки ТОГУ.

практикумы, словари, энциклопедии, справочники, тезисы докладов конференций, сборники статей, статьи из периодических изданий универсальной тематики, получаемых библиотекой ТОГУ, и т. д. В библиотеке ведутся БД собственной генерации: «Труды учёных ТОГУ», «Авторефераты и диссертации», «Изобретения учёных ТОГУ» и другие [3].

Как мы уже отмечали ранее [7], инновационные процессы в образовании в отечественных вузах невозможно представить без современных и динамично развивающихся информационных технологий, возможностей сети Интернет, специализированного программного обеспечения, полнотекстовых баз данных, электронных библиотек и т. д. Новейшие формы работы с информацией должны использоваться в учебном процессе, чтобы сделать его актуальным и близким поколению современных студентов. Основная цель внедрения этих новаций — это расширение возможностей доступа студентов к необходимой информации в процессе обучения и дальнейшей работы, обеспечение абсолютной мобильности как самих источников знаний, так и потребителей информации, создание возможности простого и точного поиска необходимых изданий.

Эти и ряд других задач решаются с применением и внедрением в вузах современных ЭБС. Это полнотекстовые базы данных, включающие литературу по основным направлениям обучения по целому спектру дисциплин, в частности по математике, позволяющих представить необходимую информацию в удобном для большинства пользователей формате. В течение последнего периода времени в нормативно-документальной базе, затрагивающей вопросы создания и использования ЭБС в образовательном процессе, произошли значимые перемены: в федеральные государственные стандарты (ФГОС) высшего профессионального образования были внесены изменения, а также появились дополнительные законодательные акты, касающиеся наличия ЭБС в вузе и влияющие на получение лицензии на преподавание в случае отсутствия ЭБС.

В первом семестре обычно разрабатываются учебно-методические пособия на новый учебный год, составляются учебные программы, публикуются курсы лекций. Кафедры отчитываются по научной деятельности за год, представляя свои публикации по научным исследованиям. В этом им неоценимую помощь оказывает БД ЭК «Труды сотрудников ТОГУ». В запросах студентов наблюдается такая же картина, как и у сотрудников и преподавателей. Основное обращение к ЭК происходит в сентябре, когда студенты приступают к занятиям в новом учебном году и когда идёт подготовка к сессии, пишутся рефераты, курсовые работы. Следует отметить, что ЭК научной библиотеки ТОГУ — это огромный пласт информации, особенно математической. Он органично вписывается в информационное пространство не

только вуза, но и города, так как способствует удовлетворению информационных запросов специалистов. И в этом плане ему нет равных в Хабаровске.

Большие возможности содержатся в использовании компьютеров при обучении математике. Быстрое развитие вычислительной техники и рост её функциональных возможностей позволяют широко использовать компьютеры на всех этапах учебного процесса: во время лекций, практических занятий, при самоподготовке, а также для контроля и самоконтроля степени усвоения учебного материала. Использование компьютерных технологий значительно расширило возможности лекционного эксперимента, позволяя моделировать различные процессы и явления, натурная демонстрация которых в лабораторных условиях технически очень сложна либо просто невозможна. Следует отметить, что эффективность применения компьютеров в учебном процессе зависит от многих факторов, к основным из которых можно отнести следующие:

- уровень и качество вычислительной техники;
- количество и качество используемых обучающих программ;
- количество и качество доступных лекционных курсов;
- методики обучения, применяемые преподавателями.

В современной аудитории должно быть естественным использование техники с мультимедийным оборудованием: демонстрационным экраном, проектором. Разнообразный иллюстративный материал, мультимедийные и интерактивные модели поднимают процесс обучения на качественно новый уровень. При этом нельзя сбрасывать со счетов и психологический фактор: современному студенту намного интереснее воспринимать визуальную информацию именно в такой форме, нежели при помощи устаревших схем и таблиц. Использование компьютера в этом случае представляется не статичной немой картинкой, а динамичным видео- и звуковым рядом, что значительно повышает эффективность усвоения материала.

В качестве одной из форм обучения, стимулирующей студентов к творческой деятельности, можно предложить создание, индивидуально или коллективно, мультимедийной презентации, сопровождающей изучение какой-либо темы читаемого курса. В этом случае каждый из студентов имеет возможность самостоятельного выбора формы представления материала, компоновки и оформления слайдов. Кроме того, он может использовать все доступные средства мультимедиа, чтобы сделать материал наиболее зрелищным и запоминающимся. Можно утверждать, что в этом случае компьютер существенно активизирует познавательную деятельность студентов.

Что же касается таких информационных технологий, как интернет-технологии, стоит отметить их важность при изучении какой-либо темы как для преподавателя, так и для студента, поскольку они позволяют предоставить обширный

учебный или методический материал. Однако следует особо оговорить, что доступ к ресурсам сети Интернет потребует и от преподавателей, и от студентов новых приёмов и методов работы на занятиях. Немаловажную роль при этом играют информационные ресурсы научной библиотеки.

Как отмечалось выше, ТОГУ является учебным заведением, в котором традиционно физико-математические, технические, экономические дисциплины являются профильными, поэтому знание математики для будущих специалистов имеет большое значение [6]. Это обусловлено ещё и тем, что современное развитие науки и техники проходит при возрастающей роли математики в жизни общества.

Важно в повышении качества обучения основным дисциплинам широкое внедрение в практику электронных образовательных ресурсов, направленных на повышение эффективности процесса обучения, реализацию идей развивающего обучения, совершенствование форм и методов организации учебного процесса, обеспечивающих переход от механического усвоения знаний к овладению умением самостоятельно приобретать новые знания. Электронные образовательные ресурсы — это достаточно простые в использовании ресурсы, созданные как дополнения к традиционным учебникам и изданиям.

В последние годы в ТОГУ произошли большие изменения. Аудитории оснащаются современной компьютерной техникой. Сегодня компьютер занял прочное место в учебном процессе, он открывает новые возможности в образовании студента. Проведение лекционных и практических занятий с использованием информационных технологий является мощнейшим стимулом в процессе обучения: активизируется не только восприятие материала, но и внимание, память,

мышление учащихся. Известно, что свыше 80% информации большинство людей воспринимает и запоминает благодаря зрительному восприятию. Использование на занятиях информационных технологий влияет на повышение интереса к той или иной теме.

Интерес к математике у значительного числа студентов повышается за счёт методики её преподавания. Необходимо стремиться к тому, чтобы на занятиях каждый студент работал активно и увлечённо на протяжении всего курса. Это требует от преподавателя поиска максимально эффективных методов обучения, таких методических приёмов, которые бы активизировали мысль студентов, стимулировали их к самостоятельному приобретению знаний, интерес, позволяющий изучить материал, провести тренинг и тут же проверить себя.

Применение новых информационных технологий в образовательном процессе также позволяет преподавателю увеличить время общения со студентами в режиме дискуссии, а не монолога, а сам он становится более разгруженным во время занятий.

В заключение следует отметить, что наличие доступа к ЭК научных библиотек и другим информационным ресурсам существенно сокращает время выполнения запроса. Таким образом, сегодня электронные информационные ресурсы стали неотъемлемой частью информационного обеспечения учебного процесса в вузе, они используются для предоставления электронных версий учебных изданий, полнотекстовых баз лекционных материалов, практических заданий, вариантов контрольных, тестов, электронных версий журналов, информационно-справочных и библиографических баз данных (профильных), списков полезных ссылок на ресурсы Интернета.

Список использованных источников

1. Актуальные проблемы преподавания математики в техническом вузе : материалы второй межвуз. науч.-метод. конф., 28–29 сент. 2012 г. / М-во образования и науки Российской Федерации, М-во образования Омской области, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Омский гос. техн. ун-т». — Омск : ОмГТУ, 2012. — 189 с.
2. Банникова, Т. М. Профессиональная математическая подготовка бакалавра: компетентностный подход / Т. М. Банникова, Н. А. Баранова, Н. И. Леонов. — Ижевск : Удмуртский ун-т, 2012. — 150 с.
3. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. — Москва, 2000–2018. — Режим доступа: <http://elibrary.ru> (дата обращения: 20.11.2017).
4. Реализация компетентностного подхода в процессе обучения математике / Соликам. гос. пед. ин-т (фил.), Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Соликамск : СГПИ, 2014. — 79 с.
5. Ряйсянен, Т. Н. Проблемы преподавания математики в высшей школе для студентов младших курсов / Т. Н. Ряйсянен, Т. Г. Уленгова // *Соврем. тенденции развития науки и технологий*. — 2016. — № 3–11. — С. 112–114.
6. Уленгова, Т. Г. Использование новых информационных технологий в преподавании математики в высшей школе / Т. Г. Уленгова, Т. Н. Ряйсянен // *Соврем. тенденции развития науки и технологий*. 2016. — № 9–7. — С. 105–108.
7. Уленгова, Т. Г. Использование и роль современных электронных образовательных ресурсов в процессе преподавания математики в высшей школе / Т. Г. Уленгова, Т. Н. Ряйсянен // *Научный форум: Педагогика и психология* : сб. ст. по материалам IV междунар. науч.-практ. конф. — Москва, 2017. — Т. 2. — С. 66–71.
8. Электронный каталог библиотеки ТОГУ [Электронный ресурс] // Библиотека ТОГУ : офиц. сайт. — Хабаровск. — Режим доступа: <http://pnu.edu.ru/ru/library/e-lib/> (дата обращения: 20.11.2017).

Материал поступил в редакцию 12.12.2017 г.

КАФЕДРА

Сведения об авторах:

Ряйсянен Татьяна Николаевна, старший преподаватель кафедры прикладной математики факультета компьютерных и фундаментальных наук Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: тел. 8-914-152-92-64.

Уленгова Татьяна Георгиевна, старший преподаватель кафедры прикладной математики факультета компьютерных и фундаментальных наук Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: ulengova2004@mail.ru; тел. 8-962-500-82-98.

РОМАШКИНА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СПЕЦИАЛИСТОВ ОБЩЕДОСТУПНЫХ БИБЛИОТЕК ХАБАРОВСКОГО КРАЯ В РАМКАХ СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье приведены результаты научного исследования «Кадровые ресурсы публичных библиотек: современные требования к профессиональной деятельности и возможности для её реализации», проведённого в 2016–2017 годах отделом научно-исследовательской и научно-методической работы Дальневосточной государственной научной библиотеки, позволяющие проанализировать мотивацию руководителей и специалистов библиотек Хабаровского края к приобретению новых знаний, наиболее продуктивные формы и методы повышения квалификации, компетенции, которые хотели бы усовершенствовать библиотечные кадры в системе дополнительного профессионального образования. Приведены статистические данные.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, повышение квалификации, Дальневосточная государственная научная библиотека, Хабаровский край, общедоступные библиотеки.

Keywords: further education, advanced training (professional development), Far Eastern State Scientific Library, Khabarovsk region, public libraries.

Современный этап развития библиотек, характеризующийся широким внедрением информационно-коммуникационных технологий, повышает требования к библиотечным специалистам, их профессиональной подготовке и квалификации. Прежние умения и навыки, как и накопленный ранее опыт, быстро устаревают, поэтому так важна не только имеющаяся квалификация сотрудников библиотек, но и постоянное повышение профессионального уровня, овладение новыми знаниями на протяжении всего периода профессиональной деятельности.

Расширение и углубление профессиональных знаний, совершенствование практических умений и навыков, перерастающих в профессиональную компетентность, осуществляются через систему повышения квалификации (ПК), которая в свете новых требований к библиотечной профессии претерпевает серьезные изменения, связанные с динамикой внешней среды, развитием информационных технологий, освоением новых видов деятельности, появлением новых библиотечных услуг [1, 2].

Научное исследование «Кадровые ресурсы публичных библиотек: современные требования к профессиональной деятельности и возможности для её реализации», проведенное отделом научно-исследовательской и научно-методической работы Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ), позволило не только выявить особенности кадровых проблем общедоступных библиотек Хабаровского края [3, 4], но и охарактеризовать систему дополнительного профессионального образования библиотечных работников края, их мотивацию к приобретению новых знаний, наиболее продуктивные формы и методы повышения квалификации, компетенции, которые хотели бы усовершенствовать руководители и специалисты библиотек.

Анкетирование сотрудников общедоступных библиотек Хабаровского края проводилось по методике, разработанной Национальной библиотекой Беларуси, в рамках договора о партнерстве и сотрудничестве с ДВГНБ [5].

В число респондентов вошли руководители и специалисты 317 общедоступных библиотек края, находящихся в ведении Министерства культуры Российской Федерации. Всего в ДВГНБ поступило 309 анкет (147 — заполненных руководителями библиотек, и 162 — библиотечными специалистами). Обратимся к данным, полученным в ходе анализа ответов на вопросы анкеты.

О том, что совершенствование системы повышения квалификации относится к одной из первоочередных проблем кадровой политики публичных библиотек края, указали, выбрав вариант «Прежде всего», 36,3% руководителей и 34,5% рядовых сотрудников, участвовавших в анкетировании. Этот показатель занял второе место в ответах на

вопрос о преобразованиях, необходимых в библиотечной кадровой политике Хабаровского края. На первое место среди проблем, которые требуют решения, опрошенные (73,9% управленцев и 84,9% специалистов), как и следовало ожидать, поставили повышение уровня заработной платы.

Ответы респондентов также подтвердили, что библиотекари осознают важность и необходимость постоянного обновления и пополнения профессиональных знаний, умений и навыков в динамично меняющемся информационном обществе. Причём 53,7% руководителей и 45,1% специалистов указали, что ощущают эту потребность постоянно, а остальные опрошенные — время от времени. Только 9 (4,3%) участников опроса отметили, что им достаточно знаний, полученных во время обучения в учебном заведении.

Что касается компетенций, которые хотели бы приобрести или усовершенствовать респонденты-руководители, 46,3% из них на первое место поставили разработку инновационных проектов и программ, а на второе (44,2%) — работу с компьютерными программами (среди них чаще всего назывались: Excel, Power Point, Program Picasa 3.9, Adobe Photoshop, Sony Vegas Pro, Flip Book Maker, Adobe Reader и другие). Таким образом, почти каждый второй менеджер нуждается в расширении профессиональных знаний по теории программно-проектной деятельности и помощи в использовании в работе интернет-технологий. Руководители назвали важными для себя следующие компетенции: установление социального и делового партнёрства с учреждениями и организациями (32,0%); знание нормативной правовой базы обеспечения профессиональной деятельности (25,9%); письменное общение (написание докладов, статей, навыки деловой переписки и т. д.) — 25,9%; решение конфликтных ситуаций (25,9%); управление кадровыми ресурсами (знание методов, приёмов подбора, отбора, обучения, оценки, расстановки, мотивации кадров и др.) — 21,1%. Менее всего респонденты-руководители оказались заинтересованы в получении новых знаний в области использования копировально-множительной техники (6,8%) и формирования информационных ресурсов (8,8%).

Сотрудники, деятельность которых не связана с руководящей работой, также на первое место среди компетенций, которые они хотели бы усовершенствовать, поставили разработку инновационных проектов и программ (53,8%). Затем были указаны (в порядке убывания): устное общение (ораторское мастерство, публичные выступления, навыки самопрезентации) — 37,5%; работа с компьютерными программами (37,5%); поиск, анализ и отбор информации — 31,9%; работа в группе, коллективе (25,0%); методическая деятельность в библиотеке (25,0%) и нормативная правовая база обеспечения профессиональной деятельности (23,5%). Менее всего голосов этой группы получили варианты: ис-

пользование копировально-множительной техники (8,8%), научно-исследовательская деятельность, знание современных достижений в области педагогики и психологии (по 9,4%), решение конфликтных ситуаций (11,3%).

Ответы показали, что главным стимулом повышения квалификации у 69,3% управленцев и 63,0% специалистов является осознание необходимости постоянного получения новых знаний. А 47,9% руководителей и 43,8% специалистов в качестве стимула назвали производственную необходимость. Возможность расширить круг профессионального общения указана в ответах 41,2% руководителей и 34,6% специалистов. Достаточно высоким оказался процент респондентов, выбравших вариант ответа «Перспективы реализации творческих планов».

Далее участникам анкетирования было предложено перечислить учреждения, где они когда-либо повышали свою квалификацию. Ответили на этот вопрос 95,2% руководителей и 81,5% сотрудников-специалистов. Из ответов следует, что библиотекари общедоступных библиотек Хабаровского края проходили обучение в учреждениях федерального уровня: 12 человек (4,4%) — в Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма (АПРИКТ), 59 человек (21,7%) — в Хабаровском государственном институте культуры (ХГИК). Местом повышения квалификации были названы также Российская государственная библиотека (РГБ), Российская национальная библиотека (РНБ), Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина, но таких ответов были единицы. Большинство участников опроса повышали свою квалификацию в краевых учреждениях: 164 респондента (60,3%) — в Краевом научно-образовательном творческом объединении культуры (КНОТОК) и 134 опрошенных (49,3%) — в ДВГНБ. В своих центральных (городских/районных) библиотеках проходили профессиональное обучение 70 человек (25,7%).

Таким образом, прослеживается явное преобладание краевого и муниципального звеньев системы дополнительного профессионального образования (ДПО) сотрудников общедоступных библиотек Хабаровского края. То, что местная система повышения квалификации — это практически единственная доступная возможность получения новых знаний, подтверждают ответы на просьбу проранжировать указанные институты ДПО по их вкладу в профессиональное развитие библиотечных кадров края. На 1-е место (86 человек из 241 ответившего на вопрос) и руководители, и специалисты поставили ХГИК, единственный на Дальнем Востоке вуз, готовящий кадры высшей квалификации для библиотек региона. С почти одинаковым количеством ответов были названы ДВГНБ (48 человек) и КНОТОК (46 человек).

Ответы на вопрос «В каких формах повышения квалификации Вы участвовали в последние 5 лет?» дали

98,0% руководителей и 90,7% специалистов. Анализ полученных данных показал, что в настоящее время самыми распространёнными формами повышения квалификации сотрудников общедоступных библиотек края являются: семинары (эту позицию указали 77,8% менеджеров и 75,5% сотрудников-специалистов); курсы (42,4% руководителей, 34,7% специалистов) и конференции (29,2% руководителей, 21,8% специалистов). Самообразованием (самостоятельным изучением материала) регулярно занимаются 52,1% руководителей и 47,6%, специалистов.

Вопрос анкеты, обращённый к лицам, прошедшим обучение на курсах повышения квалификации, был призван выявить удовлетворённость слушателей уровнем преподавания, преподавательским составом, актуальностью представленного материала и его количеством, условиями и продолжительностью обучения, формами организации занятий. Полученные ответы показали, что обе группы респондентов (руководители и специалисты) достаточно высоко оценили уровень обучения на курсах, особенно квалификацию преподавательского состава (мнение 76,6%), уровень преподавания (68,4%) и количество предложенного на занятиях материала (53,9%). Менее всего обучающиеся на курсах оказались удовлетворены условиями обучения и формами организации занятий.

Что касается того, нашли ли практическое применение знания, полученные в рамках курсов, то для 35,7% респондентов-руководителей они «пригодились полностью», а для 57,9% «пригодились частично». Вариант ответа «пригодились полностью» выбрали 36,4% специалистов, вариант «пригодились частично» — 54,2%. Таким образом, подавляющая часть респондентов достаточно высоко оценивает эффективность своего обучения на курсах повышения квалификации.

Наиболее продуктивными формами повышения квалификации участники опроса назвали курсы (мнение 86,4% руководителей и 81,6% сотрудников-специалистов), семинары (75,5% руководителей и 60,1% специалистов) и самостоятельное изучение материала (30,6% руководителей и 25,9% специалистов). Непопулярными формами повышения квалификации у руководителей являются школа директоров (9,5%) и дистанционное обучение (6,8%), у специалистов — дистанционное обучение (6,8%) и конференции (10,8%).

Из методов обучения респонденты отдали предпочтение активным, а именно: мастер-классам (мнение 88,4% руководителей и 69,9% сотрудников-специалистов), тренингам (50,3% руководителей и 45,5% специалистов), деловым играм (46,3% руководителей и 38,5% специалистов). Меньше всего голосов набрали лекции (мнение 30,6% руководителей и 38,5% специалистов). Однако на практике основными формами занятий в системе повышения квалификации являются как раз лекционные формы, то есть пассивное

присутствие слушателей в аудитории. Таким образом, перед организаторами мероприятий по повышению квалификации стоит вопрос об интенсивном использовании активных форм обучения в системе ДПО.

Что касается предпочитаемых форм повышения квалификации, то подавляющая часть респондентов (и руководители, и специалисты) назвали групповые занятия с использованием компьютерной техники.

Большая часть респондентов-руководителей и респондентов-специалистов (соответственно 54,8% и 47,1%) высказалась за то, чтобы повышение квалификации носило проблемно-функциональный характер, когда занятия ориентированы на определённые группы специалистов по конкретной теме, проблеме. За функциональное повышение квалификации (по различным темам/проблемам, касающимся деятельности отдельных специалистов: методистов, каталогизаторов, автоматизаторов и т. д.) проголосовали 35,6% руководителей и 44,6% специалистов. Сторонниками проблемного характера повышения квалификации, то есть по какой-то конкретной теме/проблеме, независимо от видов деятельности обучающихся, оказались 8,9% респондентов. Таким образом, в системе повышения квалификации библиотекари-практики наиболее эффективным признали проблемно-функциональное обучение.

На открытый вопрос «По каким темам/проблемам Вы бы хотели повысить свою квалификацию?» ответили только 56,5% библиотечных менеджеров и 61,7% библиотечных специалистов. Лидерами в обеих группах стали предложения: «Новые формы работы с использованием новых информационных технологий» (46,3%) и «Разработка инновационных проектов и программ, грантовая деятельность» (24,2%). Из других тем, предложенных респондентами-руководителями, можно назвать следующие:

- обучение работе по компьютерным программам (27,8%);
- инновационные формы работы с пользователями (25,3%);
- библиотечное обслуживание детей и подростков, привлечение детей к чтению (20,5%);
- управление персоналом (12,0%);
- нормативно-правовая база деятельности библиотек, авторское право на методические разработки (9,6%).

Респонденты-специалисты высказались за повышение квалификации по темам:

- социокультурная деятельность в библиотеке, методика проведения в библиотеках массовых мероприятий, акций, квестов (21,0%);
- методическая деятельность (13,0%);
- новые технологии предоставления информации, создание видеосюжетов, буктрейлеров, презентаций (12,0%) и другое.

Представленные респондентами в ходе анкетирования предложения можно использовать при составлении программ повышения квалификации для сотрудников общедоступных библиотек края.

Общепризнано, что процесс повышения квалификации должен быть систематическим и плановым. Отвечая на вопрос о планировании в библиотеке работы по повышению квалификации, большая часть участников опроса (46,2% руководителей и 39,9% сотрудников-специалистов) указала, что она осуществляется в рамках общего библиотечного планирования. Наличие отдельного плана повышения квалификации всех сотрудников отметили 19,3% управленцев и 15,1% специалистов. На существование других вариантов планирования (план повышения квалификации по подразделениям, индивидуальный план повышения квалификации каждого сотрудника) указали 15,0% респондентов. Надо сказать, система управления персоналом, в задачи которой входит и обучение сотрудников, будет работать эффективнее, если осуществлять планирование ПК по подразделениям библиотеки и составление индивидуального плана повышения квалификации каждого сотрудника при формировании кадрового резерва.

Достижение эффективности процесса повышения квалификации неразрывно связано с разработкой и внедрением мониторинга и оценки его результатов, поэтому далее в анкете стоял вопрос о том, проводится ли в библиотеках мониторинг результативности прохождения сотрудниками повышения квалификации. Отметим, что на него затруднилась ответить почти половина участников анкетирования (49,5%). Только 10,5% респондентов ответили на вопрос утвердительно, указав, что происходит это в форме собеседования, обсуждения на методическом семинаре или в форме аттестации рабочего места. 40,0% участников опроса ответили, что результативность повышения квалификации не отслеживается. Ещё больше респондентов (49,2% руководителей и 49,7% специалистов) вообще затруднились с ответом. Следовательно, почти в 90% общедоступных библиотек края контроль результатов обучения сотрудников в системе повышения квалификации не ведётся, что снижает ответственность и заинтересованность слушателей в усвоении и использовании полученных знаний.

Что касается системы оценок и поощрений по итогам повышения квалификации, то только 25,2% опрошенных (и руководителей, и специалистов) назвали в качестве поощрений благодарности, стимулирующие выплаты и премии. 36,2% респондентов отметили, что такая система в их библиотеках не предусмотрена, остальные 38,6% затруднились ответить на этот вопрос. Получается, что в 2/3 общедоступных библиотек края профессиональное

развитие персонала не мотивируется ни моральным, ни материальным поощрением.

Как видим, система повышения квалификации и профессионального развития сотрудников общедоступных библиотек Хабаровского края представлена всевозможными формами и методами работы и включает различные по своим целям и задачам профессиональные мероприятия, в числе которых семинары, конференции, курсы, круглые столы, школы, конкурсы и т. д. Вместе с тем необходимо активное использование форм обучения, которые бы стимулировали потребность в самообразо-

вании, создавали в библиотеке атмосферу творческого поиска.

Отчётливо прослеживается тенденция регионализации дополнительного образования. Общедоступные библиотеки края всё больше ориентируются на использование собственной образовательно-ресурсной базы и развитие региональной образовательной инфраструктуры. А один из путей совершенствования системы повышения квалификации — в переходе от сложившейся практики периодического (чаще всего эпизодического) обучения к непрерывному пополнению и обновлению профессиональных знаний.

Список использованных источников

1. Авраева, Ю. Б. Профессиональная компетентность — показатель развития библиотечных кадров / Ю. Б. Авраева // Библиография. — 2008. — № 6. — С. 20–25.
2. Збаровская, Н. В. Поговорим о профессиональных качествах / Н. В. Збаровская // Библиотека. — 2005. — № 2. — С. 35–44.
3. Ромашкина, Т. А. Изучение кадровых ресурсов публичных библиотек Хабаровского края в рамках международного исследовательского проекта [Электронный ресурс] / Т. А. Ромашкина // Личность, творчество, образование в социокультурном пространстве Дальнего Востока России : материалы заоч. Всерос. науч.-практ. конф. (15 дек. 2016 г., г. Хабаровск). — Хабаровск, 2017. — С. 270–273. — Режим доступа: http://hgik.ru/attachments/article/2186/sbornik_15122016.pdf, свободный.
4. Ромашкина, Т. А. Профессиональные компетенции и личностные качества руководителей общедоступных библиотек Хабаровского края: итоги анкетирования» / Т. А. Ромашкина // Культура и наука Дальнего Востока : науч.-практ. журнал. — 2017. — № 2 (22). — С. 141–145.
5. Ромашкина, Т. А. Сотрудничество Дальневосточной государственной научной библиотеки с Национальной библиотекой Беларуси в рамках исследовательского проекта / Т. А. Ромашкина // Культура и наука Дальнего Востока : науч.-практ. журнал. — 2016. — № 2 (20). — С. 116–119.

Материал поступил в редакцию 09.02.2018 г.

Сведения об авторе: Ромашкина Татьяна Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской и научно-методической работы Дальневосточной государственной научной библиотеки (Хабаровск). Контактные данные: e-mail: tar2805@mail.ru; тел. (4212) 31-28-01.

БАРАШКОВА ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА

ОТРАЖЕНИЕ СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ ПОЭЗИИ ЛИ ЦИНЧЖАО В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье представлен опыт лингвотекстологического анализа стихотворения китайской поэтессы Ли Цинчжао, переведённого на русский язык. Исследуется языковой материал текста (синтаксическое и лексическое наполнение), обозначены основные приёмы стихосложения произведения, в целом составляющие его своеобразие.

Ключевые слова: ассонанс, лирический герой, инверсия, наклонение, рамочная конструкция.

Keywords: assonance, lyrical hero, inversion, inclination, frame construction.

По справедливому замечанию известного учёного-китаеведа М. Е. Кравцовой, интерес к культуре Китая давно уже стал характерной чертой российского общества [3, с. 7]. Отечественное китаеведение обладает прочными, десятилетиями отработанными методами изучения литературно-поэтического наследия. Вместе с тем большинство исследований носит культурологический или литературоведческий характер. Сравнительно небольшое количество лингвотекстологических работ, посвящённых китайской поэзии, определяет актуальность настоящей статьи.

Стихотворение «Там, где слились воедино» написано известной китайской поэтессой Ли Цинчжао (1084–1151). Оно и является объектом нашего исследования, цель которого — представить лексико-семантический анализ произведения. В представленной работе будут проанализированы не только приёмы стихосложения и звукописи текста, но и лексическое и синтаксическое наполнение языковой ткани. Ниже приведён перевод на русский язык, выполненный в 1970 году выдающимся поэтом, переводчиком с китайского языка, дипломатом Михаилом Ивановичем Басмановым:

Там, где слились воедино
Тучи с озёрным простором,
Где предрассветная дымка
Таёт над сонной волной, —
Тысячи парусных лодок
В танце закружатся скоро.
Небо бледнеет, и гаснут
Звёзды одна за одной.
Сон необычный мне снился,
Будто бы в Небо я взмыла,
Голос из бездны небесной
Вдруг обратился ко мне.
Ласково и с участием
Небо меня спросило,
Путь свой куда направляю
В этой земной стороне.
Горькое Небу признание
Было моим ответом:
«Солнце клонится к закату,
Путь же, как прежде, далёк.
Вся моя жизнь — постиженьё
Трудного дела поэта,
Но совершенных так мало
Мною написано строк!..»
Ветер поднялся в округе,
Ветер от края до края.
Гордо парит надо мною
В выси заоблачной гриф...
Мчи за Саньшань меня, ветер,

Лодку волной подгоняя,
Пусть ни на миг не ослабнет
Твой дерзновенный порыв! [1, с. 165–166].

Произведение написано в 1130 году. Нам важно знать, что в 1127 году (за три года до создания стихотворения) Китай потрясли трагические события: племена чжурчжэней захватили столицу империи Сун, взяв в плен семью императора. Многие были вынуждены покинуть родные места. Среди них была и поэтесса Ли Цинчжао. Разлуку с родиной и смерть мужа она пропустила через своё поэтическое сознание: всё реже и реже в её творчестве встречались яркие, жизнерадостные мотивы.

Между тем творчество Ли Цинчжао интересно глубоким психологизмом, романтической отрешённостью от внешнего. Она умела простыми, неизысканными словами передать глубокие чувства. Пристально всматриваясь в происходящее, поэтесса (как бы это ни казалось странным для китайского читателя тех беспокойных лет) не призывает читателей к борьбе против угнетения и разрухи. Отсутствие призывов к героизму, традиционного воспевания пяти добродетелей, с одной стороны, резко противопоставляет её творчество довлеющему конфуцианскому началу, а с другой — открывает новый художественный метод, в известной степени опередивший развитие литературы Китая.

Предполагается анализ стихотворного текста, переведённого на русский язык. Данный текст можно считать произведением, имеющим самостоятельное художественное значение, так как при переводе неизбежны не только лексические добавления (эпитеты, сравнения, метафоры), но и актуализация значений слова, которые в исходном языке являются потенциальными или вероятностными. Интересно и обратное: обращение к языковому материалу исходного языка для выявления сем, утраченных при переводе. Таким образом, синтаксическое (и, как следует, смысловое) наполнение при переводе значительно расширено, что является веским аргументом для нашей гипотезы о самостоятельной ценности перевода. Вместе с тем обращение к оригиналу ограничивается теми случаями, когда наблюдаются расхождения или некоторые неточности (которые, собственно, неизбежны при переводе произведения на любой иностранный язык).

В произведении не прослеживается яркая, очевидная рифма. Тем не менее переводчиком был применён такой приём, как ассонанс (повторение в стихе сходных гласных звуков) [4]. С помощью вокалической аллитерации на протяжении всего произведения последовательно рифмуются 2-я и 6-я строчки, причём они значительно удалены друг от друга. 4-я и 8-я соединяются друг с другом с помощью хорошо узнаваемой рифмы. Эти разные приёмы рифмовки вступают в прочное соединение, не только организуя

композиционное построение всего стиха, но и несколько замедляя интонационный темп речи, что позволяет передать эмоциональное состояние лирического героя: душевное томление, взволнованность и созерцательность.

Анализ первой строфы стихотворения проявил замысловатый синтаксический рисунок: она начинается и заканчивается инверсией (*слились воедино тучи, гаснут звёзды одна за другой*). Внутри такой рамочной конструкции предложения выдержаны в прямом порядке слов. Возможно, именно традиционным порядком слов удалось изобразить нарастающую тревожность в природе, изменчивость окружающего. Предложения с препозитивным сказуемым создают добавочные смысловые оттенки статичности окружающего, констатируя происходящее. Такой тон придаёт строфе эпичность, спокойствие. Нельзя не отметить, что инверсия в данном переводе — художественный приём именно в анализируемом тексте, так как в китайском языке инверсия используется лишь в некоторых случаях (сказывается влияние несвободного порядка слов), а в тексте оригинала стихотворения её нет.

Очевидно, что в анализируемом отрывке перед читателем открывается величественная, возвышенная картина слияния моря и неба, — такое ощущение спокойствия было редкостью во времена династии Сун. Вместе с тем глаголы «слились», «тает» рисуют в воображении читателя единение всех четырёх сторон мира, которое тем не менее обретает тревожный характер. Примечательно, что в оригинальном тексте вместо слова «звезда» употребляется «Млечный Путь» (星河). В китайской мифологии его сравнивали с правителем людей, к которому обращались с просьбой смилостивиться. Образ Млечного Пути (дословно с китайского — «Звёздная река») завершает мысль о единении лирического героя с мирозданием и видимой природой в целом.

Реалистичность пейзажу придаёт деталь «тысячи парусных лодок», помогая нам понять, что речь идёт всё-таки о земном, а не о духовном мире.

Рифмовка строчек достигается ассонансом (много слов, которые содержат звук «о» в разных позициях — как в сильной, так и в слабой): *воедино, озёрным, простором, сонной волной, лодок, скоро, небо, одна за одной* (итого 10 слов). Возможно, этот приём придаёт строфе напевность, дополнительную выразительность.

Но уже во второй строфе перед нами предстаёт иной мир, где лирического героя, словно во сне, спрашивает Небо, куда тот держит свой путь. И китайский, и русский тексты наполнены наречиями образа действия. Небо вопрошало *ласково и с участием*. В тексте оригинала только одна лексема (殷勤), которая между тем переводится на русский язык как *внимательно, любезно, заботливо, радушно* (т. е. содержит в себе широкий семантический спектр). Интересно, что в

китайской философии Небо отнюдь не обладает такими тёплыми, притягательными для человека качествами, как Бог в христианском понимании. Для китайцев тех лет Небо, скорее, мощная, но безликая и абстрактная сила, благодаря которой сменяются времена жатвы и посева, дневного света и ночной тьмы. Здесь же Небо интересуется простым человеком, искренне стремится ему помочь. Образ Неба в поэзии Ли Цинчжао необычен, самобытен и очень близок к Богу, с которым нас знакомит Библия.

В строфе наблюдается повторение сонорных звуков (м, н, л, р) — не менее 30 раз, что придаёт ей теперь уже несколько иной, плавный и лёгкий колорит.

Отдельная (следующая) строфа посвящена вопросам Неба к человеку, а также тому, что ответил лирический герой. Отвечает он не своими словами, но перефразирует своего именитого предшественника — Цюй Юаня (ок. 340–278 до н. э.):

Солнце клонится к закату,
Путь же, как прежде, далёк.
Вся моя жизнь — постиженье
Трудного дела поэта,
Но совершенных так мало
Мною написано строк!..

Ключевая мысль этой строфы сводится к следующему. Во-первых, годы лишений, скитаний и одиночества не сломили дух поэтессы [1, с. 328]. Более того, лирический герой напряжённо размышляет, как отточить своё поэтическое мастерство, усовершенствовать его. Вдумчивый поиск иллюстрирует лексика. В китайском языке вместо слова «совершенный» употреблено другое прилагательное, которое можно перевести как «поразительный», «удивительный» (惊人). В состав данного слова (оно двухсложное) входит иероглиф «человек» — это показывает, что стихотворный дар даётся художнику не только для него одного, но в том числе и для окружающих людей (читателей), чтобы помочь им приблизиться к духовному миру, к Небу.

В отличие от придворных поэтов, чей долг был восхвалять императора, лирический герой Ли Цинчжао чутко ощущает глубокую ответственность поэта перед Небом, почти мессианскую значимость своего нелёгкого дела. К тому же он чувствует, что без помощи Неба завершить эту миссию невозможно.

О том, что лирический герой всё-таки получил ободрение, мы узнаём из последней строфы стихотворения. В ней не содержатся (в отличие, например, от произведения А. С. Пушкина «Пророк») императивные конструкции (*восстань, виждь, «внемли», глаголом жги сердца людей*), однако качественно меняется динамика последней строфы: она торжественна и жизнеутверждающа. Такой пафос помогают ощутить инверсивный порядок слов (*Гордо парит надо*

мною в выси заоблачной гриф), повелительное наклонение (обращение к силам природы), которое не встречается в предыдущих строках. Тревожный настрой передаёт повторение звука «р» (10 раз).

Символика китайской литературы даёт возможность уяснить идейно-художественные особенности этой строфы. Гриф в китайской мифологии — птица, способная одним взмахом крыльев преодолеть расстояние в девять тысяч ли [1, с. 328]. Подобно ему, лирический герой желает, мигмом преодолев расстояния, покинуть унылое общество и оказаться на Сяньшане (по преданию, горы на островах Восточного моря, где обитают бессмертные) [1, с. 328]. Однако цель такого путешествия (или, точнее сказать, паломничества) можно обозначить, вернувшись к предыдущей строфе. Лирический герой желает обрести прежде всего источник творческого вдохновения (а не вести отшельнический образ жизни), который невозможно вычерпать в глубинах своего таланта или добродетели. По преданию, на Сяньшане нет одиночества,

гнетущей тоски, смуты и прочих горестей. В этом некоторые китайские критики усматривают аллюзию на общество Китая того времени (военная смута, возросшее количество убийств и т. д.), от которого бежит душа лирического героя.

В произведении Ли Цинчжао «Там, где слились воедино» кристаллизуются мессианская значимость творчества, муки, связанные с ним, а также помощь духовного мира одинокому поэту-пророку.

Глубина и убедительность проявляются, с одной стороны, через звуковые средства выразительности, которые, по мысли уважаемого учёного-языковеда И. Б. Голуб, «резко повышают информативность, соответствующая символика как бы вспыхивает в сознании (подсознании) читателя, окрашивая значение всего текста» [2, с. 169], а с другой — через лексическую и синтаксическую материю, рецепция которой помогает читателю настроиться на особый эмоциональный лад. Всё это позволяет переводному тексту соперничать по своей красоте и выразительности с оригиналом.

Список использованных источников

1. Басманов, М. И. *Китайская классическая поэзия в переводах Михаила Басманова / М. И. Басманов.* — Москва : Изд-во «Эксмо», 2004. — 351 с.
2. Голуб, И. Б. *Стилистика русского языка : учеб. пособие для вузов / И. Б. Голуб.* — Москва : Изд-во «Рольф», 2001. — 448 с.
3. Кравцова, М. Е. *История культуры Китая : учеб. пособие для вузов / М. Е. Кравцова.* — Санкт-Петербург : Изд-во «Лань», 2003. — 416 с.
4. Кузнецов, С. А. *Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. А. Кузнецов // Энциклопедии & словари. Толковый словарь Кузнецова.* — Режим доступа: <http://enc-dic.com/kuzhnev/Assonans-2595.html>, свободный. — Загл. с экрана.

Материал поступил в редакцию 31.01.2018 г.

Сведения об авторе: Барашкова Дарья Сергеевна, студентка факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: 680018, г. Хабаровск, ул. Руднева, д. 98, кв. 7; e-mail: daria.barashckova@yandex.ru; тел.: 8-909-850-10-67, 8-914-372-20-91.

ВОРОПАЕВА АЛЕКСАНДРА ВАЛЕРЬЕВНА

ПЕРЕПИСКА ЧЛЕНОВ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ И АМУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЙ С КОМАНДИРОМ УДСКОГО КРАЯ АММОСОВЫМ

(автографы Н. Х. Агте, Л. Э. Шварца и Г. И. Невельского)

В статье представлены результаты изучения писем начальника Забайкальской экспедиции 1849–1852 годов Н. Х. Агте, астронома экспедиции Л. Э. Шварца и руководителя Амурской экспедиции Г. И. Невельского, адресованных командиру Удского края уряднику Аммосову, а также ответов Аммосова на эти письма.

Ключевые слова: Николай Христианович Агте, Людвиг Эдуардович Шварц, Геннадий Иванович Невельской, командир Удского края Аммосов, Забайкальская экспедиция, Амурская экспедиция, Удский острог, освоение Дальнего Востока, рукописные документы.

Keywords: Nikolai Khristianovich Agte, Liudvig Eduardovich Shvarts, Gennadii Ivanovich Nevelskoi, the commander of the Udsk region Ammosov, the Trans-Baikal expedition, Amur expedition, the Udsk burg, developing of the Far East, manuscript documents.

Статья подготовлена в рамках фундаментального научного исследования Дальневосточной государственной научной библиотеки «Книга как социокультурный феномен в контексте исторического развития Дальнего Востока».

В 1842–1845 годах состоялась Сибирская экспедиция Академии наук под руководством А. Ф. Миддендорфа¹. Она включала в себя три маршрута: Таймырский, Якутский и Охотско-Приамурский. Последний проходил в 1844–1845 годах. Миддендорф со своим отрядом перешёл через Становой хребет², исследовал Удский край³, Шантарские острова⁴, побережье Охотского моря, затем достиг долины реки Буреи, урочища Инкань⁵, реки Зеи, а в январе 1845 года вышел к Амуру.

Возвратившись из поездки, он представил императору Николаю I записку, в которой описал богатства Приамурского края и предложил установить точную границу с Китаем, которая с 1689 года оставалась неопределённой [12, с. 7]. Ещё он сообщил о четырёх столбах к югу от Станового хребта, которые он принял за китайские пограничные знаки. Миддендорф указал также на опасность захвата англичанами устья Амура и проникновения их в глубь Сибири, предлагая поручить ему организовать новую экспедицию для исследования Амура.

Забайкальская экспедиция

Вследствие представления Миддендорфа 8 февраля 1849 года, без ведома исполняющего обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва, была высочайше утверждена сухопутная экспедиция для исследования Забайкальского края под руководством подполковника Н. Х. Агте⁶, впоследствии получившая название «секретная Забайкальская экспедиция». Инструкция для Агте была разработана департаментом Генерального штаба, рассмотрена и дополнена министром иностранных дел графом К. В. Нессельроде⁷. Согласно этим указаниям, необходимо было определить с большой точностью нашу границу с Китаем на основании Нерчинского трактата⁸, но не приближаться к Амуру и не заходить на китайские земли. При проведении исследова-

ний было предписано вести себя крайне осторожно, избегать всего, что могло возбудить внимание и подозрение китайцев, было рекомендовано проводить исследования по северной покатоности Хинганских гор⁹, бесспорно принадлежащих России, приняв за направление границы те четыре столба, которые увидел Миддендорф [12, с. 8]. При встрече с китайцами было приказано говорить, что пришли «с промышленной целью для отыскания звериных промыслов», а перед туземцами, состоящими в российском подданстве, выдавать себя за частных промышленников. Экспедиция была рассчитана на три года. Осмотр китайских пограничных столбов, которые описал Миддендорф, был запланирован лишь на третий год, и то, если начальник экспедиции посчитает это возможным [15, с. 268].

Вся деятельность Н. Н. Муравьёва была направлена на то, чтобы провести нашу границу с Китаем по Амуру, а не по Хинганским горам. Когда была снаряжена Забайкальская экспедиция, он находился в Якутске. Узнав о ней и её целях, Муравьёв приказал приостановить работы до своего возвращения в Иркутск и в то же время рапортом «В собственные руки Его Величества» донёс Николаю I о причинах своего необычайного распоряжения. Министры, особенно Нессельроде, обвинили за это Муравьёва в якобинстве и даже государственной измене, но государь нашёл этот поступок патриотичным и правильным [12, с. 10].

Вернувшись в Иркутск, Муравьёв предложил направить экспедицию для исследования пространства между рекой Удой¹⁰, Охотским морем, Амурским лиманом и рекой Амуром, подробно исследовать Амур от устья вверх и северную часть Сахалина [15, с. 271]. Экспедиции также было поручено исследовать территории на наличие россыпной золотоносности. В 1851 году архиепископ Иннокентий писал: «В Аяне¹¹ ныне был полковник¹² Ахте, который уехал в Удское отыскивать золото, и с ним целая экспедиция» [7, с. 296].

В состав экспедиции вошли: астроном Пулковской обсерватории Л. Э. Шварц¹³, горные инженеры

1 Миддендорф Александр Фёдорович (1815–1894) — русский путешественник, учёный, академик Петербургской академии наук, тайный советник.

2 Становой хребет — горная цепь в южной части Дальнего Востока России, протяжённость 700 км от среднего течения р. Олёкмы до истоков р. Учур.

3 Удский округ до 1856 г. был частью Якутской области, занимал пространство между Охотским морем и Становым хребтом.

4 Шантарские острова — архипелаг в Охотском море у входа в Удскую губу, Тугурский залив и залив Академии, состоит из 15 островов.

5 Урочище Инкань находилось в устье одноимённой реки.

6 Агте (Ахте) Николай Христианович (Христофорович) (1816–1867) — русский военный топограф, генерал-майор.

7 Нессельроде Карл Васильевич (Карл Роберт фон Нессельроде) (1780–1862) — граф, русский государственный деятель немецкого происхождения, министр иностранных дел Российской империи.

8 Нерчинский договор (Нерчинский трактат) — мирный договор между Русским царством и Китаем, заключённый в 1689 г. Он впервые определил отношения и границу между этими государствами.

9 Хинган (Хинганский хребет) — общее название нескольких горных хребтов в России и Китае.

10 Уда — река в Хабаровском крае, впадает в Удскую губу Охотского моря.

11 Аян — село в Хабаровском крае, расположено на берегу Охотского моря. Было основано в 1843 г. Русско-Американской компанией как начальный пункт нового тракта. В 1846 г. Аян получил статус порта.

12 В 1851 г. Н. Х. Агте был ещё подполковником. Звание полковника он получил в 1853 г.

13 Шварц Людвиг Эдуардович (1822–1894) — российский астроном, директор Дерптской обсерватории, член Русского Географического общества и Русского Астрономического общества. В 1849 г. директор Петербургской обсерватории В. Я. Струве рекомендовал его в Забайкальскую экспедицию. Во время работы в экспедиции Шварц открыл и описал Верхнезейскую равнину, хребет Турана, собрал первые сведения об Алданском нагорье, составил итоговую карту экспедиции.

М. И. Кованько и Н. Г. Меглицкий, топографы В. Е. Карликов и С. В. Крутиков [6, с. 56–57], два штейгера¹⁴, двенадцать рабочих, два человека прислуги, четыре забайкальских казака и четыре проводника-тунгуса. На издержки экспедиции было назначено по 10 000 рублей серебром в год [15, с. 269].

Новый план Забайкальской экспедиции был утверждён лишь к концу 1850 года, а распоряжение приступить к выполнению намеченных работ экспедиция получила в феврале 1851 года. Основной состав экспедиции собрался в Якутске, затем разными маршрутами отправился в Удский острог, расположенный на левом берегу реки Уды, где была организована база экспедиции.

Удский острог был основан в 1679 году. Население его состояло из казаков, служилых и промышленных людей. Острог был окружён высоким забором с шестью сторожевыми башнями. К 1730 году в нём было всего 10 дворов. Жители занимались рыбной ловлей и охотой. В 1812 году из Удского была выведена военная команда, а к тридцатым годам XIX века он потерял значение крепости [14, с. 186–188].

Побывавший в 1853 году в Удском чиновник по особым поручениям Н. Д. Свербеев так описывает это место: «Удский острог расположен на довольно возвышенном холме по левому берегу реки Уды. В середине небольшой площадки этой возвышенности первое место, по значению и зодчеству, занимает деревянная новая церковь Спасо-Николаевская, отстроенная в 1847 году... Неподалеку от церкви находится запасный магазин, соляная стойка, рыбный запасный амбар и пороховой погреб. Новый обширный дом местного священника стоит против церкви; рядом с ним вытянулись неправильной линией убогие юрты казаков и домик командира, а там следует ров и речка Безъименка, разделяющая холм от широкой поляны, где на берегу расположилось до десятка покосившихся от ветхости низких избышек: в них живут удские крестьяне¹⁵» [11, с. 101–102].

В фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки, в коллекции «Автографы», хранятся четыре письма, относящихся к Забайкальской экспедиции 1849–1852 годов. Датированы они 1852 годом. К ним прилагается «Справка к автографам подполковника Ахте и академика Шварца», напечатанная на пишущей машинке до реформы 1918 года, в которой кратко объясняется цель экспедиции.

Все письма адресованы командиру Удского края Аммосову или являются ответами Аммосова на них. Об этом человеке

известно совсем немного¹⁶. В современных исследованиях есть упоминания о нём в связи с кораблекрушением в районе устья Амура американского торгового брига «Уилльям Пен», который весной 1855 года привёз порох и муку на Камчатку, испытывавшую после нападения англо-французской эскадры большие трудности. После сдачи груза судно направилось в бухту Де-Кастри, но село на риф и затонуло. Команда была спасена, а капитану брига был предоставлен маленький шлюп «Камчадал», на котором американцы смогли добраться до Сан-Франциско [3, с. 80]. Но в сентябре четыре члена экипажа сбежали с корабля из-за жестокого к ним обращения капитана и были доставлены к Аммосову в Удский острог. Он решил оставить беглецов в остроге до следующей весны и поставил на довольствие из запасного магазина. О происшествии Аммосов доложил гражданскому губернатору Якутской области Скрыбину, но тот распорядился отправить американцев в Аянский порт под присмотром самого же Аммосова для передачи на китобойное судно [1, с. 12–13].

Имя Аммосова ни в одном письме не упоминается. Его воинское звание — урядник Якутского казачьего полка¹⁷, хотя в одном письме к нему обращаются как к пятидесятнику. В обязанности казаков Якутского полка входило несение караульной службы, сопровождение ссыльных, арестантов, грузов в составе конвоя, работа в качестве проводников, переводчиков в научных экспедициях [9, с. 107]. По долгу службы и командир Удского края Аммосов оказывал всяческую помощь членам экспедиций, проводившим исследования на подчинённой ему территории.

Самые ранние письма (из коллекции ДВГНБ), касающиеся Забайкальской экспедиции, написаны 21-го и 22 июня 1852 года её начальником подполковником Н. Х. Агте. Первое письмо, составленное 21 июня, официальное. Написано оно на угловом бланке установленного образца:

*«Начальника экспедиции
для исследования
Забайкальского края.
Июня «21» дня 1852 года
№ 431.*

¹⁶ Возможно, более подробную информацию об Аммосове можно найти в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ) в фонде № 1094 «Командир Удского острога Якутского областного управления. о. Удский Якутской области. Крайние даты 1845–1858 гг.».

¹⁷ В 1822 г. был принят «Устав о сибирских городовых казаках», по которому Якутская команда была преобразована в Якутский городской пеший казачий полк. Состоял он из пяти сотен: 1-я и 2-я находились в г. Якутске, 3-я — в Гижигинске, 4-я — в Охотске, а 5-я объединяла команды, располагавшиеся в городах Олёкминске, Верхоянске, Вилюйске, Колымском крае и в Удском укреплении. Состоял полк из 9 офицеров, 14 пятидесятников, 22 урядников, 400 рядовых казаков и 11 нестроевых.

¹⁴ Штейгер — горный мастер.

¹⁵ В 1735 г. правительство решило провести опыт по введению в Удском земледелия и скотоводства и переселило туда 10 семей крестьян. Этот эксперимент продолжался более 100 лет, но положительных результатов не принёс.

Устье Учур¹⁸ в Алдане¹⁹.

Командиру Удского края, Пятидесятнику Аммосову.

Предписывается тебе принять от Тунгусов: третьяго Эжанского рода²⁰ Тимофея Семенова и Бутальского рода²¹ Макара Ларионова (8) восемь лошадей экспедиции с ея продовольственными припасами по прилагаемой описи, приказав хранить эти припасы в Удских магазинах до востребования, а лошадей отпустить на хороший подножный корм.

Дела Забайкальской экспедиции, может быть потребует нового моего прибытия в Удской Край на короткое время; в таком случае, по прибытии в порт Аян, /куда я отсюда отправляюсь, / я надеюсь сплыть в Острог с Удским Священником. Но если случайно Отец Николай Логинов возвратится с Аяна без меня; то поручаю тебе распорядиться о немедленном отправлении мне навстречу в Аян одной мореходной лодки с пятью надежными гребцами, выдав им из припасов экспедиции по двадцати фунтов муки каждому, а плату за переезд туда и обратно по пяти рублей серебром каждый, получат от меня, или от Начальника Аянского порта²².

Сверх того: приказать с ними же следовать Топографу 1го класса Унтер Офицеру Крутикову и Казаку Фирсу Шестакову; первому для отчёта по своей командировке а последнему /кроме отчета по особому поручению на него мною возложена/ и для окончательных расчётов Пятидесятника Шестакова с экспедицией, на случай возможного обращения моего прямо из Аяна в Иркутск, не быв снова в Удском Крае; при чем Казак Фирс Шестаков будет непременно и тотчас же возвращен из Аяна в Удской с тою же лодкой.

О таком распоряжении моем, сообщаю тебе для исполнения.

Начальник Экспедиции,

Генерального Штаба Подполковник Ахте».²³

В письме упоминаются жители Удской округи, принимавшие в экспедиции посильное участие: тунгусы, священник Удского прихода Николай Логинов, о котором известно, что он крестил тунгусов, негидальцев и других местных жителей, посещал своих прихожан-кочевников даже в бассейне Буреи [8, с. 57]. Вот что архиепископ Иннокентий писал о нём: «Удский священник, Логинов, в две поездки свои по своей обширнейшей епархии, присоединил к стаду Христову 33 человека...»

18 Учур — река в Хабаровском крае и Якутии, правый приток Алдана.

19 Алдан — река в Якутии, правый приток Лены.

20 Эжанский род.

21 Бутальский род.

22 Начальник Аянского порта Александр Филиппович Кашеваров (1809–1870) — российский военный моряк, генерал-майор, гидрограф и путешественник, с 1850-го по 1856 г. служил командиром Аянского порта на Охотском море.

23 Письмо написано писарем, подпись в конце письма Н. Х. Агте.

[7, с. 429]. Также упомянуты непосредственный участник экспедиции — топограф первого класса унтер-офицер Крутиков, и его помощник — казак Фирс Шестаков. Степан Васильевич Крутиков (1820 – не ранее 1874) — уроженец Тобольской губернии, воспитывался в училище роты топографов Военно-топографического депо, поступил на службу в 1840 году, в 1849-м вошёл в состав Забайкальской экспедиции, после неё продолжил службу в Корпусе военных топографов. В 1853–1854 годах он составил «Карту юго-восточной Сибири», основанную на материалах Забайкальской экспедиции, был начальником временной межевой партии Сибирского казачьего войска (1867–1873), дослужился до звания майора, в 1873 году написал рапорт об увольнении со службы по состоянию здоровья. В рапорте Крутиков просил оставить к пенсии «высочайше дарованное добавочное жалование» 200 рублей серебром, «за понесенные труды при исследовании Забайкальского края около берегов Восточного океана и р. Амура» для воспитания 9-летней дочери до её совершеннолетия [2].

В 1850 году под руководством Л. Э. Шварца Крутиков проводил топографические работы в районе озера Байкал. В том же году была сформирована Алданская партия экспедиции. Возглавил её горный инженер М. И. Кованько. В состав партии вошли астроном Л. Э. Шварц, топографы С. В. Крутиков и К. Х. Пестриков, казак Г. Д. Скобельцын, горнорабочие. Алданская партия должна была провести геологические и топографические работы от пограничного села Горбиза к истокам Алдана, спуститься вниз по его течению к населённым пунктам, связанным дорогами с Якутском. На приграничной с Китаем территории ей также было поручено проверить распространение на восток россыпной золотоносности. Алданская партия работала с 15 июня по 5 октября 1850 года [4].

Экспедиция была очень тяжёлой. В первые дни похода астроном Шварц заболел, и спутники несли его на руках в течение трёх дней. К октябрю у них закончился запас продовольствия, а из-за ледохода не было возможности переправиться через реки, чтобы выйти к населённым пунктам. Благодаря смелости забайкальского казака Гавриила Скобельцына, который сумел переплыть на оморочке (берестяная лодка) через Лену, лавируя между льдинами, и привести помощь, Алданской партии удалось избежать голодной смерти [13, с. 190].

В 1851 году, с апреля по июнь, С. В. Крутиков в составе отряда горного инженера Н. Г. Меглицкого проводил топографическую съёмку от Якутска до Удского острога. Далее отряд обследовал материковое побережье Охотского моря между устьями Уды и Тугура²⁴, изучил остров Большой Шан-

24 Тугур — река в Тугуро-Чумиканском районе Хабаровского края, впадает в Тугурский залив Охотского моря.

тар²⁵. От устья Тугура Крутиков отправился самостоятельно к Селемджинскому хребту²⁶. Во время похода проводил топографические съёмки и геологические наблюдения. Собранную геологическую коллекцию он передал для обработки Н. Г. Меглицкому [4]...

Второе письмо Аммосову было написано уже самим Н. Х. Агте на следующий день, 22 июня, на небольшом листе бумаги, согнутом пополам, и оно было уже не официальным, хотя и касалось дел экспедиции, а, скорее, секретным. В нём Агте дал ряд дополнительных поручений Аммосову и рассказал о предстоящих планах, о которых в официальном письме опасался говорить.

«22 Июня 1852 устье Учугра в Алдане.

Считаю нужным, любезный Амосов сверх форменной бумаги написать тебе еще несколько строк.

Если я буду в Удское, то смотря по времени, или проеду через Бурукан²⁷ и Нимилен²⁸, или через Тырму²⁹ и Ар на Мокой. А потому нужно приготовить оленей: по 1^{му} пути на Бурукан и Ахрани³⁰ /: думаю от Сергея Соловьева / по 2^{му} пути если еще не заготовлены то приказать вновь: от Острога до Силимджы³¹ от Старосты Григория Охлопкова или Тунгуса Ивана Чепалова — 12 оленей; от Силимджы до Тырмы от Старшины Тимофея Чепалова и наконец от Тырмы до Ар и далее от Старосты Лалыгирского рода и Ежанцев Копылова — 12 оленей; из этих оленей 5 верховых и 7 вьючных; не мешает иметь и заводных — заплачу хорошо.

Старшину Николая Быскалова удержать в Остроге или до моего прибытия, или до возвращения Фирса Шестакова от меня с Аяна.

Но о поездке моей не разглашать; сказать: что может быть буду, а вернее нет и что если поеду то с устья Сутура³² возвращаясь в Острог.

Деньги раздай по бумаге № 432, но повторяю: распорядиться так чтобы моя поездка не произвела толков между Тунгусами. Преждевременными рассказами можно все испортить.

25 Большой Шантар — самый крупный остров Шантарского архипелага, расположен в Охотском море.

26 Селемджинский хребет расположен на Дальнем Востоке, в Амурской области, юго-восточнее горной цепи Тукурингра-Джагды, высота до 1 628 м.

27 Бурукан — мыс на левом берегу реки Тугур, где находилось маленькое поселение, состоящее из нескольких юрт якутов и негидальцев.

28 Нимелен (Нимилен) — река в Хабаровском крае, левый приток Амгуни; хребет Немилен огибает истоки реки Немелен.

29 Тырма — река в Хабаровском крае, левый приток Буреи.

30 Ахрони — река в Хабаровском крае, левый приток Амгуни.

31 Селемджа — река в Амурской области, левый приток Зеи.

32 Сутур — правый приток Тырмы (современное название — Сутьрь).

Подп[олковник] Ахте.

[Слово неразборчиво] мне пусть привезет Фирс Шестаков; я не решаюсь отправить много денег с Тунгусами

Моя поездка зависит от новых известий с Иркутска жду почты и думаю что отец Николай Логинов вам привезет если не меня, то более верная обо мне известия.

Если Фирсу Шестакову нельзя ехать то пусть напишет с Крутиковым, а деньги следующие ему по последней поездке и подряда я вышлю в Острог через Аян; в случае сам туда не буду

Относительно продажи лошадей и съестных припасов ожидать моего распоряжения. Но если Крутикову что понадобится из провизии или лошадей, то передать ему под росписку».

Возможно, такая секретность передвижения Агте и других членов экспедиции была вызвана опасением столкновения с китайцами, которые чувствовали себя хозяевами на этой территории. Осенью 1851 года они сожгли русскую часовню на урочище Инкань и приказали тунгусам покинуть это место. Весной 1852 года архиепископ Иннокентий писал: «Удской священник доносит мне рапортом, “что прошедшей осени китайцы, не подведомственные нам, мимоездом сожгли часовню, бывшую на урочище Инкань, по причине будто-бы той, что она находилась не на своем месте; а в письме своем говорит, что теперь с опасностью можно посещать живущих там наших тунгусов”» [7, с. 361–362]. Более подробно и «по секрету» об этом происшествии архиепископ узнал от Н. Х. Агте, а тот — от отряда топографа Карликова, который, выполняя задание, дошёл до урочища и, помимо сожжённой часовни, обнаружил на деревьях китайские надписи. Эти деревья были срублены, места с надписями отделены, тщательно уложены и отправлены с орочонами Н. Х. Агте [13, с. 195].

Оба письма были получены Аммосовым 1 августа 1852 года. Ответ он написал на втором листе официального письма Агте:

«Командира Удского Края

Урядника Ам

мосова

Донесение

Августа 1го дня

1852 года

№ 18.

Удской Острог

Г. Начальнику Экспедиции Забайкальского края Генерального Штаба Подполковнику и Кавалеру Ахте.

Во исполнений полученного мною 1го числа Августа предписания Вашего Высокоблагородия писанное от 21го Июня н: г: за № 431. — с препровождением 8ми лошадей и

припасов при описе принадлежащих Экспедиции. С ямщиком 3го Ежанского рода Тимофее Семенове и об отправлении в Аян одной мореходной Лодки с 5^ю надежными гребцами и о следовании туда ж топографа 1го Класа унтер офицера Крючкова [Крутикова] и Казака Фирса Шестакова

Сим честь имею донести что сказанные лошади [и] припасы при описе сего числа доставлены Ямщиком вышесказанным числа и имеют быть в надлежащем порядке приняты а нащет лошадей сего же числа зделано будет распоряжение, — а что касается до лодки, то она прибыла 29 числа Июля месяца со Священником удской церкви Логиновым которой по прибытии объяснил что она растроена и требует исправление почему и была исправляема до сего числа в коей посвупутности имеет следовать в Аян Чиновник Особых поручений Якутского Областного Правления Свербеев со своимя работчимя 5^ю человеками и при них один Казак здешней Команды Андрей Корытов кои имеют возвратится при сказанной Лодке с Вашим Высокоблагородием. — по плате же их изволите сами договорется. — Топограф же 1го Класа Унтер Офицер Крутиков и Казак Шестаков с отъезда своего время не прибули ^{III}

О чем К сведению Вашего Высокоблагородия честь имею донести.

III — и пакет на имя Кручкова [Крутикова] принят за целостию печати по прибытии имеет быть вручаем»³³

Верно Командир Урядник Аммосов».

В конце письма Аммосов докладывает, что Крутиков и Шестаков к 1 августа ещё не вернулись из поездки в Удский острог. Известно, что в середине октября 1851 года Крутиков и Шестаков были командированы для исследования рек Ниман и Буряя. Сообщений от них не было слишком долго, и генерал-губернатор Н. Н. Муравьев приказал казаку Скобельцыну отправиться на их поиски. Самих исследователей Скобельцын не нашёл, но, дойдя до Зеи, узнал от ороchon, что в Бурее у Крутикова и Шестакова утонули все припасы, и охотники-аборигены помогли им выйти в Удский край [13, с. 195]. Когда же они вернулись в Удский острог, Крутиков получил новое задание — провести съёмку прибрежной части материка от Уды (выше устья Джаны³⁴) до Аяна. Затем из Аяна он вернулся в Якутск [4].

Основной состав экспедиции покинул Удской острог весной 1852 года тремя отрядами: Агте — по Учурскому тракту, Аргунов и Пестриков — к озеру Большое Токо³⁵, Шварц — к правому берегу реки Зеи. 22 апреля Шварц вышел из Удского острога, а 16 июля он получил предписание от Агте отправить с тунгусом казённых оленей в острог и

сдать их Аммосову, тот в свою очередь должен был передать их топографу Карликову.

1 октября, находясь в устье реки Белькачи, Шварц написал об этом Аммосову.

«Астроном Экспедиции для изследования Забайкальского Края.

Октября 1го дня 1852 года
№ 18.

Устье р. Белкечи³⁶ в Алдане.

Командиру Удского Края.

В исполнение предписания от Начальника Экспедиции ко мне от 16го Июля 1852 года за № 448^м я привожу сим к сведению Командира Удского Края, что отправлен мною от Устья р. Белкечи в Алдан сего числа Майского Улуса, Бутальского Наслега Тунгус Яков Максимов в Удской Острог с 9 казёнными оленями и что ему приказано, тотчас по приезде ево в Острог, здать казённых оленей с принадлежностями Командиру Удского Края для передаче оных Корпуса Топографов Прапорщику Карликову. Приметы и состояние оленей

1. белый; худ, левое ухо проткнуто.
2. черный; худ, один большой, другой маленький рог, правое ухо на верху разрезано.
3. черный; в теле, верхушку ушей обрезаны.
4. черный; худ, левый маленький рог с одним только отрогом.
5. серый; в теле, верхний правый рог спилен.
6. пегий; весьма худ.
7. черный; в теле; правый короткий рог, левый спилен.
8. черный; на левом роге в передке отрог в виде крючка.
9. серый; в теле; правый рог с отрогом, загнутым назад и закрывающим ухо.

Все олени быки и имеют на обе стороны ножницами вырезанные К.

Принадлежности:

3 верховые седла

7 вьючных седел.

11 поводков.

5 камеланов.

1 мамунт.

Тунгус Яков Максимов служил присмотрщиком за казёнными оленями Гиллюйского отряда Экспедиции от 15го Апреля по 1^е Октября сего 1852 года, всего 5 ½ месяцев, хорошо и верно, удовлетворен договорным жалованием по 4 рубли 35 ½ коп. серебром в месяц, за все время суммою денег серебром двадцать одним рублем семедесять семь

³³ Написано на полях.

³⁴ Джана — река в Хабаровском крае, левый приток Уды.

³⁵ Большое Токо — озеро на Алданском нагорье в юго-восточной части Якутии.

³⁶ Белькачи — река в Якутии, приток Алдана.

с половиною копейками, и получил от экспедиции наградных денег серебром пятнадцать рублей и более никаких требований не имеет.

Вместе с тем я привожу к сведению Командира Удскаго Края, что Конгаласскаго Улуса, Буёгинскаго Наслега Тунгус Кирик Баженов, служивший лотцманом при Гиллойском отряде и заболевший ногами был отправлен мною в кожанной байдарке с рапортом к Г. Начальнику Экспедиции, от устья маленькой речки, с левой стороны падающей в Коюам, — в 6 кёсах выше устья Курунг-уряха³⁷ — по Коному вниз. Но о Тунгусе Кирике Баженове до сего времени никаких сведений не имеются.

Астроном Л. Шварц».

Это письмо Аммосов получил 22 ноября 1852 года. В нём упоминается ещё один уже известный исследователям участник экспедиции тунгус Кирик Баженов³⁸. Он изготовлял для экспедиции лодки и управлял ими при плавании вдоль берегов Охотского моря, по рекам Зее и Алдану. Впоследствии за свои труды он был награждён серебряной медалью на Анненской ленте для ношения на шее [4].

Другие участники Забайкальской экспедиции также не остались без вознаграждения. Об этом свидетельствуют распоряжения начальника экспедиции Н. Х. Агте: «Деньги раздай по бумаге...», «для окончательных расчётов... с экспедицией», «заплачу хорошо». По другим письмам можно предположить, сколько эти вознаграждения составляли: «плату за переезд туда и обратно по пяти рублей серебром каждый», «удовлетворен договорным жалованием по 4 рубли 35 коп. серебром в месяц», «получил от экспедиции наградных денег серебром пятнадцать рублей».

Топографу С. В. Крутикову, как уже было сказано выше, «за понесенные труды при исследовании Забайкальского края около берегов Восточного океана и р. Амура» было высочайше даровано добавочное жалование 200 рублей серебром в год.

К наградам участники экспедиции были представлены весной 1853 года, когда император Николай I, изучив все съёмки и карты Восточной Сибири, составленные как членами Забайкальской экспедиции, так и другими представителями Генерального штаба Восточной Сибири, вызвал к докладу Н. Н. Муравьёва и Н. Х. Агте. «Государь принял очень милостиво полковника Агте, рассматривал все карты, расспрашивал его подробно о его путешествии и сведениях, им собранных...», а затем сказал о пространстве Приамурья от Буреи до моря: «Итак, это наше! — и, обратившись к военному министру, добавил: — Так и снесите об этом с

китайцами». Докладом и полученными из него сведениями он остался очень доволен и на следующий день осыпал наградами генерала Муравьёва, полковника Агте и всех членов экспедиции [15, с. 273].

Забайкальская экспедиция, продолжавшаяся три с половиной года, завершилась в конце 1852-го. Её участники исследовали огромную территорию — около трёх миллионов квадратных километров, общая длина их рабочих маршрутов составила более двадцати тысяч километров. По результатам исследований были составлены карты, где впервые были нанесены речные системы, горные хребты и другие географические объекты. Н. Х. Агте составил карту, «на которой было обозначено, какое именно пространство на левом берегу Амура местные жители, подданные Китайской империи, называют им принадлежащим и с какого места считают земли, на Амуре же, принадлежащими России» [15, с. 272–273].

Амурская экспедиция

Почти одновременно с Забайкальской экспедицией в феврале 1849 года была утверждена экспедиция на устье Амура под командованием Г. И. Невельского³⁹. Она длилась с 1849-го по 1855 год и впоследствии получила название «Амурская экспедиция». Основными её целями министр иностранных дел К. В. Нессельроде считал установление прочных отношений с гиляками и наблюдение за действиями иностранцев. В случае если бы экспедиция убедилась в желании иностранцев занять какой-либо пункт на Амуре или Сахалине, было приказано напрямую уведомлять об этом китайское правительство, минуя российское. Но самое главное, что требовалось от Г. И. Невельского, — отыскать на Амуре выгодный пункт, который можно было бы со временем занять [12, с. 8].

Эту инструкцию получил Н. Н. Муравьёв, когда он находился в Иркутске. Он отправил её со штабс-капитаном Корсаковым⁴⁰ в Охотск для передачи Г. И. Невельскому, но тот самовольно, не дожидаясь указаний, уже исследовал Сахалин и устье Амура. Во время этого похода Невельский определил, что Сахалин — остров, а Амур судоходен.

Это судьбоносное для России открытие было сделано без высочайшего повеления, была нарушена субordi-

³⁹ Невельской Геннадий Иванович (1813–1876) — российский адмирал, выдающийся исследователь Дальнего Востока, руководитель Амурской экспедиции (1850–1855 гг.), основатель г. Николаевска-на-Амуре.

⁴⁰ Корсаков Михаил Семёнович (1826–1871) — русский государственный деятель, военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска (1855–1860), генерал-губернатор Восточной Сибири (1861–1871). В 1848 г. назначен офицером по особым поручениям к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву.

³⁷ Курун-Урях — река (ручей) в Аяно-Майском районе Хабаровского края.

³⁸ В работах современных исследователей встречается написание имени Кирик Бадряннов.

нация. Помня о дерзости Н. Н. Муравьёва, отменившего высочайше утверждённую Забайкальскую экспедицию, граф Нессельроде обвинил Невельского в государственной измене и потребовал разжаловать его в рядовые. Но император Николай I посчитал поступок Невельского «молодецким, благородным и патриотическим» и наградил его орденом Святого Владимира 4-й степени [10, с. 114].

В 1851 году Невельской снова был направлен на Дальний Восток, где исследовал берега в районе устья Амура, Амурского лимана и Татарского пролива, континентальные части Амурского и Уссурийского краёв и острова Сахалин. Сам он так писал об этой экспедиции: «Цель, которую решился преследовать я с моими сотрудниками... состояла в том, чтобы обнаружить перед правительством важное значение для России амурского бассейна с его побережьями, и тем положить твердое основание к признанию навсегда за Россией этого края» [10, с. 137].

В собрании автографов ДВГНБ хранятся два письма 1854 года, относящиеся к этой экспедиции: предписание уряднику Аммосову, сделанное 9 марта капитаном 1-го ранга Г. И. Невельским, и рапорт от 25 мая — ответ Аммосова Невельскому.

*«Состоящего
по особым поручениям
при
Генерал Губернаторе
Восточной Сибири
9. Марта 1854 года
№ 49.*

Командиру Удского Острога Уряднику Аммосову.—

По прибытии Тунгуса Василия Семенова в Удской Острог и по доставлении им почты, — Предписываю тебе немедленно означенную почту отправить из удского для самоскорейшаго доставления Ее в Порт Аян. На том же основании как то было прежде тебе предписано мною [Капитан 1 ранга] Невельской».

Аммосов получил указания Невельского 21 апреля 1854 года, а 25 мая отправил ответное письмо:

*«Командира
Удского Края
Урядника Аммосова
Рапорт
Мая 25 дня
1854 г.
№ 77.
Удский Острог*

Состоящему По особым Поручениям При Генерал Губернаторе Восточной Сибири Г. Капитану 1го ранга Невельскому.

Во исполнение Предписания Вашего Высокоблагородия последовавшего от 9. Марта настоящего года № 49 полученнаго мною 21го ч. минув. Апреля относительно По пребывии тунгуса Василья Семенова в удский Острог и по доставлении им почты немедленной отправки в Порт Аян.

В следствие чего Вашему Высокоблагородию Покорнейше Честь имею донести. Что тунгус Василей Семенов приехав с почтою 18 ч. Апреля на урочище Чумукан⁴¹ от стоящаго От Удского Острога в 90 вер. означенную почту для доставления в порт Аян передал Аянского Ведения Мякягирскаго рода тунгусу Никите Иванову который того ж числа отправился а семенов незаехавши в Удское Уехал Обратно.

О чем к сведению Вашего Высок. честь имею Отрапортовать.

и представить Билет Данный тунгусу Василью Семенову от 9. Марта № 48».

В небольшом письме Невельского даны лишь указания Аммосову о доставлении почты в порт Аян. Но если посмотреть на дату его написания и просьбу Невельского о немедленном и «самоскорейшем» её доставлении, то можно предположить, что корреспонденция эта содержала важные документы, касающиеся политических и государственных дел. Так, например, зимой 1853–1854 года в бухте Постовой Императорской Гавани⁴² разыгралась трагедия: при отсутствии запасов продовольствия туда были незапланированно отправлены на зимовку два судна, начался голод и цинга, вследствие чего погибли 29 человек из 90. Невельской предпринял ряд мер, чтобы как можно скорее обеспечить моряков продовольствием.

В феврале 1854 года Невельской, находясь в Петровском зимовье⁴³, получил почту из Аяна от генерал-губернатора Н. Н. Муравьёва, который уведомил его о нескольких важных событиях: о результатах экспедиции подполковника Н. Х. Агте в Удском крае, об объявлении войны с Турцией и ожидаемом разрыве с западноевропейскими державами⁴⁴ и, как следствие, возможном нападении неприятелей [10, с. 281].

41 Чумикан — село, административный центр Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края, порт на Удской губе Охотского моря.

42 Императорская Гавань — залив, современное название — Советская Гавань.

43 Петровское зимовье — военно-административное поселение, основанное Г. И. Невельским в 1850 г. в заливе Счастья Охотского моря. В начале XX в. примерно на этом месте был образован рыбацкий посёлок Петровская Коса, сегодня в нём проживает один житель.

44 О разрыве с западными державами Г. И. Невельской узнал 5 июня 1854 г.

Ещё одна важная новость в письме генерал-губернатора касалась первого сплава по Амуру. Весной 1853 года Н. Н. Муравьёв встретился с императором Николаем I и доложил ему о результатах исследований Амурской и Забайкальской экспедиций, которые определили направление Хинганского хребта, идущего от верховьев реки Уды к югу, о направлении главных притоков Амура, берущих начало из восточного склона этого хребта. Эти факты доказывали, что по точному смыслу Нерчинского договора права на Амур принадлежали России. Также Муравьёв доложил, что из-за ожидаемого конфликта с западными державами и возможного открытия военных действий необходимо укрепить Петропавловский порт на Камчатке. Для этого он просил разрешение на сплав по Амуру, так как берегом было невозможно доставить туда продовольствие, оружие и войска [10, с. 326]. В начале 1854 года было получено разрешение, и в мае флотилия во главе с Н. Н. Муравьёвым совершила первый сплав по Амуру [10, с. 330].

Таким образом, почта, отправленная Невельским из Петровского зимовья в Аян через Удский острог, вполне могла содержать документы, касающиеся описанных выше событий. Эта почта доставлялась тунгусами. Ещё в 1851 году Невельской заключил с ними соглашение о доставлении зимним путём, верхом на оленях, писем и депеш из Петровского в Аян, не более двух раз за зиму⁴⁵ [10, с. 124]. Почта, отправленная с тунгусами, шла очень долго, иногда 2–3 месяца, так как туземцы поначалу не понимали важности своевременной её доставки. «Весьма нередко тунгус, отправленный с почтой из Петровского, чрез две или три недели возвращался с дороги обратно с объяснением, что он мало взял с собою порошу и чаю; он вешал в подобных случаях сумку с почтой на березу и просил, чтобы пополнили эти запасы» [10, с. 125]. Расстояние от Петровского до Аяна было около 1 000 километров вдоль берега и, судя по рапорту Аммосова, разделялось на участки: от Петровского до Чумикана почту вёз один тунгус, от Чумикана до Аяна — другой.

В романе Н. Задорнова «Война за океан» так описано прибытие почты в Петровское зимовье: «Вдруг прямо напротив пакгауза появился на льду всадник на олене, за ним — другой... Вскоре Антип, тунгус, привезший почту, седоусый, сероглазый, с широким лицом, сидел в комнате на табуретке. Из большой кожаной сумки появились сразу две почты. Антипа наскоро расспросили про Аян и отпустили. Началось распечатывание пакетов....»

Были письма... всем офицерам, нескольким нижним чинам и целая куча писем Невельскому — с орлами и без орлов» [5, с. 74].

Когда были написаны ответные письма, «почтари» отправлялись обратно в Аян: «Утром в назначенный день ещё затемно олени загремели боталами под окнами домика начальника экспедиции. Антип сидел на табуретке в столовой. Сын его устроился у двери на корточках. Офицеры и приказчики были в сборе. Заливались каплями пылающего сургуча последние пакеты.

— Провизии у тебя хватит до Аяна? — спросил Невельской у Антипа.

— Как же, — отвечал тунгус.

Старик встал, снял парку и меховую рубаху, надел на шею и пристегнул ремнями к телу кожаную сумку, в которой упакованы письма, и снова оделся.

— Тяжелая сумка!

Невельской заставил почтарей проверить свои ружья и пистолеты. Вскоре ботала зазвенели, и всадники на оленях медленно тронулись» [5, с. 77].

И Г. И. Невельской, и Н. Х. Агте привлекали к работе в своих экспедициях тунгусов, так как они были честны, добры, трудолюбивы, в этих краях никто лучше них не знал особенностей территории и не располагал знаниями, опытом, чтобы преодолевать горные хребты, северную тайгу.

Представленные в статье письма были включены в коллекцию «Автографы» Николаевской публичной библиотеки⁴⁶ предположительно в конце XIX века, и, вероятно, не только как образцы подписей знаменитых исследователей Дальнего Востока, но и как редкие исторические документы всем известной Амурской экспедиции и секретной и впоследствии забытой Забайкальской. Имена их главных участников хорошо всем знакомы — о них написаны книги, статьи, сняты кинофильмы. Но были и рядовые исполнители, которые просто выполняли поручения начальства и тем самым вносили свой вклад в общее дело. Письма, хранящиеся в ДВГНБ, открывают исследователям ранее неизвестные имена участников этих экспедиций — жителей Удского края, казаков и, конечно же, тунгусов, работавших проводниками, переводчиками, ямщиками, лоцманами, без которых успех экспедиций вряд ли бы состоялся.

45 Летом почта доставлялась в Аян на казённых судах.

46 Сегодня Дальневосточная государственная научная библиотека.

Список использованных источников

1. Анисимов, А. Л. Помощь россиянам иностранцам, потерпевшим кораблекрушение на побережье Дальнего Востока Российской империи (50–60-е годы XIX века) / А. Л. Анисимов // История и культура Приамурья. — 2012. — № 1 (11). — С. 12–13.
2. Архив Крутиков Степан Васильевич [Электронный ресурс] // Виктор Линников : [страница в социальной сети Мой Мир@Mail.Ru] / В. Линников. — Электрон. граф. дан. (15 файлов). — [Россия, 2012]. — Режим доступа : <https://my.mail.ru/list/victor-lin/photo/1173/1174.html>, свободный. — Загл. с экрана.
3. Болховитинов, Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867 / Н. Н. Болховитинов. — Москва : Наука, 1990. — 368 с.
4. Заблоцкий, Е. М. Забайкальская экспедиция 1849–1852 гг. [Электронный ресурс] / Е. М. Заблоцкий // Горное профессиональное сообщество дореволюционной России / Е. М. Заблоцкий. — Электрон. дан. — [Б. м., 2005?]. — Режим доступа : <http://rusmin.narod.ru/zabexp.html>. — Загл. с экрана.
5. Задорнов, Н. П. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 6 : Война за океан / Н. Задорнов. — Москва : Худож. лит., 1979. — 686 с.
6. Зиновьев, В. П. К истории русско-китайских отношений. Забайкальская экспедиция 1849–1852 гг. / В. П. Зиновьев // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2013. — № 366. — С. 56–60.
7. Иннокентий (Попов-Вениаминов Иван Евсеевич; митрополит Московский и Коломенский). Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского : 1828–1855. Кн. 1 / Иннокентий (Попов-Вениаминов Иван Евсеевич; митрополит Московский и Коломенский) ; собр. И. Барсуковым. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1897. — XIV, 480, V с.
8. Кириллов, А. В. Материалы для христианской миссии на Амуре, со времени присоединения его к России до 1865 года / А. Кириллов // Камчатские епархиальные ведомости. — 1896. — № 3. — С. 47–59.
9. Национальный архив Республики Саха (Якутия): путеводитель в 2 ч. Ч. 1 : 1663–1919 / Ком. гос. арх. службы Респ. Саха (Якутия), Нац. арх. Респ. Саха (Якутия). — Якутск : Якутский край, 2007. — 216 с.
10. Невельской, Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849–1855 г. : Приамурский и Приуссурийский край / Г. И. Невельской. — Санкт-Петербург : Русская Скоропечатня (П. С. Нахимова). — 1878. — VII, IV, 424 с.
11. Свербеев, Н. Сибирские письма / Н. Свербеев // Вестн. Императ. Рус. геогр. о-ва. — 1853. — Ч. 8. — [Отд. 7]. — С. 101–102.
12. Сильницкий, А. П. Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России, с 1847–1855 год, извлечённые из дел Владивостокского портового архива / А. Сильницкий. — Хабаровск : тип. Штаба Приамур. воен. округа. — 1897. — 134 с.
13. Скобельцын, Г. Д. Записки / Г. Д. Скобельцын // Ист. вестн. — 1894. — Т. 58. — С. 189–210.
14. Спижевой, Н. Е. Исследования в бассейне реки Уды Тугуро-Чумиканского района / Н. Е. Спижевой // Вестн. Сахалин. музея. — 2003. — № 10. — С. 185–200.
15. Шумахер, П. В. К истории приобретения Амура : сношения с Китаем с 1848 по 1860 год / П. Шумахер // Рус. архив. — 1878. — Кн. 3, [тетр.] 11. — С. 257–342.

Материал поступил в редакцию 12.01.2018 г.

Сведения об авторе: Воропаева Александра Валерьевна, заведующий отделом «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: red-dvgnb@mail.ru; тел. (4212) 31-23-23.

РАДИШАУСКАЙТЕ НАТАЛЬЯ ВИТАУТОВНА

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ НА КНИГАХ Н. И. ГРОДЕКОВА

(из коллекции фонда редких и ценных изданий Дальневосточной государственной научной библиотеки)

Исследование посвящено книгам с дарственными надписями из личной библиотеки приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродекова. Служа строго и честно, он заработал добрую славу в Туркестане и на Дальнем Востоке, уважение и любовь подчинённых. Свидетельством этого являются издания, подаренные Николаю Ивановичу авторами, переводчиками, составителями. В настоящей статье рассматриваются книги, преподнесённые Н. И. Гродекову его знакомыми и сослуживцами по Туркестану, где он служил в 1876–1893 годах: А. А. Диваевым, В. П. Наливкиным, Е. Т. Смирновым. Приводятся краткая информация о подаренных изданиях и биографические сведения о дарителях, прослеживаются их связи с генералом Гродековым. Статья охватывает только часть имеющихся в коллекции Н. И. Гродекова автографов. Публикация будет продолжена по мере изучения собрания.

Ключевые слова: личные библиотеки, Н. И. Гродеков, А. А. Диваев, В. П. Наливкин, Е. Т. Смирнов, дарственные надписи, автографы на книгах, книги с автографами.

Keywords: private libraries, personal libraries, N. I. Grodekoff, A. A. Divaev, V. P. Nalivkin, Y. T. Smirnoff, gift inscriptions, book inscriptions, signed books.

В коллекции книг Николая Ивановича Гродекова, хранящейся в фонде редких и ценных изданий Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ), четверть составляют книги и альбомы с дарственными надписями — это издания, подаренные Николаю Ивановичу авторами, составителями, просто хорошими знакомыми и друзьями. В коллекции из 159 томов насчитывается 40 таких документов. Большая часть автографов связана с туркестанским (1876–1893 гг.) и дальневосточным (1894–1902 гг.) периодами жизни генерала. Служа строго и честно, Н. И. Гродеков заработал добрую славу в Туркестане и на Дальнем Востоке, уважение и любовь подчинённых. Исполняя свои прямые, административные, обязанности, Николай Иванович заботился также о всестороннем развитии местности, об улучшении доли живущего там народа, о «приведении в известность» отдалённых окраин Российской империи. Обо всём этом свидетельствуют и автографы на книгах, подаренных Гродекову его друзьями, знакомыми, сослуживцами.

Автографы туркестанского периода

Половину книг с дарственными надписями (20 экземпляров) в собрании Николая Ивановича Гродекова можно отнести к туркестанскому периоду его жизни. Гродеков сначала участвовал в походах русской армии в Средней Азии, а потом в течение десяти лет (с 1883-го по 1893 г.) служил военным губернатором Сыр-Дарьинской области. О его отношениях с сослуживцами и подчинёнными, симпатиях и антипатиях к окружавшим его людям в написанной историком Н. И. Дубининой биографии¹ сказано совсем немного, поэтому, не имея доступа к личному архиву генерала, мы можем узнать о его знакомствах и дружеских привязанностях только по дарственным надписям на принадлежавших ему книгах. Попытаемся найти связь Гродекова с людьми, дарившими ему свои сочинения, предположить, в каких они находились отношениях. Правда, это можно проследить только с теми дарителями, чьи биографические сведения нам удалось обнаружить. (К сожалению, о многих из них информация в доступных нам источниках практически отсутствует.)

Авторами «туркестанских автографов» на книгах Гродекова были десять человек. Двое из них преподнесли

генералу не по одной, а по несколько своих книг: это были А. А. Диваев и В. П. Наливкин. О них и пойдёт речь в первую очередь.

Фольклорист, этнограф и лингвист Абубакир Ахметжанович Диваев родился в Оренбурге в 1856 году. Там он окончил Неплюевскую военную гимназию и был направлен на военную службу в Туркестан, а точнее — в Ташкент, где и прожил до самой смерти в 1933 году. Владея арабским, персидским и многими тюркскими языками, Абубакир Ахметжанович служил в Туркестане переводчиком: в 1877–1881 годах — в нескольких уездах Туркестанского края, а с 1881-го по 1906 год — при военном губернаторе Сыр-Дарьинской области, которым с 1883-го по 1893 год был Н. И. Гродеков. По нуждам службы переводчику приходилось много разъезжать. Находясь в командировках, Диваев изучал быт, нравы, обряды и обычаи коренных народов. Исследователь записал и перевёл на русский язык эпос, сказки, легенды, песни, пословицы казахов, узбеков, каракалпаков и других народов Средней Азии.

Абубакир Ахметжанович не только сам собирал местный фольклор, но ещё и создал «сеть информаторов», присылавших ему новые материалы. «Систематизируя собранный материал для публикаций, автор группировал его по жанрам и проблематике: животный эпос (басни); былинный эпос; сказочный эпос; легенды, сказки, предания; пословицы, поговорки, загадки; свадебный ритуал; похоронный ритуал» [4]. Печатая среднеазиатский фольклор, Диваев снабжал его научными комментариями, объяснениями непереводаемых терминов и слов [12]. Собранные материалы он публиковал в периодических изданиях различных научных обществ и организаций (большая их часть помещена в разных выпусках «Материалов для статистики Сыр-Дарьинской области») и выпускал отдельными тиражами. Именно такие отдельные оттиски он и дарил Николаю Ивановичу с памятными автографами.

О роли Н. И. Гродекова в деятельности Абубакира Ахметжановича пишет в своём диссертационном исследовании А. С. Исабаева: «Большую роль в становлении А. А. Диваева как собирателя местного фольклора сыграл военный губернатор Сырдарьинской области Н. И. Гродеков, имевший, по воспоминаниям современников, блестящее образование и обладавший самыми широкими умственными запросами. Собирая материал для своей книги “Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области”, в которой очень ёмко и содержательно был представлен быт, обычаи и обряды казахов, он смог заинтересовать этими вопросами будущего учёного, помогавшего ему в сборе свадебных обрядовых песен. Начиная свои первые сборы фольклорных материалов, А. А. Диваев тогда даже не представлял, что собирательство превратится из простого времяпрепровождения в дело всей его жизни» [7, с. 9].

¹ Дубинина Н. И. *Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков. Хабаровск : Приамур. геогр. о-во : Приамур. ведомости, 2001. 349, [3] с.*

В собрании книг Н. И. Гродекова, хранящемся в ДВГНБ, имеются восемь изданий А. А. Диваева с дарственными надписями автора генералу. Все они, судя по датам, преподносились не лично, а отправлялись почтой из Ташкента. Так, самая ранняя надпись на выпуске «Этнографических материалов» (Ташкент, 1893) датирована январём 1894 года, когда Николай Иванович уже уехал из Туркестана на Дальний Восток. Надпись очень простая, она сделана чернилами на титульном листе и гласит: «Его превосходительству, Николаю Ивановичу Гродекову почтительнейше преподносит Автор. 7 января 1894 г. г. Ташкент».

Ещё две книги («Из области киргизских верований: Баксы как лекарь и колдун» и «Киргизская былина о Бикет-Батыре») преподнесены Н. И. Гродекову автором 6 февраля 1900 года. На первой на титульном листе написано: «Его высокопревосходительству Николаю Ивановичу Гродекову с чувством глубокого почтения подносит автор. 6 февр. 1900 г. Ташкент», на второй запись точно такая же, но слово «автор» заменено на слово «переводчик». В 1900 году генерал-лейтенант Гродеков занимал должность приамурского генерал-губернатора и в Туркестан не выезжал, значит, бывший подчинённый отправил свой труд на Дальний Восток почтой. И, несмотря на все неприятности, которые зачастую происходили с почтовыми отправлениями на их пути на российский Дальний Восток (а на задержки и исчезновения посылок и писем жители российской восточной окраины жаловались регулярно), это отправление дошло до адресата. (Возможно также, что Абубакир Ахметжанович передал своё послание с оказией: очень многие военные переводились из Туркестана на Дальний Восток, поэтому сделать это было не так уж сложно.)

Последним по хронологии даром А. А. Диваева генералу Гродекову стали пять его изданий, преподнесённых 4 октября 1905 года, то есть незадолго до выхода самого Диваева в отставку. В это время Н. И. Гродеков жил в Санкт-Петербурге, служа в Государственном Совете и Совете государственной обороны. По-видимому, эти книги также были либо отправлены почтой, либо переданы Николаю Ивановичу с оказией.

Но Абубакиру Ахметжановичу довелось снова встретиться с генералом Гродековым. В 1906 году Николая Ивановича назначили туркестанским генерал-губернатором, и в январе 1907-го он приехал на место службы. Управляющий канцелярией туркестанского генерал-губернатора В. А. Мустафин, описывая в воспоминаниях о Гродекове свою первую встречу с новым начальником, упоминает, что вместе с Николаем Ивановичем в одном вагоне прибыл, помимо прочих, и А. А. Диваев [11, с. 149]. К тому моменту Абубакир Ахметжанович уже вышел в отставку и руководил татарской

школой в Ташкенте, но, очевидно, узнав о приезде Николая Ивановича, поспешил ему навстречу. (Тот же В. Мустафин пишет, что «несколько человек почетных киргизов, нетерпеливо желавших скорее повидать своего бывшего любимого губернатора», выехали для этого в Оренбург и вернулись в Туркестан в одном вагоне с Гродековым [11, с. 149]. Так же мог поступить и А. А. Диваев.) После отъезда генерала из Туркестана в 1908 году они, вероятно, больше не виделись.

Н. И. Гродеков умер в 1913 году. Абубакир Ахметжанович пережил его на 20 лет. Он принял советскую власть и плодотворно трудился на благо любимой Средней Азии. С 1918-го по 1925 год Диваев преподавал в Туркестанском народном университете, в 1925–1933 годах состоял членом учёного совета восточного факультета Среднеазиатского государственного института. Он вёл активную общественную и научную деятельность, участвовал в многочисленных научных обществах, общественных и государственных комиссиях и комитетах, чья деятельность была направлена на развитие среднеазиатских территорий, улучшение жизни и быта их населения. А. А. Диваев продолжал собирать (участвуя в этнографических экспедициях), переводить и издавать фольклорные произведения народов Средней Азии. Наследие, оставленное учёным, огромно: уже в 1916 году ташкентский журналист К. Тимаев отмечал в своей статье в «Туркестанских ведомостях», что «за четверть века набралось 7 печатных томов этнографических материалов А. А. Диваева по изучению казак-киргизов, что составляет около 1 600 печатных страниц» [цит. по: 7, с. 10]. Казахская исследовательница Л. В. Наурызбаева, говоря о дореволюционных публикациях А. А. Диваева, называет цифру в 130 работ [12]. В советские годы учёный продолжал активно работать и печататься. Он ушёл из жизни в 1933 году в возрасте 96 лет.

Ещё одним подчинённым Н. И. Гродекова, служившим с ним в Туркестане и подарившим ему на память свои издания, был офицер, чиновник, этнограф и лингвист Владимир Петрович Наливкин. В библиотеке Николая Ивановича на Дальнем Востоке хранились пять работ В. П. Наливкина, три из которых были подарены ему автором: «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда» (Казань, 1884), «Русско-персидский словарь общеупотребительных слов по наречиям Туркестанского края» (Казань, 1888) и перевод на французский язык труда «Краткая история Кокандского ханства» (Histoire du Khanat de Khokand. Paris, 1889).

Судьба Владимира Петровича Наливкина чрезвычайно интересна. О нём написано немало статей и книг,

которые воздают должное научной, административной и просветительской деятельности этого человека². Начав свой путь офицером, приняв участие в двух среднеазиатских походах русской армии: Хивинском походе 1873 года, в котором также участвовал Н. И. Гродеков, и Кокандском походе 1875 года, Наливкин разочаровался в военной карьере. В 1876 году, женившись на Марии Владимировне Сарторий, он перевёлся из действующей армии на службу в Военно-народное управление Туркестанского края. Его назначили помощником начальника Наманганского уезда Ферганской области, но, прослужив всего год, Наливкин вышел в отставку и поселился вместе с женой в отдалённом кишлаке среди коренных жителей Туркестана. Он объяснял свой поступок тем, что, «находясь на службе в должности помощника Наманганского уезда, он столкнулся с рядом трудностей в связи с незнанием языка, быта, истории края и хотел восполнить эти пробелы» [9, с. 76].

Шесть лет Владимир Петрович с женой и детьми жили как коренное население: ютились в сакле, кочевали на лето в горы, сами возделывали землю, вели хозяйство точно так же, как делали это окружавшие их «туземцы». Молодая жена Владимира Петровича, воспитывавшаяся как дворянка, получившая образование в Смольном институте благородных девиц, сама готовила, убирала, обихаживала животных, воспитывала детей. Её наблюдения за жизнью женщин в Средней Азии, в которую она смогла проникнуть первой из европейек, легли в основу совместного большого труда Наливкиных — «Очерка быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» (Казань, 1888). Во время проживания в кишлаке Нанай Наливкины составили «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда», опубликованный ими после возвращения к европейскому образу жизни в 1884 году. По воспоминаниям сослуживца Наливкина Г. П. Фёдорова, «проживши в виде заурядного сарта несколько лет, он [В. П. Наливкин] и его жена великолепно изучили туземный язык, нравы и обычаи туземцев» [20, с. 882].

В 1884 году Владимир Петрович вернулся на службу и получил должность младшего чиновника особых пору-

чений при военном губернаторе Ферганской области. Он быстро приобрёл известность как знаток местных языков, обычаев и нравов. В конце года Наливкин по распоряжению туркестанского генерал-губернатора Н. О. фон Розенбаха, который заметил знающего и способного чиновника, перешёл в систему Министерства народного просвещения и стал заведующим русско-туземной школы в Ташкенте и одновременно преподавателем сартовского и персидского языков в Туркестанской учительской семинарии, готовившей учителей для работы с коренным населением и переводчиков [1]. Там он проработал до 1891 года.

Как раз в этот период военным губернатором Сыр-Дарьинской области был Н. И. Гродеков. Он, конечно, знал о В. П. Наливкине, возможно, даже общался с ним. В 1884 году Гродеков начал работу над своей книгой «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области», первый том которой он хотел посвятить юридическому быту коренных народов области. Основой для него должны были служить решения, принятые местными биями (родовые старейшины) по различным юридическим вопросам. Такие решения выносились на основе существовавших обычаев, то есть обычного права. Сначала Н. И. Гродеков поручил сбор требуемых сведений местной администрации, но «присланный материал, собранный чрез безграмотных переводчиков, не имел никакой цены» [3, с. V]. Губернатор был вынужден на некоторое время отложить свой замысел, однако в начале 1886 года он познакомился с А. Н. Вышнегорским, который был филологом по образованию и за десять лет своего пребывания в Туркестане выучил киргизский, сартовский и персидский языки, да так хорошо, что некоторое время преподавал местные наречия в Туркестанской учительской семинарии [5, с. 162]. Именно отличное знание туземных языков привлекло внимание Николая Ивановича к Вышнегорскому: Гродекову «пришло на мысль пригласить его собрать адаты» [3, с. V]. При этом он «обратился с просьбой к известному знатоку Средней Азии, В. П. Наливкину, составить программу для сбора постановлений киргизского обычного права» [3, с. V]. Наливкин просьбу губернатора выполнил, материалы были собраны и обработаны, и в 1889 году вышел из печати до сих пор пользующийся популярностью труд Н. И. Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области».

Николай Иванович своей прямотой, заботой о местном населении, стремлением знать язык и обычаи коренных жителей должен был импонировать В. П. Наливкину. По воспоминаниям его внука, И. Б. Наливкина, «Владимир Петрович был антиподом чеховского “человека в футляре”, и ему было совершенно несвойственно скрывать свои взгляды, поступать не так, как подсказывала его совесть, опасаться, “как бы чего не вышло”» [9, с. 80]. Эти черты характера сближали его с Николаем Ивановичем Гродековым,

² См., например: *Полвека в Туркестане. В. П. Наливкин: биография, документы, труды* : [сборник] / [ред.-сост. С. Н. Абашин и др.]. М., 2015. 688 с. ; Котюкова, Т. В. Антипод «человека в футляре» : воспоминания о В. П. Наливкине // *Вост. арх.* 2010. № 1 (21). С. 76–89 ; Арапов, Д. Ю. Владимир Петрович Наливкин // *Мусульманская Средняя Азия : традиционализм и XX век* : [сборник]. М., 2004. С. 13–17 ; Наливкин, И. Б. *Имя твоё — Учитель : повесть о Владимире Петровиче Наливкине, рус. патриоте, казаке, воине, учёном, просветителе, педагоге, писателе, революционере, гос. и обществ. деятеле, напис. по док. и воспоминаниям его внуком Иваном Борисовичем Наливкиным. Омск, 2001. 173 с.* ; Якубовский, Ю. О. *Владимир Петрович Наливкин. Член Государственной думы и его туркестанское прошлое. Ташкент, 1907 и др.*

которого он, по-видимому, очень уважал и ценил. Об этом свидетельствуют преподнесённые им Гродекову экземпляры собственных изданий с дарственными надписями.

Судьба Владимира Петровича складывалась сложно, «биография его изобилует различными столкновениями и конфликтами» [9, с. 80]: его жажда справедливости, нетерпимость к злоупотреблениям, взяточничеству и казнокрадству приводили к раздорам с начальством и вынужденной смене места службы. Но, несмотря на это, он всегда много и успешно работал на благо Туркестанского края, и карьера его была вполне благополучной, с точки зрения продвижения по служебной лестнице.

С 1891-го по 1901 год Наливкин служил инспектором училищ Туркестанского края, а в 1901 году был назначен помощником военного губернатора Ферганской области, которым в то время был Г. А. Арндаренко. Однако отношения с непосредственным начальником у Владимира Петровича не сложились, последовала целая серия конфликтов, в 1904 году закончившаяся отстранением военного губернатора от должности и очередным переводом Наливкина на другое место службы. В этом противостоянии, по свидетельству Г. П. Фёдорова, вина была обоюдная: «Арндаренко почти всегда был неправ, но старался поставить на своем, а Наливкин в своих отношениях к губернатору был очень несдержан и иногда даже груб, чего нельзя было допустить в отношениях подчиненного к начальнику вообще, а в военном ведомстве тем более» [20, с. 884].

В 1906 году В. П. Наливкин вышел в отставку и поселился с семьёй в Ташкенте. Он вернулся к преподаванию: читал лекции по истории ислама и мусульманскому праву, вёл уроки сартовского языка, писал мемуарные заметки для газеты «Русский Туркестан». О том, встречался ли он с Н. И. Гродековым, когда тот в 1907–1908 годах был туркестанским генерал-губернатором, у нас сведений нет.

В 1907 году жители Ташкента избрали Наливкина, как популярного в крае человека, депутатом II Государственной думы. Однако Владимир Петрович неприятно удивил своих избирателей, заявив, что «в Думе... “по убеждению” займёт место среди социал-демократов и вместе с ними будет требовать “земли и воли и удаления гнетущего вас правительства”» [10, с. 52]. Его позиция привела к тому, что после разгона думы, когда Наливкин вернулся в Ташкент, его лишили пенсии, и он был вынужден зарабатывать литературным трудом. Он приветствовал Февральскую революцию 1917 года, снова влился в политическую жизнь, стал активно участвовать в преобразованиях в Туркестане, но вскоре разочаровался в методах новых властей, направлении реформ, так как был противником насилия. Это разочарование и тяжёлые переживания лишь усилились после Октябрьской революции и прихода к власти боль-

шевиков. Последним ударом, по-видимому, стала смерть любимой жены, скончавшейся в 1917 году. В январе 1918 года Наливкин застрелился на её могиле.

По отзывам современников, Владимир Петрович по характеру был «добродушный, благожелательный человек» [20, с. 884], но его родные вспоминали, что в конце жизни он нетерпимо относился к людям, не разделявшим его политических взглядов. «Не в характере В. П. Наливкина было кривить душой и сохранять видимость хороших отношений с людьми, далёкими ему по своим взглядам... От своих многочисленных друзей — в большинстве служащих государственного аппарата — он ожидал присоединения к своим политическим убеждениям, а коль скоро этого не случилось — порывал знакомство. Я вспоминаю, что моя мать называла десятки фамилий людей, которые были когда-то близкими друзьями Владимира Петровича, но во время моего детства они уже не бывали в доме Наливкиных», — писал И. Б. Наливкин [9, с. 81]. Нам не удалось в опубликованных источниках найти информацию о том, поддерживал ли Владимир Петрович отношения с Н. И. Гродековым после отъезда последнего из Туркестана. Известно, что и Гродеков, и Наливкин активно переписывались с самыми разными людьми, но писали ли они друг другу, пока не выяснено.

Зато известно, что с некоторыми сослуживцами по Туркестану судьба продолжала сводить Николая Ивановича и после его отъезда из Средней Азии. Среди таких сослуживцев можно назвать Евгения Тимофеевича Смирнова (1848–1913) — военного чиновника³ и археолога-любителя. В коллекции Н. И. Гродекова хранится ташкентское издание 1898 года «Дервишизм в Туркестане» с дарственной надписью его автора, Е. Т. Смирнова: «Искренно уважаемому Николаю Ивановичу Гродекову, в память данного поручения заняться этим делом...».

Гродеков и Смирнов вместе служили в Туркестане — Евгений Тимофеевич, согласно «Спискам гражданским чинам военного ведомства...», с 1887-го по 1899 год был старшим

3 В материалах Интернета Е. Т. Смирнова иногда называют офицером — это ошибочное утверждение. Он был именно военным чиновником, что подтверждается внесением сведений о нём в «Списки гражданским чинам военного ведомства». В русской императорской армии к военным чиновникам относились лица, занимавшие административные должности по обслуживанию и обеспечению вооружённых сил. Их «деятельность по своему характеру не отличалась от деятельности служащих в гражданских ведомствах, [они] не носили офицерских чинов» и не считались офицерами. «Военные чиновники служили как в войсковых частях, занимая хозяйственные и делопроизводительские должности, так и в управлениях и департаментах Военного и Морского министерств — артиллерийском, инженерном, комиссариатском, провиантском и др., а также в военно-судебном и военно-учебном ведомствах» (Волков, С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 252–253).

чиновником особых поручений при военном губернаторе Сыр-Дарьинской области⁴. Как мы знаем, в 1883–1893 годах пост военного губернатора занимал Н. И. Гродеков, то есть Смирнов служил непосредственно под его началом.

Главным увлечением Евгения Тимофеевича была археология Средней Азии. Он занимался изучением и описанием древностей в окрестностях Ташкента и долине Сырдарьи, стал одним из учредителей Туркестанского кружка любителей археологии в 1895 году. В 1896 году он взялся выпускать «Среднеазиатский вестник», в котором помещал протоколы заседаний кружка и труды его членов, но, издав десять номеров, вынужден был закрыть журнал «вследствие малого числа подписчиков и неимения материала и средств на дальнейшее издание» [6, с. 296].

Е. Т. Смирнов, помимо археологии Туркестана, также интересовался историей и обычаями населявших край народностей. Он состоял действительным членом Сыр-Дарьинского областного статистического комитета, в изданиях которого печатал историко-экономические и этнографические очерки. В 1889 году комитет выпустил биографические очерки султанов Кенисары и его сына Сыдыка, написанные на киргизском языке братом Сыдыка султаном Ахметом Кенисарином. Биографии составлялись в 1887 году по программе, разработанной Е. Т. Смирновым. Подразумевалось, что деятельность султана Сыдыка, «бывшего с русскими войсками при завоевании Средней Азии», представляет собой «интересный и ценный материал для истории покорения нами Кокандского и Хивинского ханств, войн с Бухарою и сношений с Кашгаром» [8, с. I (1-я паг.)]. Евгений Тимофеевич, как он пишет в предисловии, «по поручению г. председателя Сыр-Дарьинского областного комитета генерал-майора Н. И. Гродекова» «переделал» подстрочный перевод рукописи на русский язык для печати и добавил комментарии [8, с. II (1-я паг.)].

Как видим, Н. И. Гродеков имел обыкновение поручать своим подчинённым научную работу. Это же, судя по дарственной надписи, случилось позднее и с исследованием туркестанского дервишизма: им Смирнов также занялся по поручению Николая Ивановича. Но и его самого, наверное, интересовала эта тема, подтверждением чему служит рецензия, написанная им на второе издание книги Н. П. Остроумова «Сарты» (Ташкент, 1896). В ней Е. Т. Смирнов указывает на скудость литературы о дервишизме в Средней Азии, «изучению которого, почему-то, необычайно

не посчастливилось» [18, л. 141, об.], и добавляет: «Думаем, что давно пора приняться за подробное изучение местного дервишизма...» [18, л. 142, об.].

Неизвестно, когда именно Н. И. Гродеков предложил Евгению Тимофеевичу обратить внимание на это явление и заняться его описанием: сочинение Смирнова вышло в 1898 году, при этом из рецензии понятно, что в 1896-м исследование ещё не начиналось, а генерал покинул Туркестан в 1892 году. Возможно, разговор на эту тему состоялся ещё до отъезда Гродекова из Средней Азии, но взяться за воплощение идеи чиновник смог только в 1897–1898 годах.

Дарственная надпись на издании сделана 10 января 1899 года в Ташкенте, а вскоре вышел приказ о переводе Е. Т. Смирнова на Дальний Восток — его назначили делопроизводителем в канцелярию приамурского генерал-губернатора. Прослужив в Туркестане 28 лет, Евгений Тимофеевич был вынужден покинуть ставший родным Ташкент и переехать на другой край российской земли. И опять он попал под начало Н. И. Гродекова, который на тот момент был генерал-губернатором Приамурья. Николай Иванович практически сразу же привлёк старого ташкентского знакомца к общественной деятельности: приехав в Хабаровск, вероятно, в конце июня, Евгений Тимофеевич тотчас оказался включён в состав распорядительного комитета, заведовавшего подготовкой Амурско-Приморской сельскохозяйственной и промышленной выставки [15, с. 6]. Выставка прошла в Хабаровске с 1-го по 15 сентября 1899 года и оказалась чрезвычайно успешной. Генерал-губернатор поручил Евгению Тимофеевичу «составить подробное описание... выставки» [17, с. 2], что и было им сделано в рекордный срок — всего за два с половиной месяца [19, с. II], несмотря на занятость Смирнова в связи с новым назначением 18 сентября 1899 года пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края [16, с. 1] и переездом к новому месту службы, в урочище Новокиевское. За такое старание автору «огромного и обстоятельного труда» приамурский генерал-губернатор объявил «глубокую благодарность» [16, с. 1]. Отметим, что это сочинение Е. Т. Смирнова есть в фонде редких и ценных изданий ДВГНБ⁵.

О службе Смирнова на посту пограничного комиссара в последнее время довольно часто пишут исследователи, изучающие историю дальневосточных границ России, пограничных войск и т. п. Например, И. В. и Д. И. Шмонины среди достижений Евгения Тимофеевича как пограничного комиссара называют создание «обширного агентурного аппарата, который регулярно снабжал его важнейшей информацией о перемещениях китайских войск в Маньчжурии, японских войск в Корею, об обстановке на рус-

⁴ По всей видимости, в «Списках гражданским чинам военного ведомства первых шести классов по старшинству» допущена ошибка: Е. Т. Смирнов, согласно этим «Спискам...», вплоть до 1913 г. числится советником Сыр-Дарьинского областного правления в чине статского советника, хотя Туркестан он покинул в 1899 г., а в 1901 г. получил чин действительного статского советника, что подтверждается «Списками гражданским чинам IV класса» и «Памятными книжками Приморской области».

⁵ Смирнов, Е. Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в гор. Хабаровске. Хабаровск : Тип. канцелярии Приамур. ген.-губ., 1900. II, 446, 214 с.

ско-китайской и русско-корейской границе, о деятельности японских разведывательных органов» [21, с. 214]. Сведения, получаемые через его разведывательную сеть, оказались особо полезны во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. Другой заслугой Е. Т. Смирнова Шмонины считают усовершенствование охраны государственной границы: внедрение разведывательно-поискового метода в деятельность воинских частей и создание шести разведывательно-поисковых отрядов. Также эти авторы указывают, что Евгений Тимофеевич, будучи пограничным комиссаром, «провёл большую... работу по проверке прав на русское подданство корейцев южной части Приморской области, стал настоящим знатоком корейского вопроса» [21, с. 214].

Однако есть и другая точка зрения, причём высказанная в январе 1906 года современником Е. Т. Смирнова — начальником штаба Приамурского военного округа генерал-лейтенантом П. К. Рутковским: «При настоящем положении дел и чрезвычайной важности в военном отношении границы нашей с Кореей, а равно крайней необходимости вести тщательную разведку обо всем, предпринимаемом японцами в Корее, должность пограничного комиссара Южно-Уссурийского края приобретает весьма важное значение, и на эту должность следовало бы назначать людей со специальной подготовкой, знающих Корею, сопредельную с нами, и ее население, и притом непременно офицеров,

то есть лиц, имеющих кроме перечисленных выше качеств еще и солидные военные познания... Знать все, что делается в указанном смысле, одна из главных наших задач по обороне Южно-Уссурийского края. Состоящий ныне в должности пограничного комиссара действительный статский советник Смирнов, не обладающий никакой специальной подготовкой, не знающий местных языков и совершенно не знакомый с военным делом, по моему мнению, совершенно не соответствует занимаемой им должности, приобретающей при современной обстановке значение первой важности» [цит. по: 13, с. 109].

Какая из приведённых оценок вернее, судить не берёмся, однако отметим, что пост пограничного комиссара Южно-Уссурийского края Евгений Тимофеевич занимал 12 лет — до 1911 года. В тот год он подал в отставку и сразу же вернулся в милый сердцу Ташкент. Как пишет историк В. Германов, Е. Т. Смирнов «предполагал издавать здесь большую газету и начал обширную археологическую работу» [2], но его планам не суждено было сбыться — он умер в августе 1913 года.

А книгу, подписанную Евгением Тимофеевичем, Н. И. Гродеков передал в Николаевскую публичную библиотеку почти сразу после получения — в апреле 1899 года [14, с. 7].

Список использованных источников

1. Абашин, С. Н. В. П. Наливкин: «Будет то, что неизбежно должно быть; и то что неизбежно должно быть, уже не может не быть» [Электронный ресурс] / С. Абашин // Ислам в СНГ : [сайт] / Медиа-холдинг «Медина». — Электрон. дан. — [Москва : Медина], 2010. — Режим доступа: <http://www.islamsng.com/uzb/faces/284>, свободный.
2. Германов, В. А. Туркестанский кружок любителей археологии : примат науки или геополитики? [Электронный ресурс] / В. А. Германов // Письма о Ташкенте / [Е. Складчиковский]. — Электрон. дан. — [Ташкент, 2010]. — Режим доступа: <http://mytashkent.uz/2010/02/25/turkestanskiy-kruzhok-lyubiteley-arheologii/>, свободный.
3. Гродеков, Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области / Н. И. Гродеков. — Ташкент : типолитограф. С. И. Лахтина, 1889. — Т. 1 : Юридический быт. — С. I–VI.
4. Диваев Абубекир Ахметжанович (1855-1933) [Электронный ресурс] // HeritageNet — Kazakhstan / [Центр информ. и внеш. связей Центр. гос. музея Республики Казахстан, Ин-т археологии М-ва образования и науки Республики Казахстан]. — Электрон. текстовые дан. — [Алма-Ата, 1998?]. — Режим доступа: <http://old.unesco.kz/heritagenet/kz/participant/scientists/divaev.htm>, свободный.
5. Дмитриев, С. В. А. Н. Вышнегорский и его деятельность по изучению этнографии народов Туркестанского края (к 160-летию со дня рождения) / С. В. Дмитриев // Лавровский сборник : материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012–2013 гг.: этнология, история, археология, культурология / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2013. — С. 161–166.
6. Добросмыслов, А. И. Ташкент в прошлом и настоящем : исторический очерк / А. И. Добросмыслов. — Ташкент : типолитограф. О. А. Порцева, 1912. — VI, II, 520 с.
7. Исабаева, А. С. Педагогические взгляды А. А. Диваева : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Исабаева А. С. — Караганда, 2009. — 28 с.
8. Кенисарин, А. Султаны Кенисара и Садык : биограф. очерки султана Ахмета Кенисарина / обраб. для печати и снабжено примеч. Е. Т. Смирновым. — Ташкент : Сыр-Дарьин. обл. стат. комитет, 1889. — [2], IV, 83, [1], 133, [3], III, [1] с., [6] л. ил.
9. Котюкова, Т. В. Антипод «человека в футляре» : воспоминания о В. П. Наливкине / Т. В. Котюкова // Вост. арх. — 2010. — № 1 (21). — С. 76–89.
10. Лукашова, Н. М. В. П. Наливкин: ещё одна замечательная жизнь / Н. Лукашова // Вестн. Евразии. — 1999. — № 1/2. — С. 36–57.
11. Мустафин, В. А. Николай Иванович Гродеков (1883–1913 гг. Воспоминания-заметки) / В. Мустафин // Ист. вестн. — 1915. — № 10. — С. 141–166.
12. Наурызбаева, Л. В. Роль науки и научное изучение Казахстана в дореволюционный период [Электронный ресурс] / Л. В. Наурызбаева // [Современные научные достижения — 2009] : материалы междунар. науч.-практ. конф. / Publishing house Education and Science s.r.o. — Прага : [Education and Science, 2009]. — Режим доступа: http://www.rusnauka.com/4_SND_2009/Istoria/40400.doc.htm, свободный.

13. Павлов, Ю. А. *Офицеры — пограничные комиссары на Дальнем Востоке (конец XIX — начало XX в.)* / Ю. А. Павлов // *Вестн. ДВО РАН*. — 2007. — № 1. — С. 105–109.
14. *Приамурские ведомости*. — 1899. — № 288 (4 июля). — С. 7.
15. *Приамурские ведомости*. — 1899. — № 289 (11 июля). — С. 6.
16. *Приамурские ведомости*. — 1899. — № 301 (3 окт.), прил. — С. 1.
17. *Приамурские ведомости*. — 1900. — № 314 (1 янв.). — С. 2.
18. Смирнов, Е. Т. Н. П. *Остроумов. Сарты. Этнографические материалы. Издание второе, дополненное. Ташкент, 1896 г. / Е. Смирнов // Туркестанский сборник. — Ташкент, [1909]. — Т. 520. — Л. 140–143.*
19. Смирнов, Е. Т. *Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в гор. Хабаровске / Е. Т. Смирнов. — Хабаровск : Тип. канцелярии Приамур. ген.-губ., 1900. — II, 446, 214 с.*
20. Фёдоров, Г. П. *Моя служба в Туркестанском крае (1870–1910 года) / Г. П. Фёдоров // Ист. вестн. — 1913. — № 12. — С. 860–893.*
21. Шмонин, И. В. *Деятельность управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае по защите национальных интересов Российской империи / И. В. Шмонин, Д. И. Шмонин // Россия и АТР. — 2016. — № 4 (94). — С. 206–217.*

Материал поступил в редакцию 10.01.2018 г.

Сведения об авторе: Радишаускайте Наталья Витаутовна, главный библиотекарь Центра консервации документов и изучения книжных памятников Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: red-dvgnb@mail.ru; тел. (4212) 31-23-23.

ЗАГОРОДНЯЯ КРИСТИНА АНДРЕЕВНА

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ЧАСТЬ КОЛЛЕКЦИИ ФОТОАЛЬБОМОВ ФОНДА РЕДКИХ И ЦЕННЫХ ИЗДАНИЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ (общее описание)

Статья написана по результатам изучения краеведческой части коллекции фотоальбомов, хранящихся в фонде редких и ценных изданий Дальневосточной государственной научной библиотеки. Представлен общий обзор фотоальбомов краеведческой тематики, раскрывается их содержание. Предложен ряд тематических групп, способствующих систематизации изучаемых фотоальбомов.

Ключевые слова: краеведческие фотоальбомы, фотодокумент, дореволюционная фотография, фотоальбом, фонд редких и ценных изданий ДВГНБ.

Keywords: local lore photo albums, photo document, prerevolutionary photography, photo album, fund of rare and valuable publications of the FESSL.

В последние годы исследователи всё чаще стали обращаться к описанию коллекций фотографий отдельных фондов. В архивах, музеях и библиотеках нашей страны хранятся фотодокументы, представляющие огромную ценность для изучения истории, этнографии, фотодела разных регионов. Необходимость раскрытия фондов, введения данных о фотодокументах в научный оборот очевидна.

С 2014 года в Дальневосточной государственной научной библиотеке (ДВГНБ) ведётся научная работа по изучению коллекции фотоальбомов. В 2017 году было решено обратиться к исследованию краеведческой части коллекции. Фотографии, хранящиеся в Центре консервации документов и изучения книжных памятников (ЦКДиИКП), стали документальными свидетельствами многих событий истории нашего края.

До недавнего времени коллекция фотоальбомов конца XIX – начала XX века находилась в двух разных отделах ДВГНБ: в отделе краеведения хранились фотодокументы по истории Дальнего Востока России, а в ЦКДиИКП — фотоальбомы, иллюстрирующие отдельные аспекты истории Российской империи и других стран. Среди них не последнее место занимают альбомы, посвящённые истории Дальнего Востока России. В 2013 году все фотоальбомы и папки с планшетами¹ конца XIX – начала XX века были помещены в фонд отдела ЦКДиИКП ДВГНБ, где хранятся по настоящее время. В связи с этим назрела необходимость описать краеведческую часть коллекции, чтобы иметь общее представление о ней. Было решено раскрыть состав и содержание фотоальбомов краеведческой тематики, определить авторство поступивших в фонд фотоснимков. Эта работа поможет составить целостное представление о данной части коллекции.

Сейчас все краеведческие фотоальбомы размещены в фонде на отдельном стеллаже для удобства использования. На сегодняшний день эта часть коллекции достаточно востребована исследователями нашего края. Но, к сожалению, ещё не все фотодокументы оцифрованы, поэтому до сих пор для работы в читальном зале ЦКДиИКП краеведам выдаются оригиналы не переведённых в цифровую форму документов. Кроме того, эти фотоальбомы так и не получили научного освещения и описания.

На первом этапе исследования были отобраны все краеведческие фотоальбомы из фотоколлекции фонда редких и ценных изданий. Выделенная часть фотодокументов была описана, все краеведческие фотоснимки внесены в реестр (документ в формате Microsoft Excel). Попутно производилась работа по атрибуции фотографий: установление некоторых

фактов и событий, лиц, изображённых на снимках. В реестре отражена информация об инвентарном номере и названии фотоальбома, в котором помещён снимок. Далее следуют порядковый номер фотографии в альбоме, её название, автор, год, место создания. Раскрываются сведения о цветности, размере, типе печати, сохранности и отличительных признаках (особенностях) снимка и фотоальбома, в котором он помещён. Благодаря созданию реестра фотоснимков краеведческой части коллекции появилась возможность осуществлять быстрый поиск интересующей исследователя информации.

Фотоальбомы, переданные из отдела краеведения, были описаны по разработанной в 2014 году форме². Всего создано 57 описаний, каждое в отдельном документе Microsoft Word.

Атрибуция фотографий краеведческой части коллекции осложнена отсутствием описей на фотоальбомы и какой-либо сопроводительной документации к ним. Этот факт затрудняет анализ снимков и их описание. Встречаются такие альбомы, в которых или все фотографии не подписаны, или подписаны частично. Исследование производилось на основе уже имеющихся подписей, предположительно сделанных создателями альбомов или их владельцами, и названий, сформулированных нами в ходе атрибуции фотоснимков. Такие названия помещались в квадратные скобки.

Общий обзор краеведческих фотоальбомов

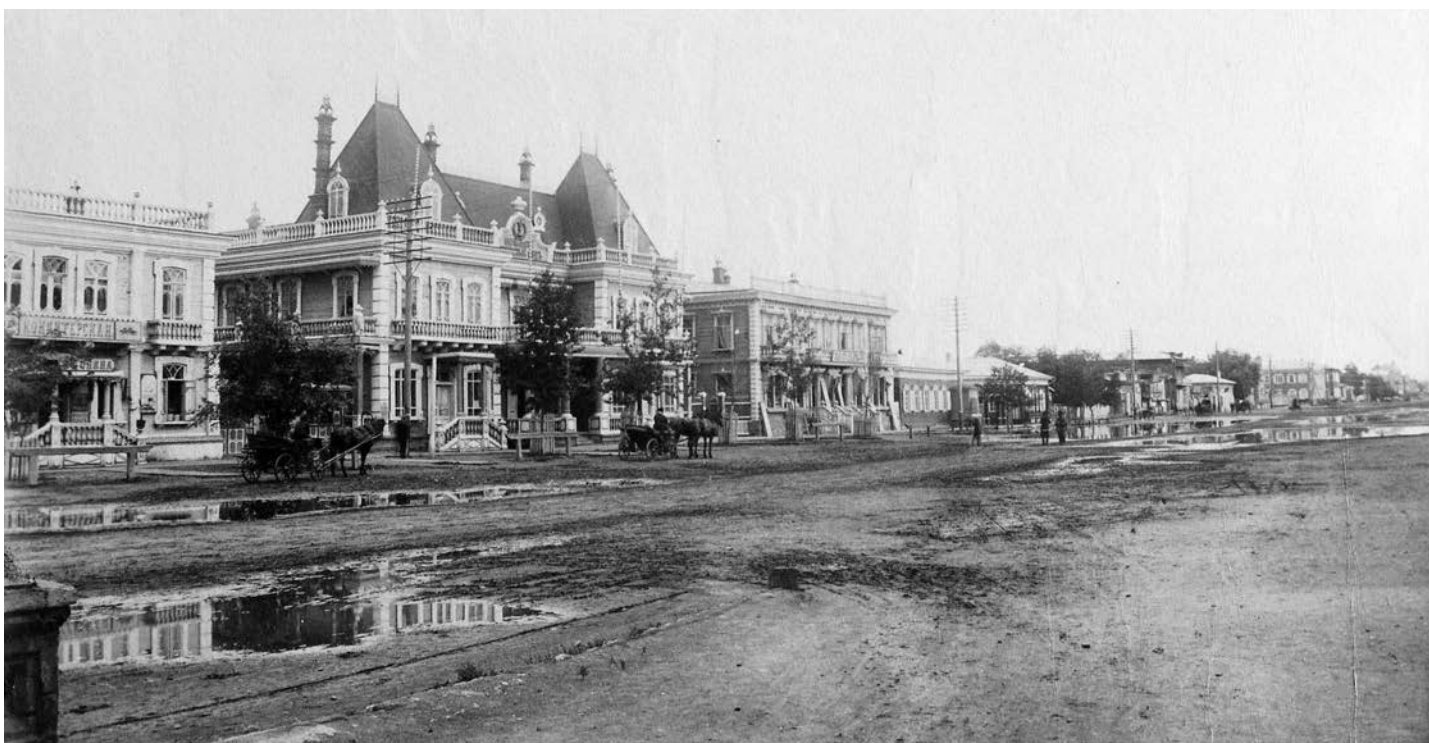
Краеведческая часть коллекции включает 90 фотоальбомов. Эта цифра складывается из 57 альбомов³, принятых из отдела краеведческой литературы, и 33 фотоальбомов данной тематики, изначально хранившихся в ЦКДиИКП.

Коллекция фотоальбомов начала складываться с 1894 года, когда фонд Николаевской публичной библиотеки (ныне — ДВГНБ) только формировался. Государственные деятели, купцы, исследователи нашего края дарили библиотеке фотоальбомы, папки с планшетами, а также отдельные фотографии. К сожалению, списки этих подаренных фотоальбомов никто не составлял, поэтому мы не можем указать точное количество поступивших на хранение единиц. Отдельные упоминания о переданных в библиотеку фотодокументах приводятся на страницах газеты «Приамурские

² Струк К. А. *Дальний Восток России на фотографиях конца XIX – начала XX века : по фотоальб. из фонда Дальневост. гос. науч. б-ки* / К. А. Струк // *История и культура Приамурья*. — 2014. — № 2 (16). — С. 56–64.

³ Из отдела краеведения было принято 60 единиц хранения, но в ходе разбора и описания фотоальбомов три папки с планшетами были расформированы, планшеты с фотографиями переложены в другие папки.

¹ То есть с фотографиями, приклеенными на картонные листы или фотографические бланки.

Р. С. Пророков. Благовещенск. 1899 г. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 14,5х23,1. ДВГНБ. Фотоальбом «Амурская область» (№ 13734).

ведомости», но они не дают целостного представления о том, как складывалась коллекция фотоальбомов.

По технике исполнения большинство фотографий представляет собой альбуминовые отпечатки, выполненные на тонкой бумаге, покрытой эмульсией из смеси яичного белка, аррорута⁴ и соли, с использованием раствора нитрата серебра. Такой тип печати стал по-настоящему успешным и использовался с 1850-х годов вплоть до конца XX века [7, с. 20]. Альбуминовые отпечатки подвержены угасанию, и от перепадов температур верхний слой может растрескиваться.

Крайние даты фотоотпечатков краеведческой части коллекции: 1870-е – 1923 годы.

География фотодокументов достаточно обширна. Это города Приморского края (Владивосток, Уссурийск), Амурской области (Благовещенск), Хабаровского края (Хабаровск), Камчатского края (Петропавловск-Камчатский), Чукотского автономного округа (Анадырь), Сахалинской области⁵. Довольно широко представлена Маньчжурия — историческая область на северо-востоке Китая, города Порт-Артур⁶, Харбин, Дальний⁷.

⁴ Крахмальная мука из тропических растений.

⁵ Здесь география указана согласно современному административно-территориальному делению России. Далее в статье употребляются названия городов и географических объектов так, как они представлены в первоисточниках, то есть в фотоальбомах конца XIX – начала XX в.

⁶ Сейчас входит в состав г. Даляня.

⁷ Сейчас г. Далянь.

В краеведческой части коллекции фотоальбомов встречаются работы следующих фотографов: А. П. Динесс, Э. Нино, Н. Константинова, И. Г. Гуменюка, А. П. Хлебникова, Р. С. Пророкова, А. А. фон Фрикена, И. И. Павловского, П. В. Рыкова, А. А. Чернявского, А. В. Плюснина, А. М. Бодиско, И. Такеучи, В. С. Мацкевича. В фотоальбоме «Виды города Хабаровска 1902 г.» помещены фотографии Приамурского военно-топографического отдела.

Большая часть альбомов не имеет признаков принадлежности тому или иному владельцу, только единичные экземпляры содержат владельческие штампы, автографы. В одном из альбомов «Амурско-Приморская сельскохозяйственная и промышленная выставка 18 I–XV/IX 99 г.» встречается штамп «Библиотека Василия Федоровича Плюснина в Хабаровске». Владельческая отметка располагается в нескольких местах: на форзаце, оглавлении, обороте панорамного снимка и на листах микалентной бумаги, проложенной между страницами фотоальбома.

Три альбома принадлежали когда-то Н. И. Гродекову. Среди них один экземпляр подносной, второй — с автографами жителей города Харбина, третий — с монограммой «НГ.» на верхней крышке папки и автографом строителя города Дальнего инженера В. Сахарова: «Его Высокопревосходительству Н. И. Гродекову в знак глубокого почтения 14 октября 1902 г. В. Сахаров».

В коллекции хранятся фотодокументы, иллюстрирующие жизнь и деятельность семьи Старцевых. Алексей Дмитриев-

Неизвестный фотограф. Фруктовый сад. На фотографии — А. Д. Старцев [1899]. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 21,2x27,4. ДВГНБ. Папка с планшетами «Имение А. А. Старцева “Родное” на о-ве Путятине» (№ 1868074).

вич Старцев — дальневосточный купец и промышленник, развернул хозяйство на острове Путятине. Построил там кирпичный и фарфоровый заводы, занимался выращиванием фруктовых деревьев и овощей. Назвал он своё имение «Родное». В трёх папках помещены планшеты с фотографиями, показывающими, как выглядели владения Алексея Дмитриевича. На восьми планшетах проставлен чёткий штамп: «Имение А. А. Старцева “Родное” на о-ве Путятине».

Фотодокументы краеведческой тематики, хранящиеся в ЦКДиИКП ДВГНБ, отражают исторические события Дальнего Востока. На них запечатлены ключевые моменты истории: Русско-японская война 1904–1905 гг., строительство Уссурийской железной дороги, сооружение КВЖД, а также жилища, быт, облик первых переселенцев и коренных жителей, виды городов, посёлков, деревень конца XIX – начала XX века и многое другое.

Если рассматривать краеведческую часть коллекции в жанровом отношении, можно с уверенностью говорить о преобладании пейзажей. Большинство фотографий иллюстрирует красоты дальневосточной природы, виды городов и населённых пунктов. Довольно многочисленна архитектурная фотография (изображение зданий). Нередко встречаются

групповые портреты, на которых запечатлены известные дальневосточные деятели. Немало документальных фотографий, зафиксировавших текущие события действительности: работу строителей на железной дороге, молебствия по какому-либо случаю, парады, торжественные открытия зданий и т. п.

Исследуемую часть коллекции фотоальбомов ЦКДиИКП можно разделить на несколько тематических групп.

1. Виды городов, населённых пунктов и местностей Дальнего Востока России. По количеству фотодокументов эта группа самая обширная: в неё входят 24 единицы. В фотоальбомах преобладают пейзажные съёмки, виды городов и сёл Дальнего Востока России. Убедиться в этом можно даже по их названиям: «Виды реки Амур от Шилки до Хингана», «Виды пограничной полосы на острове Сахалине», «Приморская область», «Хабаровск», «Владивосток» и другие.

В данной группе можно выделить альбомы с видами городов. Никольск-Уссурийский (ныне Уссурийск) представлен в альбомах: «Г. Никольск-Уссурийск», «Никольск-Уссурийский», «Приморская область. 1900–1901 г.г.». На фотографиях запечатлены виды улиц и зданий, панорамы Никольск-Уссурийска конца XIX века.

Пророков Р. С. [Рабочий кабинет Н. И. Гродекова]. [1896]. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 17,4х24. ДВГНБ. Фотоальбом «Хабаровск 1896–97 г.» (№ 543110).

В фотоальбоме «Приморская область. 1900–1901 г.г.» также встречаются фотографии посёлков и рек Приморского края. Несколько фотографий запечатлели виды монастырей и соборов того времени. На страницах альбома можно увидеть, как выглядел в начале XX века Никольский собор, Троицкий монастырь⁸.

Виды города Благовещенска представлены в альбомах «Амурская область», «Благовещенск и его окрестности. 1890 г.», «Николаевск и Благовещенск».

Фотоальбом «Амурская область», помимо видов Благовещенска, датируемых 1899 годом, включает снимки освящения знамён дальневосточных войск, происходившего в том же году, а также три этнографических снимка, иллюстрирующих пребывание миссионеров у тунгусов.

Снимки видов Хабаровска хранят альбомы «[Забайкальский край и город Хабаровск]», «Приморская область. 1896–1897 г.», «Хабаровск 1894–97 гг.», «Хабаровск

1896–97 г.», «Хабаровск»⁹ (№ 543107), «Виды города Хабаровска 1902 год», «[Хабаровск Фото Э. Нино]». На фотографиях запечатлены улицы, здания, памятники города, проиллюстрированы моменты общественной и культурной жизни хабаровчан, например, закладка и открытие памятника графу Муравьёву-Амурскому.

Альбом «Хабаровск 1894–97 гг.» включает ряд снимков, посвящённых жизни хабаровской пожарной дружины. В альбоме «Хабаровск 1896–97 г.» есть фотографии дома помощника приамурского генерал-губернатора и интерьеров комнат, где жил Н. И. Гродеков, выполненные Р. С. Пророковым. Встречаются снимки экспонатов хабаровского музея (ныне — Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова). Несколько фотографий запечатлели начало дорожных работ у Хабаровска во время строительства Северного участка Уссурийской железной дороги в 1894 году.

⁸ Ныне Свято-Троицкий Николаевский мужской монастырь.

⁹ В фонде содержится несколько фотоальбомов с одинаковыми названиями; чтобы не возникало путаницы, рядом с названием в скобках будут указаны их инвентарные номера.

Мацкевич В. С. Постройка моста на р. Хоре 640 верста. [1897]. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 26,9х37,3. ДВГНБ. Фотоальбом «Северный участок Уссурийской железной дороги 1897 г.» (№ 2744458).

Панорамные снимки Владивостока представлены в папке «Владивосток». Виды города есть и в других альбомах, которые были отнесены к иным тематическим группам.

Фотоальбом «Приморская область» (№ 543113) содержит снимки улиц и зданий сразу нескольких городов и населённых пунктов: Никольск-Уссурийского, Хабаровска, урочища Посъет. Кроме того, в альбоме представлены виды дорог и рек Приморского края.

Ещё один альбом «Приморская область» (№ и49664) хранит снимки освящения знамён в урочищах Новокиевском, Посъете, Славянке. В нём размещены панорамные виды Славянки и Зайсановки. На фотографиях запечатлены жители Приморского края: гиячка, гольд, китайцы и корейцы. Есть в альбоме снимки зданий корейских школ.

Открыв фотоальбом «Виды пограничной полосы на острове Сахалине», можно полюбоваться пейзажами Сахалина начала XX века. Здесь есть фотографии с видами северной части острова, граничных столбов, разделяющих территорию Сахалина на русскую и японскую части.

Снимки видов города Охотска входят в альбом «Типы и виды Охотского уезда Приморской Области 1897 г.». Помимо пейзажей Охотска и прилегающих к нему территорий,

на страницах альбома помещаются групповые портреты местных жителей — эвенов. Встречаются фотографии оленьих лежбищ, караванов, собачьих упряжек. На нескольких снимках — охотники с добычей и ловушки на зверей.

Виды города Охотска и села Аяна представлены ещё в одном альбоме — «Поселения на берегах Охотского моря». В него входят пейзажные и этнографические снимки прибрежных населённых пунктов. Здесь же — фотографии местных жителей села Гижига — коряков. Довольно много снимков тунгусов в Охотске, оленьих табунов этого народа.

Виды дальневосточных сёл и станций зафиксированы в альбоме «Амур от Р. Амгуни до ст. Покровской». На фотографиях запечатлены виды населённых пунктов и местностей, которые располагаются близ рек Амура и Шилки. Папка с планшетами «Виды реки Амур от Шилки до Хингана» содержит фотографии природы, утёсов, почтовых станций между Шилкой и Хинганом. Эти две папки изобилуют дублированными снимками, вследствие чего в содержательном плане они очень похожи.

В папках «Приамурье. Фото Э. Нино» и «Амурские сёла (Тыр, Софийск, Вятское)» помещены планшеты с фотографиями деревень и сёл Хабаровского края: Васильевской, Радде, Казакевичево, Софийска, Тыра.

2. Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке России. Ряд фотоальбомов и папок, хранящихся в фонде редких и ценных изданий, посвящён истории постройки Уссурийской железной дороги. К ним относятся: «Фотография А. П. Динесс на Амуре. [Уссурийская железная дорога]», «Уссурийская железная дорога», «Северный участок Уссурийской железной дороги 1897 г.», «Южный участок Уссурийской железной дороги. 1896 г.», «Постройка Уссурийской железной дороги [и КВЖД]». Снимки, вошедшие в последнюю папку, были сделаны владивостокским фотографом В. С. Мацкевичем, который в 1895 году «получил заказ от Уссурийской железной дороги и начал большую работу по подготовке фотоальбома о строительстве Транссиба. Уже через год альбом репортажных снимков был выставлен в Обществе изучения Амурского края, а затем и в Нижнем Новгороде. За столь значительный вклад в историю Владимир Мацкевич был удостоен золотой медали» [6, с. 100]. Полагаем, что именно за эти прекрасные репортажные снимки, копии которых есть у нас в фонде, В. С. Мацкевич и был награждён золотой медалью.

Строительство Китайско-Восточной железной дороги иллюстрируют фотографии, помещённые в папке «Постройка Уссурийской железной дороги [и КВЖД]», а также в фотоальбомах «Приморская область» (№ 1868072) и «Западная магистраль КВЖД». Дальнейшая история железной дороги отражена в альбоме «Участок Китайско-Восточной железной дороги, переданный Японии. 1906 г.». По Портсмутскому мирному договору (1905) большая часть Южно-Маньчжурского участка КВЖД отошла Японии. На фотографиях перед нами разрушенные мосты, станции, сооружения железной дороги, которые перешли во владение японцев.

История строительства Амурской железной дороги зафиксирована в следующих фотоальбомах: «Альбом снимков сооружений и работ постройки Восточной части Амурской железной дороги 1911–1912 гг.», «Альбом видов Амурской губернии» (№ 49649).

3. Строительство и состояние дорог. Фотоальбомы этой группы посвящены созданию Амурской колёсной дороги. Сюда можно отнести два альбома под названием «Амурская колёсная дорога». Второй отличается от первого содержанием и оформлением. Это подносной экземпляр Н. И. Гродекову с вытисненными золотом на верхней крышке словами: «Его Высокопревосходительству Николаю Ивановичу Гродекову. 1905 г. От инж. пут. сооб. И. И. Соколовскаго». В этих двух фотоальбомах помещаются фотографии видов полотна и участков дороги, мостов, станций. Есть снимки строителей Амурской колёсной дороги — ссыльнокаторжных.

Фотоальбомы «Амурский губернский отдел коммунального хозяйства. 1923 г. Фотографические виды дорог Амурской губернии» и «Альбом видов Амурской губернии»

(№ и49650) показывают состояние дорог, мостов, работ по постройке дорожного полотна Амурской губернии¹⁰ в начале XX века.

4. Мелиорационные работы на Дальнем Востоке представлены фотографиями «Альбома мелиорационных работ в Амурской губернии», в котором помещены снимки работ по мелиорации земель в Амурской области в 1911 году и их результат в 1912-м. Здесь мы можем увидеть водоотводные каналы, лагерь осушительного отряда, изыскания по обводнению земельных участков.

5. Золотопромышленность на Дальнем Востоке России. Данная группа фотоальбомов включает в себя папки с планшетами и фотоальбомы по истории золотодобывающей промышленности на Дальнем Востоке России. Три папки посвящены этой теме: «Золотые прииски Нижнего Амура», «Виды приисков золотопромышленной К^о Ельцов и Левашев на Амгуни», «Виды Амгунских приисков». Они включают фотографии общих видов приисков, разрезов, машин, казарм рабочих, домов управляющих и команды, церквей. На снимках изображены служащие, старатели корейцы, группы рабочих.

Историю золотодобычи иллюстрируют также фотографии объектов Верхнеамурской золотопромышленной компании на реке Зее, помещённые в альбоме «Фотография А. П. Динесс на Амуре. Снимки Зейской тайги».

6. Этнография Дальнего Востока России. Этнографические снимки встречаются не только в указанных ниже фотоальбомах, они разбросаны по всей коллекции¹¹. В представленных альбомах все снимки ценны для этнографической науки. Первые два «[Этнографический альбом малых народностей Восточной Сибири и Дальнего Востока]» и «Альбом этнографии. Фотография А. К. Кузнецова» посвящены этнографии народов Восточной Сибири и Дальнего Востока и включают в себя фотографии культовых бурятских построек, бурятов и буряток в национальных костюмах, шаманов, атрибутики мистерии Цам¹² и её проведения. На страницах альбомов также встречаются представители народов Хабаровского края: негидальцы, якуты, гольды.

В краеведческой части коллекции фотоальбомов есть две папки с планшетами, включающие снимки представителей народов Дальнего Востока России. Это «Народности Дальнего Востока» и «Народности». В первой содержатся

¹⁰ Ныне Амурская область.

¹¹ См. статью Струк К. А. Фотодокументы по этнографии Сибири и Дальнего Востока России в фонде редких и ценных изданий Дальневосточной государственной научной библиотеки / К. А. Струк // Культура и наука Дальнего Востока. — 2017. — № 1 (21). — С. 128–139.

¹² Цам (Чам — тибетский танец) — торжественная религиозная мистерия буддистов Центральной Азии (тибетцы, монголы, буряты, тувинцы), совершаемая ежегодно на открытом воздухе в буддийских монастырях и привлекающая толпы верующих [2, с. 72].

фотографии гиляков, гольдов, орочен, корейцев, китайцев. Во второй — эскимосов, гольдов, орочей, тунгусов, коряков, ламутов, гиляков, якутов, айнов, чукчей.

К данной группе относятся не только фотографии представителей коренных народностей Дальнего Востока России, но также жизни и быта русских переселенцев. Снимки жилищ, скарба, внешнего вида людей, переселившихся в Приморскую область, помещены в папку «Как устраиваются русские люди в Приморской области 1895–1899 г.».

7. Экспедиционная фотография. Данная группа включает фотоальбомы, снимки для которых создавались в экспедициях. Например, экспедиция инженера путей сообщения Н. С. Свиягина 1895 года проиллюстрирована фотографиями из альбома «Никольское — Нингута». Николай Сергеевич Свиягин в 1895 году был руководителем экспедиции в Маньчжурию. Он отвечал за выбор маршрута для строительства КВЖД, а «цель экспедиции главным образом составляли топографические исследования» [11, с. 9].

Наблюдения, полученные в ходе экспедиции, Н. С. Свиягин оформил в виде книги «По русской и китайской Маньчжурии от Хабаровска до Нингута: впечатления и наблюдения». Она вышла в Санкт-Петербурге в 1897 году с описанием путешествия, характеристикой местности и быта населяющих эти территории народов. Данное издание иллюстрируют фотографии из экспедиции. Снимки делали предположительно Н. С. Свиягин и доктор П. С. Тенчинский. В описании экспедиции говорится о наличии у участников фотоаппарата. «Во время полуденного привала на берегу Суйфуна перед скалистыми утесами его, пользуясь временем, пока казаки, расположившись на бивуаке, устраивали коновязи и разводили костер, я с г.г. Ловцевым и Тенчинским, заинтересованные тем, что скрывают от нас скалистые утесы, по карнизу которых извивалась тропа, скрываясь крутыми поворотами за изгибами скал, отправились по ней... Впереди Ловцев с винчестером за плечами, за ним в 10–20 шагах шел я, имея револьвер, и последним доктор с маленьким фотографическим аппаратом» [11, с. 37].

Далее читаем: «Во дворе, где мы спешили, встречает нас начальник караула Чен-юй-тан... обязательно осведомляется: обратили ли мы внимание на флаги, которые он выставил по случаю нашего приезда?.. Со мной был маленький фотографический аппарат и перед отъездом я предложил Чен-юй-тану сняться; он сейчас же засуетился и побежал в фанзу. Во двор был вынесен небольшой столик, на котором Чен-юй-тан разложил револьвер, серебряные карманные часы и зеркальце. Эти вещи очевидно составляли гордость и предметы тщеславия их обладателя. Сам он с трубкою в зубах уселся рядом на табуретке и закинув ногу за ногу принял строгий сосредоточенный вид» [11, с. 55]. Приведённые фрагменты из описания экспедиции

Н. С. Свиягина иллюстрируют обстоятельства создания некоторых снимков. Эти моменты, воплощённые в фотографиях, останутся зафиксированными на века.

Фотоальбом «Охотско-Камчатский край» включает фотографии, создававшиеся А. П. Сильницким во время поездки на Камчатку в 1901 году. В альбоме снимки видов городов Петропавловска-Камчатского и Охотска, а также их окрестностей. Кроме того, фотограф запечатлел представителей местного населения.

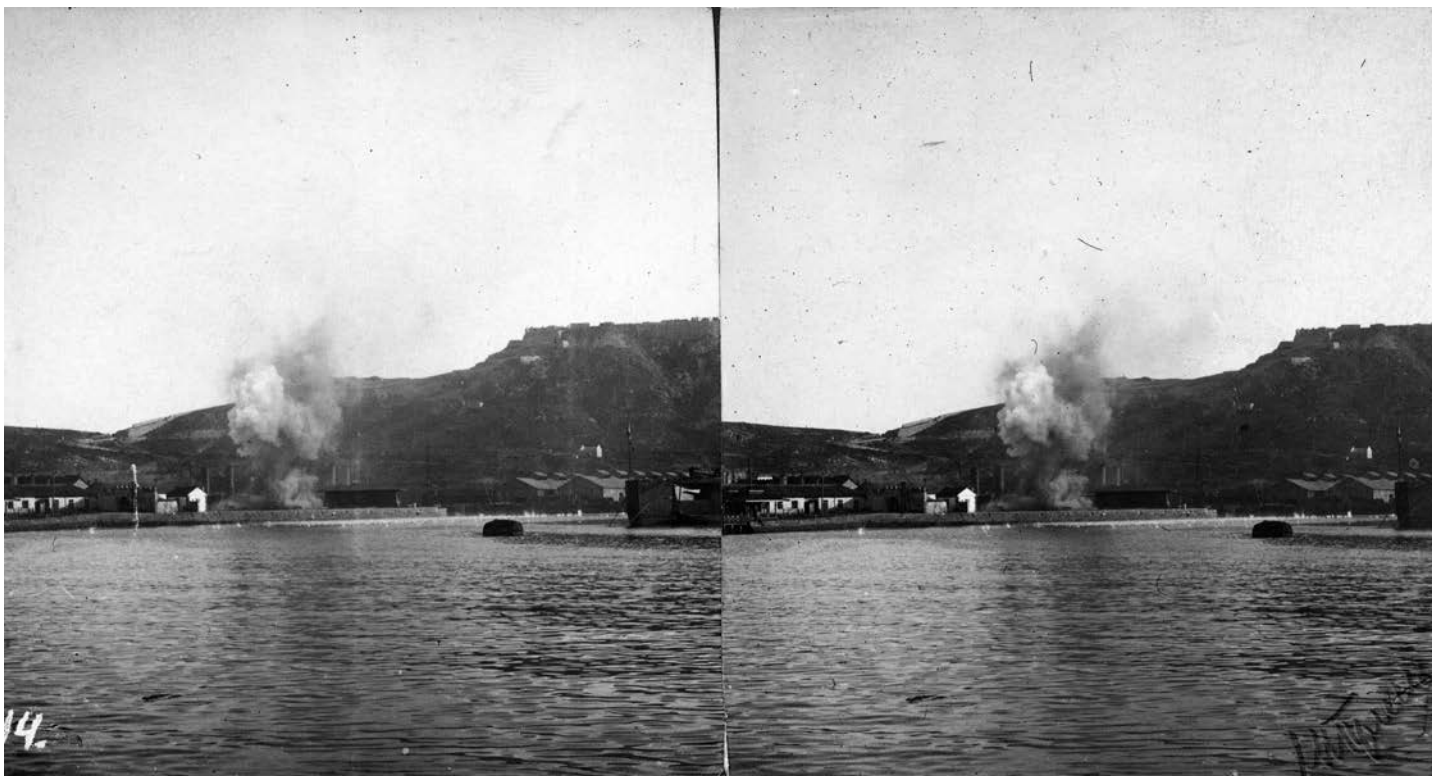
Фотографии, вошедшие в альбом «Камчатка», создавались во время экспедиции В. П. Маргаритова 1897 года. Главной целью этого предприятия стало изучение Камчатки, её истории, географии и населения. На фотографиях изображены виды городов и сёл Камчатского края, камчатские вулканы, общие виды Авачинской губы и Петропавловской бухты, типы камчатских жителей: камчадалов, коряков. Есть фотографии прокажённых, живущих на Камчатке.

Судя по содержанию, фотографии альбома «Анадырский край» также создавались в экспедиции. В нём есть пейзажные виды поста Ново-Мариинска (ныне г. Анадырь), Анадырского лимана, тундры. Довольно много снимков этнографического характера: жилищ коренного населения, представителей оленных чукчей, ламутов. В этом же альбоме помещаются фотографии видов казарм в Ново-Мариинском посту, рыбных вешал, запасов топлива, могил казаков.

8. Русско-японская война 1904–1905 годов. Эта тематическая группа представлена набором стереокарточек «В Порт-Артуре во время осады». Папка содержит снимки, которые создал фотограф И. Г. Гуменюк. На каждой карточке приклеены две фотографии вплотную друг к другу. Снимки составляют так называемую стереопару. Их особенность заключается в том, что один и тот же объект изображается с разных точек зрения, отличающихся незначительно. Первый снимок передаёт вид, воспринимаемый левым глазом, второй — правым. При просмотре таких парных фотографий в стереоскоп создаётся эффект объёмного изображения.

В набор помещены фотографии разрушенных зданий, вагонов, разрывающихся снарядов, убитых солдат в Порт-Артуре во время осады в 1904 году, снимки, иллюстрирующие оказание помощи раненым русским солдатам и т. д.

9. Сельскохозяйственные и промышленные выставки. В данную группу входят пять фотоальбомов. Четыре из них посвящены проведению Амурско-Приморской сельскохозяйственной выставки. Альбомы имеют одинаковое содержание: в них фотографии внешнего вида и интерьеров выставочных павильонов. Отличия фотоальбомов друг от друга заключаются в их внешних особенностях: цвете коленкора переплёта, наличии или отсутствии наклеек с названиями под фотографиями, полноте экземпляра. Ещё одним отличительным признаком

Гуменюк И. Г. Разрыв снаряда на суше. Разрушение построек порта 11" снаряд[ом]. [1904]. Стереопара. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 7,5×7; 7,5×7. ДВГНБ. Набор стереокарточек в папке «В Порт-Артуре во время осады» (№ 2744451).

одного из этих фотоальбомов является владельческий штамп В. Ф. Плюснина.

Участие дальневосточников в Нижегородской выставке в 1896 году освещают фотографии, помещённые в папку «Павильон Дальнего Востока на Всероссийской Новгородской выставке». Снимки приклеены на фотографические бланки М. П. Дмитриева, известного русского фотографа, основателя документальной съёмки в России. В коллекции фотоальбомов ДВГНБ хранятся фотографии интерьеров и экспонатов дальневосточного павильона Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде, на которой были представлены лучшие образцы продукции Н. И. Тифонтая, В. М. Лукина, торговых домов М. Пьянкова с братьями, «Чурин и К^о» и другое.

10. Русские в Маньчжурии. Большое количество фотодокументов фонда редких и ценных изданий ДВГНБ посвящено борьбе русских с «боксёрами» и китайскими войсками в Маньчжурии в 1900–1901 годах. Пребывание русских войск на этой территории проиллюстрировано снимками альбомов «В Маньчжурии 1900–1901», «Маньчжурский поход 1900–1901 гг.», «Маньчжурия», «Северная Маньчжурия», «По Северной Маньчжурии 1902 г.», «Альбом видов из жизни 19-го Восточно-Сибирского стрелкового полка», «Нингута», «Цицикар», «Город Мира и Согласия». В альбом «20-й Восточно-Сибирский стрелковый полк в Маньчжурии в 1900 и 1901 гг.» вошли фотографии городов Куанчендзы и

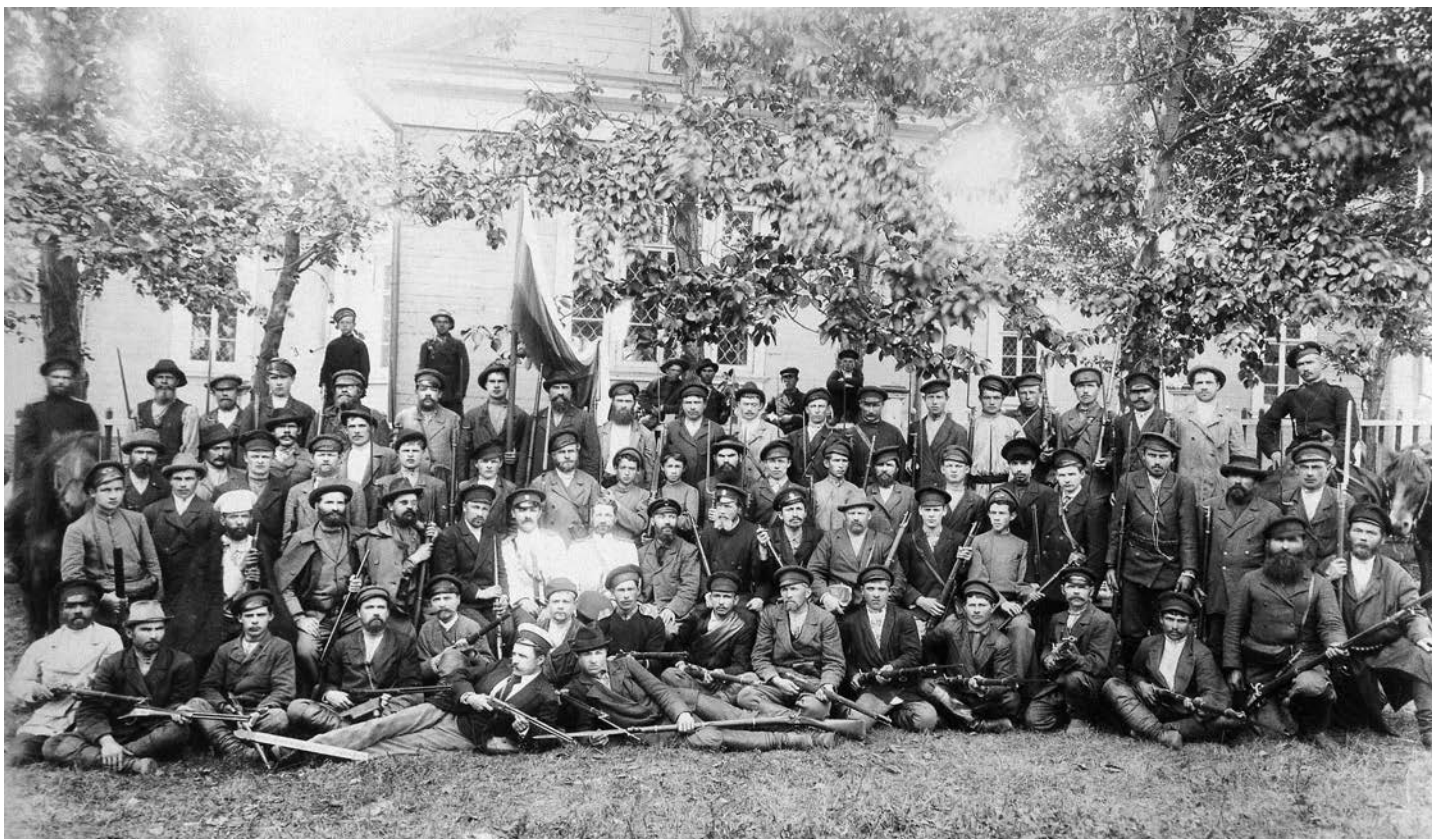
Цицикара. Здесь же можно увидеть, как выглядела русская улица, по которой квартировали войска нашего гарнизона в Куанчендзы. Альбом содержит этнографические снимки жизни китайцев, групповые портреты офицеров и других чинов 20-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Моменты отбытия дальневосточных войск на места военных действий запечатлены в альбоме «Поход в Маньчжурию» и папке «Добровольцы Приморской области в Маньчжурскую кампанию 1900–1901 г.г.». В них помещены фотографии дальневосточных войск, отправляющихся в Маньчжурию, и вооружённых сил, отбывающих в Благовещенск на защиту русской границы.

В папке «Порт-Артур 1902 г. Русские в Северной Маньчжурии» находятся планшеты с фотографиями видов маньчжурских городов: Порт-Артура, Харбина, Нингуты. Здесь же групповые портреты военных 20-го Восточно-Сибирского стрелкового и Аргунского казачьего полков.

На фотографиях альбома «[Порт-Артур. Русско-японская война]» изображены виды городов и посёлков Квантунского полуострова, лагеря наших полков, статуи богов в китайских храмах, снимки парада 24 декабря 1898 года в Порт-Артуре в присутствии генерала Н. И. Гродекова.

Два фотоальбома запечатлели виды основанных русскими городов в Маньчжурии: Дальнего и Харбина. Папка «Город Дальний» включает виды города в 1902 году: главной улицы, Угольного проспекта, городского сада, железнодоро-

Неизвестный фотограф. [Групповой портрет защитников Благовещенска]. [1900].
 Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 27,3×39,8. ДВГНБ. Папка с планшетами «Защитники добровольцы гор. Благовещенска в июле 1900 года» (№ 1868093).

рожных станций. В ней находится портрет строителя города инженера В. Сахарова на фирменном бланке петербургского фотографа А. Пазетти. Помимо фотографий, здесь есть карты Дальнего, объявления о продаже городских участков на русском, английском и китайском языках. В папку вложена брошюра «Извлечение из закона об управлении г. Дальним и правила о приобретении и арендовании в нем земельных участков».

Альбом «Дальний Восток. 1906 года» содержит виды города Харбина: здания Железнодорожной гостиницы, Харбинского коммерческого собрания, вокзала, Управления КВЖД, Никольского собора и т. д.

11. Вооружённые силы. В эту группу были отнесены фотоальбомы и папки с планшетами, в которых преобладают снимки дальневосточных войск и оборонительных сооружений. В фотоальбоме «Владивосток 1898–1899» зафиксированы виды береговых артиллерийских батарей города. Несколько фотоснимков иллюстрируют освящение Петропавловской батареи во Владивостоке в 1898 году. Есть снимки парада войск владивостокского гарнизона 14 ноября 1899 года. В альбом также помещены фотографии видов города.

Оборона Благовещенска в 1900–1901 годах отражена в альбоме «Благовещенск 1900–1901 гг.». В нём собраны

снимки мобилизованных войск, видов городов Благовещенска, Сахалина, Айгуна. Довольно много снимков, показывающих казнь хунхузов в 1901–1902 годах. Этому же событию посвящена папка «Защитники добровольцы гор. Благовещенска в июле 1900 года» с групповыми портретами добровольцев.

12. Образование представлено одной папкой с фотографиями И. Такеучи — «Хабаровская женская гимназия 1902». В неё помещены планшеты с групповыми портретами воспитанниц гимназии разных возрастов и одним снимком здания этого учебного заведения.

13. Сахалинская каторга проиллюстрирована снимками из альбомов «Остров Сахалин», «Сахалин. 1894 год» (№ и49657), «Сахалин. 1894 год» (№ и49658). На фотографиях — здания постов Александровского, Корсаковского, Дуэ на острове Сахалин. Встречаются следующие объекты: церкви, тюремные мастерские, тюрьмы, кирпичный завод, почтово-телеграфная контора, пристань. Есть портреты ссыльнокаторжных и местного населения — гиляков и айнов.

14. Хозяйство купца А. Д. Старцева на острове Путятина. Из отдела краеведения в ЦКДиИКП поступили две папки и один фотоальбом, посвящённые хозяйству А. Д. Старцева на острове Путятина в Приморском крае. На фотографиях зафиксированы интерьеры кирпичного и фарфорового заво-

дов, оборудование для изготовления их продукции. Снимки сохранили вид участка, отведённого А. Д. Старцевым под земледелие, а также дом хозяина острова.

15. Любительские и семейные фотографии. Один фотоальбом, принадлежавший предположительно сыну А. Д. Старцева Дмитрию, состоит из любительских фотографий. Перед нами групповые портреты членов семьи Старцевых, снимки хозяйства на острове Путятина, виды Владивостока. Альбом не имеет названия, поэтому оно было сформулировано библиотекарями как «[Фотоальбом Дмитрия Старцева]».

16. Пребывание наследника цесаревича на Дальнем Востоке. В папку «Пребывание наследника цесаревича на Дальнем Востоке 1891 г.» входят планшеты, иллюстрирующие моменты путешествия цесаревича Николая Александровича по Дальнему Востоку. Несколько фотографий дают представление о том, как выглядели триумфальные арки, возведённые для встречи наследника. На снимках — Хабаровск, Благовещенск, посёлок Михайловский, село Вятское.

17. Общественная и культурная жизнь хабаровчан представлена рядом альбомов, содержание которых довольно разнообразно. В двух фотоальбомах «Хабаровск» (№ 543109 и № и49661) помещены снимки из жизни Хабаровской женской гимназии и интерната, строительства завода «Арсенал», моментов всенародного архиерейского служения в июне 1901 года, о проведении призовых состязаний в стрельбе под Хабаровском и т. д.

В фотоальбом «Хабаровск 1900–1901 г. и Харбин» помещены снимки, запечатлевшие события истории города Хабаровска. Первые пять фотографий показывают, как проходил училищный пикник, приуроченный к 100-летию со дня смерти А. В. Суворова в 1900 году. Следующие три связаны с закладкой артиллерийской мастерской в Хабаровске. Несколько снимков иллюстрируют отъезд в Благовещенск из Хабаровска русских войск на места военных действий во время Боксёрского восстания в 1900 году. Далее следует ряд фотографий, сделанных в Маньчжурии:

занятие русскими китайского уезда Хунчун в августе 1900 года, виды Харбина.

Папка «Память Хабаровска 1908 г.» содержит всего два снимка: «Молебствие при закладке памятника казаку С. Дежневу 17/v 1908 года в г. Хабаровске» и «Казак 99 лет. Современник графа Муравьева-Амурского». Фотографии сделаны А. М. Бодиско.

Все эти альбомы освещают разные аспекты общественной и культурной жизни Хабаровска. Они хранят документальные свидетельства истории.

Деление фотоальбомов на группы в некоторой степени условно. Если рассматривать содержание каждого альбома в отдельности, то будет очень сложно отнести многие из них к одной какой-либо группе. В альбоме могут помещаться снимки, принадлежащие к разным тематическим блокам. В фотоальбомах с видами городов Дальнего Востока встречаются этнографические снимки, фотографии, иллюстрирующие общественную и культурную жизнь хабаровчан. В группе экспедиционных снимков много видов городов и посёлков, этнографических фотографий. Перекликаются в содержательном плане документы, вошедшие в группы «Русские в Маньчжурии» и «Вооружённые силы».

Фотоальбомы были распределены на блоки в зависимости от того, какого рода снимки в них преобладают. Такое деление даёт общее представление о тематическом составе коллекции, помогает лучше ориентироваться в фотодокументах ЦКДиИКП.

Необходимо отметить, что данная работа лишь очерчивает контуры, границы коллекции, представляет тематический охват имеющихся в ЦКДиИКП краеведческих фотоальбомов.

Общий обзор краеведческой части коллекции фотоальбомов послужит отправной точкой при дальнейшем изучении фотографических источников по истории Дальнего Востока. Составленный реестр фотоснимков существенно облегчит исследовательскую работу по ним, а также значительно упростит процедуру предоставления краеведам информации об этих фотоальбомах.

**Таблица. Распределение фотоальбомов по тематическим группам
(количественные показатели)**

Порядковый номер	Название тематической группы	Количество фотоальбомов
1.	Виды городов, населённых пунктов и местностей Дальнего Востока России	24
2.	Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке России	10
3.	Строительство и прокладка дорог	4
4.	Мелиорационные работы на Дальнем Востоке России	1
5.	Золотопромышленность на Дальнем Востоке России	4
6.	Альбомы с этнографическим содержанием	5
7.	Экспедиционная фотография	4
8.	Русско-японская война 1904–1905 гг.	1
9.	Сельскохозяйственные и промышленные выставки	5
10.	Русские в Маньчжурии	16
11.	Вооружённые силы	3
12.	Образование	1
13.	Сахалинская каторга	3
14.	Хозяйство купца А. Д. Старцева на острове Путятина	3
15.	Любительские и семейные фотографии	1
16.	Пребывание наследника цесаревича на Дальнем Востоке	1
17.	Общественная и культурная жизнь хабаровчан	4
	Итого	90

Список использованных источников

- Андриец, Г. А. Культурная деятельность городских кружков и обществ на юге Дальнего Востока (конец XIX – начало XX вв.) / Г. А. Андриец // Ойкумена. Регионовед. исслед. — 2009. — № 3 (10). — С. 86–101.
- Бальжанов, Ц. Д. Мистерия Цам как буддийский философский текст и ритуальное действо : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Ц. Д. Бальжанов. — Москва, 2002. — 142 с. — Библиогр.: с. 129–142.
- Бандурин, С. Г. Государственная деятельность Н. М. Чичагова и его служба России на Дальнем Востоке / С. Г. Бандурин // Власть. — 2008. — № 5. — С. 104–107.
- Бурилова, М. Ф. Общество старого Хабаровска (конец XIX – начало XX вв.) : по семейным фотоальбомам и прочим раритетам / М. Ф. Бурилова. — Хабаровск : Изд-во «РИОТИП», 2007. — 528 с.
- Воропаева, А. В. Книжная коллекция семьи Старцевых [Электронный ресурс] / А. В. Воропаева // Книжные свидетели былых времён : (редкие и ценные издания в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки) / сост.: А. В. Воропаева, Н. К. Лютова, Н. В. Радишаускайте ; редкол. : Т. Ю. Якуба (гл. ред.) и др. — Хабаровск : ДВГНБ, 2017. — Режим доступа : https://www.fessl.ru/docs-downloads/RF/ST/R2_9.pdf (дата обращения: 25.12.2017).
- Гарцман, Е. И. К вопросу о зарождении фотоискусства на юге Дальнего Востока / Е. И. Гарцман // Ойкумена. Регионовед. исслед. — 2014. — № 3. — С. 98–104.
- Идентификация, хранение и консервация фотоотпечатков, выполненных в различных техниках / [сост.: А. В. Максимова, К. А. Мисюра-Аладова и др. ; Федер. гос. бюджет. учреждение культуры «Гос. музейно-выставоч. центр РОСФОТО»]. — Санкт-Петербург, 2013. — 48 с.
- Попов, А. П. Российские фотографы (1839–1930) : словарь-справочник : [в 3 т.]. [Т. 1 : А — М (Мей)] / А. П. Попов. — [Коломна] : Музей органич. культуры, 2013. — 816 с. — (Фотография).
- Попов, А. П. Российские фотографы (1839–1930) : словарь-справочник : [в 3 т.]. [Т. 2 : М (Мейен) — Я] / А. П. Попов. — [Коломна] : Музей органич. культуры, 2013. — 816 с. — (Фотография).
- Рубинина, З. М. Малоизвестные коллекции фотодокументов как информационный ресурс исторической науки (на примере коллекции фотографий фондово-экспозиционного отдела ГИМ «Музей В. И. Ленина») / З. М. Рубинина // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки : сб. ст. / авт.-сост. Е. А. Воронцова ; отв. ред. Л. И. Бородкин, А. Д. Яновский. — Москва, 2015. — С. 196–216.
- Свягин, Н. С. По русской и китайской Маньчжурии от Хабаровска до Нингуты : впечатления и наблюдения / Н. С. Свягин. — Санкт-Петербург : Тип. Ю. Н. Эрлих. — 1897. — [2], 94 с.

Фотографии из фондов ДВГНБ.
Материал поступил в редакцию 12.01.2018 г.

Сведения об авторе: Загородняя Кристина Андреевна, библиотекарь отдела «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: struk_christina@mail.ru; тел. 8-924-918-24-60.

ЛЮТОВА НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА

КНИЖНЫЕ ПАМЯТНИКИ — НА ПОЛЬЗУ ПРОСВЕЩЕНИЮ И НАУКЕ

В статье рассмотрены издания, раскрывающие редкий фонд Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск). Показана исследовательская и культурно-просветительская деятельность её специалистов.

Ключевые слова: издания ДВГНБ, книжные памятники, редкие и ценные издания, редкий фонд, изучение книжной культуры Хабаровского края, популяризация фондов ДВГНБ.

Keywords: FESSL's publications, literary monument, rare and valuable publications, the rare fund, the study of Khabarovsk Krai book culture, the popularization of the FESSL's funds.

На протяжении многих лет изучение книжных богатств Хабаровского края, исторических процессов, связанных с книжной культурой территории, редких и ценных книг и книжных памятников выступает одним из приоритетных и активно развивающихся направлений деятельности Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ). Благодаря этому центральная библиотека Хабаровского края, готовящаяся к своему 125-летию (в 2019 г.), является флагманом Дальневосточного федерального округа в деле изучения и популяризации книжных фондов. Об этом свидетельствуют данные, опубликованные в справочнике «Собрания книжных памятников (редких и ценных изданий) в библиотеках, музеях и архивах Российской Федерации: библиографический указатель (1917–2014)»: 90% книговедческих публикаций в Дальневосточном регионе связано с именем ДВГНБ [4].

Результатом изучения книжных редкостей стали публикации статей в различных изданиях, выступления специалистов с докладами на конференциях, подготовка и размещение библиографических материалов на сайте ДВГНБ www.fessl.ru в разделе «Книжные памятники края». Кроме этого, составлены каталоги, описаны и введены в научный оборот книжные памятники, хранящиеся в книжных собраниях библиотек на территории Хабаровска и Хабаровского края. Продолжается сотрудничество с Российской государственной библиотекой (г. Москва) по формированию Единого свода книжных памятников РФ, научно-прикладное исследование истории изданий региональной периодической печати XIX – начала XX века, хранящихся в ДВГНБ. Для жителей и гостей города проводятся профессионально подготовленные экскурсии по редкому фонду. Общее представление о редком фонде ДВГНБ можно получить, перейдя по ссылке www.fessl.ru/docs-downloads/RF/ST/R4/R4_13.pdf и просмотрев мультимедийную презентацию. Так библиотека популяризирует и раскрывает информацию о своих фондах.

Одним из достижений ДВГНБ в сфере изучения книжных памятников можно считать печатный каталог «Русские издания гражданской печати XVIII века в хранилищах Хабаровского края» [3], который, по мнению ведущих специалистов Российской государственной библиотеки, соответствует международным правилам описания старопечатных изданий и отвечает современным тенденциям в описании экземпляров. Рецензент: кандидат филологических наук И. Ю. Фоменко. Составители: Н. В. Радишаускайте, А. В. Воропаева, А. С. Даценко.

Сборник подготовлен сотрудниками Центра консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края ДВГНБ (далее — Центр) при поддержке Российской государственной библиотеки и издан на средства Федеральной целевой программы «Культура России (2006–2011 гг.)». Работа по созданию каталога велась в течение трёх лет. Сна-

чала сотрудниками Центра было проведено анкетирование учреждений, в которых предположительно могли находиться редкие книги и рукописи. Среди учреждений Хабаровского края, проявивших желание сотрудничать, было выявлено (помимо ДВГНБ) ещё три держателя изданий гражданской печати XVIII века. Описания книг из фондов этих четырёх учреждений и вошли в данный каталог.

Всего в сборнике отражено 142 экземпляра отечественных изданий XVIII века, хранящихся на территории Хабаровского края. Приведена подробная аннотация об особенностях исполнения каждого из них, описывается переплёт, его состояние и состояние книжного блока, в максимально приближенном к оригиналу виде воспроизводятся записи, приводится информация о штемпелях, штампах, экслибриках, имеющихся в книгах. Каталог снабжён вспомогательными указателями, облегчающими работу исследователей. Составители каталога делают вывод, что учреждения и библиотеки Хабаровского края располагают небольшим, но интересным собранием книг гражданской печати XVIII века, в котором преобладают издания по географии, этнографии, истории. Обращает на себя внимание относительно большое количество книг Петровской эпохи, напечатанных с 1708-го по 1725 год, среди них имеются подлинные редкости.

До начала работы над каталогом научное исследование изданий гражданской печати XVIII века в Хабаровском крае практически не проводилось: история бытования большинства экземпляров не была изучена, сведения об источниках поступления книг в фонды не сохранились, подробные описания особенностей экземпляров отсутствовали. В ходе составления каталога воссоздать полную картину бытования книг и их поступления в книгохранилища не представлялось возможным, в этом направлении специалистам, работающим с редкой книгой, предстоит ещё многое сделать.

Убедительным подтверждением статуса ДВГНБ, как ведущей библиотеки в регионе по работе с редкими изданиями, можно считать и выпущенный в 2004 году сборник статей о книжных раритетах библиотеки «Книжные памятники Дальневосточной государственной научной библиотеки» [1]. В нём собраны опубликованные материалы более чем за 50 лет (1948–2000 гг.). Составители: Т. В. Кирпиченко, Т. А. Щербакова, главный редактор: И. В. Филаткина. Члены редколлегии и авторы статей — сотрудники ДВГНБ, сибирских научных библиотек, журналисты.

При подготовке этого сборника проведены большие библиографические разыскания, чтобы собрать воедино максимально полное количество публикаций. По замыслу редколлегии сборника планировалось включить все собранные статьи, но в процессе работы выяснилось, что некоторые материалы, опубликованные в разных изданиях, дублируют по содержанию друг друга. Поэтому было принято решение

БИБЛИОГРАФИЯ

публиковать статьи из более авторитетного издания, а повтор отмечать в подстрочнике. В итоге в сборник вошло 120 статей, разместившихся на 382 страницах. Сбор материалов и подготовка сборника к печати продолжались более трёх лет, издание увидело свет в 2004-м, юбилейном для библиотеки, году. В издании сохранён стиль и форма, особенности изложения своего времени и эпохи. Материалы не подвергались редакторской правке, за исключением грубых опечаток.

В основу формирования разделов сборника легли два принципа: тематический и исторический. Всего в книге девять разделов. Первый об истории формирования фондов библиотеки, другие разделы составлены по тематическому принципу: «Старопечатные издания», «Петровская книга», «Книги о Российском Дальнем Востоке», «Революционная книга», «Книги на иностранных языках». Ещё два раздела посвящены известным историческим деятелям, внёсшим большой личный вклад в развитие и освоение Дальнего Востока: учёному, путешественнику М. И. Венюкову и генерал-губернатору Н. И. Гродекову.

Новый сборник «Книжные свидетели былых времён (редкие и ценные издания в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки)» [2] тематически и хронологически представляет собой продолжение указанного выше издания. В совокупности они — своеобразная антология статей о редких книгах ДВГНБ. Ответственный составитель сборника: Н. К. Лютова; составители: А. В. Воропаева, Н. Р. Радишаускайте. Главный редактор: Т. Ю. Якуба.

Настоящее издание подготовлено в целях широкого просвещения общественности, популяризации знаний о редких книгах ДВГНБ и распространения накопленного её сотрудниками значительного опыта работы по сохранению этого фонда.

Широкое транслирование информации, свободный доступ к ней, по мнению редколлегии и составителей сборника, возможны только на основе использования сети Интернет, поэтому сразу было определено, что сборник будет выпущен в формате сетевого электронного издания и размещён на официальном сайте ДВГНБ. Режим доступа: www.fessl.ru/resources/elektronnye-resursy/izdaniya-dvgnb.

Таким образом, к ресурсу обеспечивается круглосуточный доступ, а библиотека активно участвует в освоении виртуальной среды: интегрирует электронные ресурсы в российскую и мировую информационно-коммуникационную среду.

Новое издание включает работы, опубликованные за последние 16 лет (2001–2016 гг.) в сборниках международных, общероссийских, межрегиональных и региональных конференций, сборниках научных статей, библиотечных и других периодических изданиях. Авторами публикаций являются сотрудники библиотеки, в разное время занимавшиеся вопросами, связанными с редким фондом. 116 статей, отобранных для сборника, разместились на 864 страницах,

их количество, по решению составителей, ограничено тематикой и хронологией. Приоритет сделан в пользу публикаций, наиболее глубоко, всесторонне и достоверно раскрывающих тематику задуманного издания (то есть со ссылками, сносками на первоисточники и архивные материалы).

Тексты статей публикуются со схемами, таблицами, диаграммами, с сохранением особенностей стиля и формы изложения; они не подвергались редакторской правке, за исключением опечаток. К сожалению, фотографии, сопровождавшие материалы, не вошли в сборник.

В издание включены статьи, охватывающие такие аспекты работы с редким фондом, как его формирование, особенности описания и хранения, а также проблемы сохранности, способы популяризации и особенности использования. Значительное место в исследовательской работе занимают статьи, посвящённые изучению фонда региональных документов, отдельных книжных редкостей, связанных с Дальним Востоком или изданных на этой территории. Кроме того, в сборнике собраны материалы об актуальных проблемах библиотек края по сохранению книжных фондов, которые могут иметь практическое значение для специалистов — хранителей фондов.

Реализации цели составителей сборника способствовала и логически выстроенная архитектура издания, включающая три раздела:

1. Общие вопросы работы библиотеки с редкими и ценными изданиями.
2. Редкие и ценные издания Дальневосточной государственной научной библиотеки.
3. Сохранение книжного наследия.

В первом разделе собраны материалы, рассматривающие теоретические и практические вопросы. Его содержание отражает основные подходы в изучении редкой книги в отечественном книговедении и усилия центральной библиотеки Хабаровского края по раскрытию самой ценной части фонда библиотеки — «книжных редкостей», в том числе регионального значения, и совершенствованию работы с ним.

Второй раздел содержит публикации об изучении редких и ценных изданий и их особенностей, о рукописных документах и фотоальбомах, книжных коллекциях в фондах ДВГНБ. Они собраны в тематические подразделы: «Кириллические издания», «Книги из личных собраний», «Книги из библиотек учреждений и тематических коллекций», «Редкие и ценные издания в специализированных фондах ДВГНБ», «Книги с экслибрисами, инскриптами», «Книги на иностранных языках», «Рукописные документы и фотоальбомы». В подразделе «Материалы о Дальнем Востоке» собран материал регионального содержания, расположенный по видам: «Книжные издания», «Региональные журналы».

Третий раздел состоит из самостоятельного комплекса материалов по сохранности библиотечных фондов и разделён

на две части. В первую из них вошли статьи о создании и работе центра консервации в ДВГНБ, во вторую — об условиях хранения редких документов в библиотеках Хабаровского края и о реставрации отдельных книг. Надо сказать, что достижение высоких результатов ДВГНБ по организации работы в области консервации и реставрации стало возможным благодаря тесному сотрудничеству с Федеральным центром консервации библиотечных фондов Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург). В этом разделе авторами публикаций кроме сотрудников ДВГНБ являются его ведущие специалисты Н. И. Подгорная и Н. Ю. Мамаева.

В конце сборника расположен алфавитный указатель статей о редких и ценных изданиях в фондах ДВГНБ за 2001–2016 годы. В нём к каждой статье сборника указан источник, где она была напечатана впервые. Работы, не вошедшие в сборник, отмечены значком*.

Кроме этого, сборник имеет приложение, в которое включены 17 мультимедийных презентаций, подготовленных авторами для публичных выступлений. Они призваны дополнить представление о тематике проводившихся исследований.

Особенность настоящего сборника в том, что это — сетевое электронное издание, предназначенное для ознакомления широкого круга пользователей с книжными редкостями, хранящимися в центральной библиотеке Хабаровского края, и опытом работы с ними квалифицированных специалистов. Думается, что современный формат издания расширит его использование, материалы сборника будут способствовать развитию новых научных подходов к изучению книги, стимулировать интерес профессиональной среды к дальнейшей работе, популяризировать новые знания среди широких кругов читателей и пользователей Интернета, интересующихся историей Хабаровского края и историей книги.

Сборник «Книжные свидетели былых времён (редкие и ценные издания в фондах Дальневосточной государствен-

ной научной библиотеки)» уже получил признание и высокую оценку на региональном уровне: он удостоен премии губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства 2017 года в номинации «За научно-исследовательскую работу в области культуры и искусства, музейную и просветительскую деятельность».

Издание удостоено также серебряной медали XX Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный двор-2017» (конкурс печатной и полиграфической продукции, номинация «Лучшее электронное издание»). Кроме этого, в конкурсе Сахалинской области на «Лучшее краеведческое издание» этот труд ДВГНБ получил диплом победителя конкурса в номинации «Электронное краеведческое издание».

В завершение следует отметить, что разнообразие тем, освещаемых в описанных выше сборниках, позволяет заинтересованному читателю получить достаточно полное представление о редких и ценных изданиях ДВГНБ, самых разных аспектах работы библиотеки в этом направлении. Специалистами, изучающими книгу, в научный оборот вводятся всё новые, неизвестные ранее сведения о книжных богатствах региона. Исследователи редкой книги ДВГНБ проявляют интерес к геополитическим, историко-краеведческим и тематическим аспектам изучения книжных фондов края. Сотрудники ДВГНБ ведут кропотливую археографическую работу, изучают частные собрания в составе своих фондов, сохранившиеся автографы и маргиналии, владельческие книжные знаки.

На наш взгляд, выпуск подобных сборников выполняет не только задачи по просвещению общественности, популяризации знаний о редких книгах ДВГНБ, но и демонстрирует результаты исследований специалистов библиотеки за определённый промежуток времени. Это благодаря их плодотворному труду сведения о редких книгах становятся известными широкому кругу читателей.

Список использованных источников

1. Книжные памятники Дальневосточной государственной научной библиотеки / редкол.: И. В. Филаткина (гл. ред.) и др.; сост.: Т. В. Кирпиченко, Т. А. Щербакова. — Хабаровск: ДВГНБ, 2004. — 382 с.: ил.
2. Книжные свидетели былых времён (редкие и ценные издания в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки) / редкол.: Т. Ю. Якуба (гл. ред.) [и др.]; сост.: А. В. Воропаева, Н. К. Лютова, Н. В. Радишаускайте. — Хабаровск, ДВГНБ, 2017. — 864 с.; [Электронный ресурс] // Сайт Дальневосточной государственной научной библиотеки. — Режим доступа: <https://fessl.ru/KSBV2017/>.
3. Русские издания гражданской печати XVIII века в хранилищах Хабаровского края: каталог / сост. Н. В. Радишаускайте, А. В. Воропаева, А. С. Даценко. — Хабаровск: ДВГНБ, 2010. — 140 с.: 8 л. ил.
4. Собрания книжных памятников (редких и ценных изданий) в библиотеках, музеях и архивах Российской Федерации [Текст]: библиогр. указ. (1917–2014) / Рос. гос. б-ка, Науч.-исслед. отд. редких кн. (Музей книги); [отв. сост. Л. И. Фурсенко; сост.: О. А. Грачёва, Н. Г. Ромашева; послесл. А. Ю. Самарина]. — Изд. 4-е, перераб. и доп. — Москва: Пашков дом, 2015. — 627 с.

Материал поступил в редакцию 07.11.2017 г.

Сведения об авторе: Лютова Надежда Константиновна, специалист по учётно-хранительской документации Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).

НАУМОВА РАИСА ВЯЧЕСЛАВОВНА

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлен библиографический обзор коллекции научно-популярных изданий краеведческой тематики по истории Сахалина и Курильских островов, которая была передана Сахалинской областной универсальной научной библиотекой (г. Южно-Сахалинск) в дар Дальневосточной государственной научной библиотеке (г. Хабаровск).

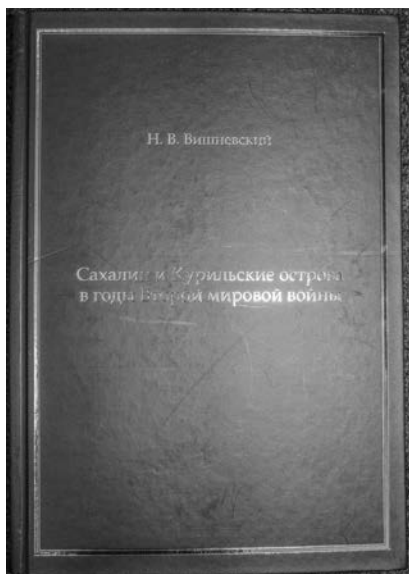
Ключевые слова: Сахалин и Курилы, Сахалинская областная универсальная научная библиотека, ДВГНБ, краеведение, книгоиздание.

Keywords: Sakhalin and The Kuril Islands, Sakhalin Regional Universal Scientific Library, FESSL, Local history, book publishing.

Сахалинская областная универсальная научная библиотека в 2016 году передала на безвозмездной основе коллекцию новых краеведческих книг по истории Сахалина и Курильских островов в фонд Дальневосточной государственной научной библиотеки. Все пять подаренных изданий вышли в свет в рамках реализации программы «Развитие сферы культуры Сахалинской области на 2014–2020 годы» и отражают научно-издательскую деятельность подведомственных учреждений, учёных, краеведов, деятелей культуры и искусства Сахалинской области.

За последнее десятилетие колоссально выросла издательская культура этого островного региона, значительно повысился уровень полиграфического исполнения и видовой структуры печатных изданий. Золотой фонд регионального книгоиздания составляет историческая и краеведческая литература. Сахалинская область демонстрирует высокую издательскую активность, за что заслуженно получила огромное количество медалей, дипломов на всероссийских и региональных выставках-ярмарках за последние десять лет.

Представляем вниманию читателей краткий библиографический аннотированный перечень научно-популярных краеведческих изданий, с которыми можно подробно познакомиться в отделе краеведческой литературы Дальневосточной государственной научной библиотеки.

Вишневский, Н. В. Сахалин и Курильские острова в годы Второй мировой войны : крат. энцикл. справ. / Н. В. Вишневский ; Сахал. обл. универс. науч. б-ка. — Изд. 3-е, доп. — Москва : Буки Веди, 2016. — 272 с. : ил.

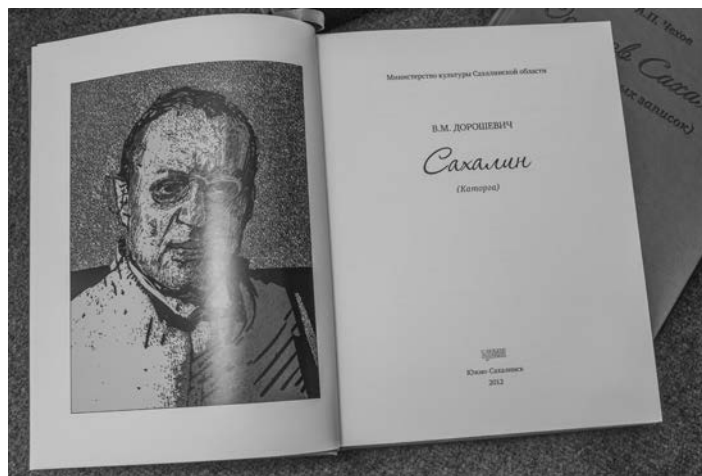
Научно-справочное издание подготовлено в рамках реализации программы по изданию социально значимой краеведческой литературы в Сахалинской области. Его назначение — систематизация сведений о Сахалине и Курильских островах периода Второй мировой войны. Хронологический охват материала в справочнике — с 1937-го по 1945 год. Всего справочник включает в себя 237 статей. Издание персонифицированное, значительный объём информации посвящён людям, проживавшим и работавшим (служившим) на Сахалине в те годы и

оставившим свой след в его истории, активно участвовавшим в хозяйственном и военном строительстве, героически проявившим себя в войне с милитаристской Японией в 1945 году.

При создании данного справочника использовались архивные документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Центрального пограничного архива ФСБ РФ, Государственного исторического архива Сахалинской области и архива Сахалинского областного краеведческого музея. Необходимо отметить, что в справочник включены оригинальные статьи ранее не публиковавшихся документов.

Автор-составитель справочника Н. В. Вишневский в своём предисловии отмечает: «Японский инцидент, начавшийся 7 июля 1937 года и переросший в очаг Второй мировой войны на Дальнем Востоке, несмотря на его кажущуюся отдаленность, тем не менее, оказывал огромное влияние на события, происходившие в те годы, как на советской части Сахалина, так и на японской его части и Курильских островах. Это была жизнь в ожидании неизбежной войны между СССР и Японией. В конечном итоге этот нарыв лопнул в августе – сентябре 1945 года, когда, исполняя свои союзнические обязательства, Советский Союз присоединился к Тихоокеанской войне против милитаристской Японии. В ходе этой войны советскими войсками были проведены Южно-Сахалинская наступательная операция и десантные операции на Курильских островах, ставшие последними вехами в её истории. Событиям и людям того времени посвящён этот справочник».

Книга предназначена широкому кругу читателей: ветеранам, школьникам, студентам, военнослужащим, краеведам, учёным-историкам, работникам библиотек.

Дорошевич, В. М. Сахалин. Каторга / В. М. Дорошевич ; М-во культуры Сахал. обл. — Южно-Сахалинск : Рубеж, 2012. — 383 с. : ил.

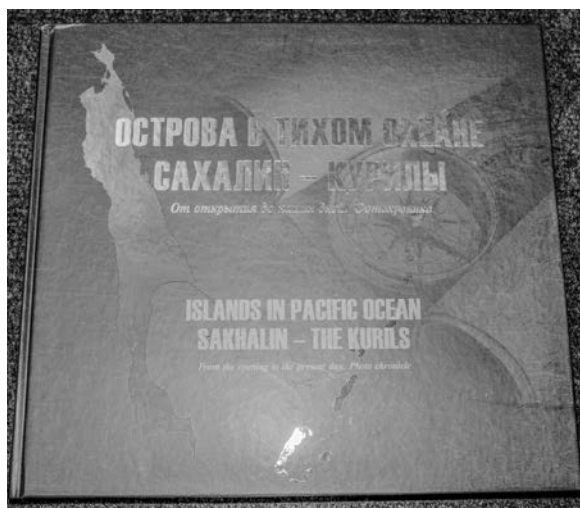
Великолепное иллюстрированное подарочное издание в футляре «В. М. Дорошевич. “Сахалин. Каторга”» было выпущено Тихоокеанским издательством «Рубеж» в 2012 году.

БИБЛИОГРАФИЯ

Полостные иллюстрации к нему сделал за несколько месяцев один автор — известный живописец Владимир Старовойтов, родившийся на Сахалине и живущий ныне во Владивостоке. Особо надо отметить, что данная книга впервые за более чем сто лет публикуется без сокращений, по изданию 1903 года.

Отдельная страница творческой биографии Дорошевича — поездка на Сахалин, туда он отправился в 1897 году, работая репортёром в «Одесском листке». Итогом этого путешествия стал очерк «Каторга». «В нем правдиво описан весь быт каторжных. А главное — жуть и безысходность, которые ждали их на Сахалине. Причем не только заключенных, но и свободных местных жителей. Дорошевич рассказывает массу историй о преступлениях, за которыми в деталях проступают человеческие судьбы попавших сюда каторжан. В 1903 году он собирает это в единую книгу очерков «Сахалин», которая сыграла не последнюю роль в формировании революционных настроений накануне 1905 года. Книгу запрещали и изымали, но волна уже была запущена», — так пишет Влас Дорошевич, русский журналист, публицист (с его биографией и творчеством подробнее можно ознакомиться на FB.ru — <http://fb.ru/article/286548>).

Впервые более чем за сто лет опубликованное в оригинальном варианте произведение блестящего журналиста Дорошевича написано чрезвычайно ярко и правдиво. И по сей день книга не потеряла научной и документальной ценности и продолжает занимать одно из первых мест в ряду материалов для изучения преступного мира конца XIX столетия, является одной из ранних работ о Сахалине.

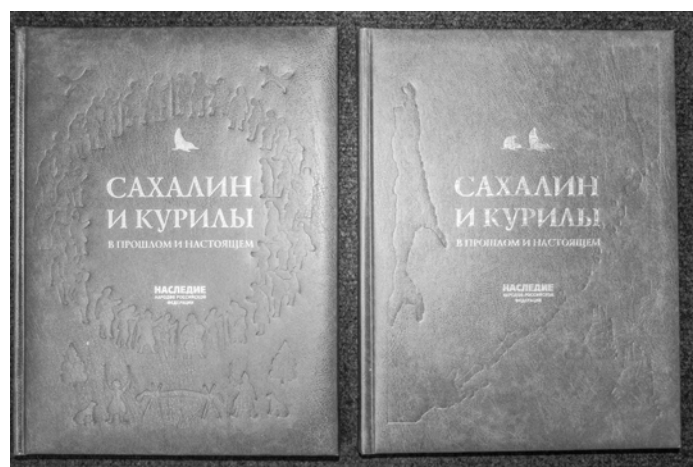
Острова в Тихом океане. Сахалин — Курилы = Islands in Pacific ocean. Sakhalin — The Kurils : от открытия до наших дней, фотохроника / [ред.-сост., авт. текста А. В. Тарасов ; фот.: В. Волянюк и др.]. — Южно-Сахалинск : Сахалин — Приамурские ведомости, 2014. — 193, [6] с.

Роскошное иллюстрированное издание в виде фотохроники выпущено в 2014 году издательством «Сахалин — Приамурские ведомости» и представляет исторический

экскурс освоения и развития Сахалинской области с большой ретроспективой уникальных фотодокументов. Эта книга-фотоальбом раскрывает многообразие островного региона. Неповторимого по расположению (на 59 островах в Тихом океане), по природным богатствам и полезным ископаемым (от редких металлов до углеводородов) и историческому прошлому.

Авторы издания не претендуют на научную глубину фоторассказа, хотя, конечно же, при подготовке издания использовались труды известных сахалинских историков, краеведов, документы архивов и фотоархивы госструктур и краеведческих музеев, личные фотоархивы фотожурналистов, работавших над этой темой.

Задача составителей фотоальбома была в другом — совершить увлекательное путешествие по историческому прошлому региона, используя хронику и архивные материалы. В краткой фотохронике, где за каждым фотокадром прошлых лет, за каждой строкой стоят люди, проявлявшие отвагу, мужество и оптимизм, упорство и стойкость в достижении цели, показать исторические периоды жизни островов без политических пристрастий. Но самое главное — дать почувствовать дух времени, настрой поколений первооткрывателей, а затем и созидателей.

Сахалин и Курилы в прошлом и настоящем : [в 3 т.] / [М. М. Прокофьев и др. ; гл. ред. и сост. А. М. Тарунов]. — Москва : НИИЦентр, 2015 — . — (Наследие народов Российской Федерации ; ...).

Кн. 1: Древние культуры и коренные народы Сахалина. — 319, [1] с. : ил., карты, портр., факс., цв. ил. — (... ; вып. 20 (№ 65).

Настоящий выпуск подготовлен и издан в прекрасной историко-этнографической серии «Наследие народов Российской Федерации» и представляет собой начало повествования о Сахалинской области под общим названием «Сахалин и Курилы в прошлом и настоящем». Первая книга на эту тему посвящена далёкому прошлому Сахалина

и Курильских островов, а также культурному наследию, созданному коренными малочисленными народами, как жившими на островах до недавних пор, так и проживающими ныне. Речь идёт о нивхах (гиляках), уильта (ороках) и, безусловно, о загадочных айнах.

Книга первая «Древние культуры и коренные народы Сахалина» состоит из 4-х самостоятельных глав. Первая глава «Лучший из всех прочих» посвящена айнам — народу, с давних времён населявшему Южный Сахалин и Курильские острова. Сейчас в нашей стране проживает крайне незначительное число потомков айнов, поэтому в Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации нет упоминания о них. Чистокровные айны и их язык практически исчезли из культурного пространства за последние 50 лет. Память об этом народе Сахалина сохранилась благодаря экспозиции Сахалинского областного краеведческого музея, трудам российских исследователей аборигенной культуры, в том числе материалам доктора исторических наук А. А. Василевского, историка М. М. Прокофьева, кандидата исторических наук О. А. Шубиной. Своим внешним обликом островитяне разительно отличались от окружавших их азиатских народов, они имели почти европейскую внешность. Для мужчин были характерны роскошные окладистые бороды, а женщины украшали свои лица татуировкой. Потрясённые первопроходцы называли айнов «мохнатыми курильцами». Мелодичный айнский язык не походил ни на один в мире. Самобытный народ, к настоящему времени давно покинувший родные острова и практически растворившийся среди японского населения, оставил богатейшие материальные свидетельства своего существования.

В относительно недавнем прошлом ороки (народ тунгусо-маньчжурского происхождения), занимая в основном среднюю низменную часть острова, составляли значительную долю аборигенов Сахалина. Этому народу посвящена вторая глава «Последние из могикиан Сахалина». В отличие от других коренных жителей острова ороки были оленеводами, они использовали оленей для верховой езды, а также впрягали в нарты. Кроме того, ороки считались отличнейшими охотниками, а те, кто жил на побережье, ещё и отменными рыбаками. Жизнь этого народа, называемого в наши дни согласно их самоназванию «уильта», всегда представляла собой борьбу за выживание. Сегодня на острове осталось немногим более 300 наследников исконных сахалинских оленеводов.

«Люди на вёслах» — так называется третья глава первой книги, посвящённая нивхам, численность которых на Сахалине и Нижнем Амуре не превышает пяти тысяч. До недавнего времени этот народ был известен под названием «гиляки», что можно перевести как «люди на вёслах». Само название этноса — нивх — означает «человек». Это малочисленный народ палеоазиатского происхождения

веками жил на побережье Сахалина и вёл традиционный образ жизни. Его существование и по сей день связано с морем и лодкой, добычей рыбы и охотой на морского зверя.

Четвёртая глава «Во мгле тысячелетий» раскрывает тайны древностей Сахалина и Курильских островов, которые привлекают внимание учёных с конца XIX века. Найдено множество археологических объектов новокаменного века и эпохи палеометалла, говорящих о том, что эти территории имели постоянное население уже 5–6 тысяч лет назад. Сенсацию произвела недавняя находка следов обитания ещё более древнего человека (около 200 тысяч лет назад) на стоянке Сенная на Южном Сахалине. Мощный импульс изучению древностей Сахалина придало освоение нефтегазовых площадей на Сахалинском шельфе и связанное с этим строительство трубопроводов, которые пересекли остров вдоль и поперёк.

Кн. 2: Начало освоения острова Сахалин. — 319, [1] : ил., карты, портр., факс., цв. ил. — (... ; вып. 21 (№ 65).

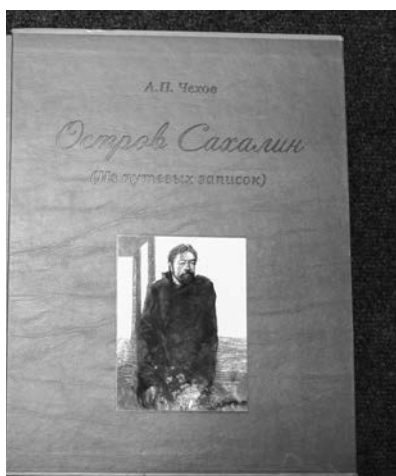
«Перед вами вторая книга “Начало освоения острова Сахалин” начатого повествования о памятниках истории и культуры Сахалинской области. Она начинается с эпохи географических открытий и утверждения на острове Сахалин российского флага. Не забыта и роль в изучении и освоении этого острова ближайшими соседями — японцами. Большинство очерков поделится с составителями книги известный знаток Сахалинской области Игорь Самарин. Другие главы посвящены оказавшемуся бесперспективному опыту размещения на далёком острове всероссийской каторги и деятельности японцев, захвативших Южный Сахалин в 1905 году» — это обращение к читателям Алексея Тарунова, главного редактора серии «Наследие народов Российской Федерации».

В пятой главе «К неведомым берегам» описано плавание голландца Маартена Герритсена де Фриза в XVII веке, которое не привело к открытию острова Сахалин, но дало толчок европейской географической науке, представители которой спешили стереть оставшиеся белые пятна с карты земного шара. Первым европейцем, ступившим на остров Сахалин, стал французский командор Лаперуз. Его именем назван широкий пролив, отделяющий Сахалин от Хоккайдо. Посещали остров с торговыми целями многие японцы, а некоторые всесторонне изучали его. Но приоритет на владение островом остался за Россией благодаря энергии морских офицеров во главе с капитаном Невельским.

Шестая глава «Остров отверженных» посвящён каторжному периоду в истории Сахалина. Русское правительство с конца 1850-х годов искало способы закрепления острова за Россией. Бытовало мнение, что колонизировать Сахалин в силу его географического положения и суровости климата можно только принудительно. На далёком острове, куда ссылали главным

БИБЛИОГРАФИЯ

образом отпетых воров и убийц, была создана всероссийская каторга. В окружении диких опустившихся людей сохраняли силу духа политические ссыльные. Среди них нашлись такие, которые посвятили дальнейшую жизнь изучению быта аборигенов края — айнов и нивхов. Столицей каторги считался Александровский пост, где наряду с тюрьмой размещалась тюремная администрация, находился главный тюремный храм. Здесь была ключом общественная жизнь, действовал даже музей. Летом 1905 года на острове появились японские оккупанты. Сопrotивление захватчикам оказали лишь три небольших отряда сахалинских партизан, погибших в неравной схватке. В наши дни сахалинские поисковики обнаружили материальные свидетельства событий столетней давности.

Чехов, А. П.
*Остров Сахалин :
(из путевых записок) /
А. П. Чехов ; М-во
культуры Сахал. обл. —
Южно-Сахалинск : Ру-
беж, 2012. — 239 с. : ил.*

Приморским издательством «Рубеж», одним из самых рейтинговых издательств Дальневосточного региона, впервые подготовлено и выпущено в свет иллюстрированное издание книги Антона Павловича Чехова «Остров Сахалин», посвящённое 65-летию образования Сахалинской области.

«В 1890 г. уже завоевавший всероссийскую славу Чехов предпринял беспрецедентное для своего времени путешествие — через всю Россию на «каторжный» остров Сахалин. Писатель хотел противопоставить официальной точке зрения на сахалинскую действительность объективное ее исследование; нарисовать правдивую, основанную на точных фактах, картину русской каторги; пробудить в обществе внимание к «месту невыносимых страданий». Результатом поездки стали книги «Из Сибири» и «Остров Сахалин», которые буквально потрясли всю читающую Россию.

«Если бы господин Чехов ничего не написал более, кроме этой книги, имя его навсегда было бы вписано в историю русской литературы», — так оценивали газеты «Остров Сахалин». А вскоре произошло редкое для России событие: после выхода книги и громкого общественного резонанса правительство было вынуждено реформировать законодательство о содержании каторжан и ссыльных» — читаем мы о знаменитом произведении А. П. Чехова на сайте электронной библиотеки PROFILIB.

Путевые заметки А. П. Чехова «Остров Сахалин» впервые выпущены в подарочном варианте, с богатым иллюстративным рядом известного художника Владимира Старовойтова, в большом формате и твёрдом переплётe. Данный издательский проект можно рассматривать как современный полиграфический шедевр альбомного формата, всё совпало в одном проекте: текст классика русской литературы, качественная печать, художественное оформление, упаковка. Коллекционная ценность такого издания со временем будет только расти. Отрадно нам, специалистам-книжникам, сознавать, что такие блестящие издательские проекты обретают жизнь на далёких дальневосточных рубежах.

*Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 11.04.2018 г.*

Сведения об авторе: Наумова Раиса Вячеславовна, заместитель генерального директора Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: rnaumova@mail.ru; тел. (4212) 32-72-20.

1.18. РУССКОЕ АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В КИТАЕ

Н. П. Крадин

В данном разделе излагаются результаты исследования, выполненные при финансовой поддержке гранта РГНФ в 2000–2001 гг., хотя данной темой автор активно занимается с середины 1990-х гг.¹ Архитектура русского зарубежья как проблема не рассматривалась до этого времени не только в широком, но и в узком ракурсе в силу объективных причин, в том числе и политического характера. Единственное в данном плане диссертационное исследование Троицкой Т. Ю.² об особенностях архитектуры КВЖД не только положило начало разработке отмеченной проблематики, но и привлекло к теме внимание других исследователей истории отечественной архитектуры. Некоторое отношение к данной проблеме имеет также диссертационная работа Кротовой М. Ю.³ В условиях отсутствия материалов трудно рассчитывать на глубокую разработку темы во всем ее многообразии, поэтому на начальном этапе ставилась задача собрать как можно больше информации, чтобы представить общую картину развития русской архитектуры в Харбине, где в большей степени были сосредоточены и строительство, и архитектурно-инженерные кадры. Нельзя не согласиться с М. Ю. Кротовой, отмечавшей, что "изучение ...

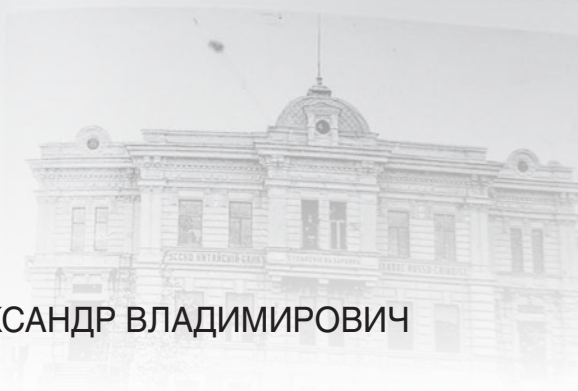
мирования уникального типа города, русского зарубежья"⁴. Железнодорожная инфраструктура, представляющая собой многочисленные публикации по историческому событию, состоит из договора с Китаем, русскими и широкомасштабно возводилась для ее функционирования, позволяя в кратчайшие сроки почти в 2,5 тысячи километров, которые выделялись узловыми и дорогами стали города Порт-Артура, представляется немалый интерес, прежде всего, в частности, любопытен своим ое поселение с разнообразными градостроительная структура. Исследовался, под воздействием каких факторов, а именно, что общего между ними

ПАСМУРЦЕВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

ЧАСТЬ I. ТВОРЧЕСКИЕ БИОГРАФИИ АРХИТЕКТОРОВ И ИНЖЕНЕРОВ

Русско-Китайский Банк, общий вид, г. Харбин

Русско-Китайский Банк, главный фасад, г. Харбин

ПОВЕСТВОВАНИЕ О РУССКИХ ИНЖЕНЕРАХ И АРХИТЕКТОРАХ, ОБУСТРАИВАВШИХ КИТАЙ В XIX–XX ВЕКАХ

В материале даётся информация о новой книге профессора Николая Петровича Крадина, авторитетного отечественного специалиста по истории архитектуры и градостроительства. В рецензируемом издании рассказывается о деятельности русских архитекторов и инженеров, работавших в конце XIX – первой половине XX века на территории Китая, а также приведены персоналии 780-ти российских специалистов-эмигрантов.

Ключевые слова: Н. П. Крадин, история архитектуры и градостроительства, русские инженеры и архитекторы, Китай, русская эмиграция.

Keywords: N. P. Kradin, History of Architecture and Urban Planning, Russian engineers and architects, China, Russian emigration.

Время, как известно, безжалостно. И его неумолимое течение уносит не только людей, но и память о сделанном ими, даже если это были выдающиеся личности и их творения неординарны. Так, к сожалению, случается и в самых «ориентированных на Вечность» сферах человеческой деятельности — в архитектуре и градостроительстве. Любуясь монументальными сооружениями минувших времён, не только мы, обыватели, но даже специалисты с трудом могут отыскать и назвать имена авторов впечатляющих нас творений. Но, к счастью для сегодняшних и особенно для будущих поколений, находятся люди — истинные подвижники, которые не жалеют времени и сил своих, чтобы восстановить забытые имена.

К таким Хранителям знаний о прошлом можно, без всякого сомнения, отнести и Николая Петровича Крадина — доктора архитектуры, профессора, члена-корреспондента Российской академии архитектуры и строительных наук, заслуженного архитектора Российской Федерации. Это человек огромных дарований и специалист с широчайшим кругозором. И неслучайно в сфере его особого внимания оказалась история архитектуры, градостроительства, инженерного дела, да и художественной культуры обширнейшего региона нашей планеты, включающего Сибирь и Дальний Восток России, а также Китай как территорию приложения сил, интеллекта и творческих талантов представителей российских архитектурно-художественных школ и направлений.

Выдающимися явлениями российской культуры и книгоиздания давно стали многие труды профессора Николая Крадина — «Русское деревянное оборонное зодчество», «Архитектура и архитекторы Хабаровска», «Старый Хабаровск: портрет города в дереве и камне», «Харбин — русская Атлантида», «Художники Дальнего Востока», «Русские художники в Китае». Всего же в его активе два с половиной десятка книг и более 600 статей. Не говоря уже о том, что наряду с этим Николай Петрович — автор большого числа проектов строительства и реконструкции архитектурных сооружений в России и Китае и учитель целой плеяды дальневосточных архитекторов.

Но всё сказанное выше — лишь необходимое предисловие к главной новости. Она связана с выходом в свет очередной книги профессора Николая Крадина — «Русские инженеры и архитекторы в Китае».

Этот том не только плод многолетних (точнее, многодесятилетних) исследовательских трудов и глубочайшего проникновения в тему. Николай Петрович считает его ещё одним важным шагом в реализации взятой на себя миссии. Суть её — восстановить, сберечь и донести до грядущих поколений память о деяниях предшественников — русских гражданских и военных инженеров и зодчих, строивших

города и объекты транспортной инфраструктуры как на новоприобретённой дальневосточной окраине Российской империи, так и на просторах соседней Маньчжурии, да и в других регионах Китая. И за счёт этого наладить ещё один канал культурного взаимодействия между Россией и Китаем, двумя странами-соседями и партнёрами.

*Крадин, Н. П.
Русские инженеры и архитекторы в Китае / Н. П. Крадин. — Хабаровск : АО «Хабар. краев. тип.», 2018. — 380 с. : ил.*

Книга «Русские инженеры и архитекторы в Китае» — также своеобразный отчёт о деятельности Н. П. Крадина, подготовленный им к важным жизненным рубежам: 80-летию со дня рождения и 45-летию его преподавательской деятельности в Тихоокеанском государственном университете (г. Хабаровск).

Первая часть книги («Творческие биографии архитекторов и инженеров») посвящена деятельности наиболее ярких представителей русской архитектурно-инженерной диаспоры в Китае, начавшейся в конце XIX века и продолженной в период эмиграции после 1917 года. В числе тех, о ком обстоятельно рассказывает автор, первый архитектор Китайско-Восточной железной дороги А. К. Левтеев, мостостроитель П. И. Лаппо-Старженецкий (кстати, он ещё и участник сооружения моста через Амур в Хабаровске), авторы многих архитектурных сооружений в Харбине: С. А. Венсан, Б. М. Тустановский, Ю. П. Жданов и другие их коллеги. Там же даётся развёрнутый обзор и представлена подробная характеристика различных направлений профессиональной деятельности выходцев из России, в том числе по созданию системы архитектурного образования в Китае. Один из разделов повествует о судьбе русского архитектурного наследия в этой стране. Первая часть книги богато иллюстрирована — представлены фотографии как сохранившихся, так и, к сожалению, уже утраченных архитектурных сооружений, их чертежи и планы, карты градостроительной деятельности. Неслучайно в своих научных экспедициях в Китай профессор Н. Крадин не расстаётся

с фотоаппаратом, а также, работая в зарубежных архивах и библиотеках, обязательно делает зарисовки и копии найденных раритетных документов.

Но всё-таки наиболее важной, с точки зрения сохранения исторической памяти, без сомнения, является вторая часть книги — «Биографический словарь русских архитекторов и инженеров в Китае». В ней представлена информация о судьбах и результатах деятельности более чем 780 (!) наших соотечественников-эмигрантов, работавших в соседней стране. Немало имён возвращено из забвения и представлено нам, читателям, именно благодаря неустан-

ным поискам Н. П. Крадина. Это — результат многолетнего кропотливого труда профессора в архивах России, Китая и США, изучения личных дел зодчих и градостроителей, ставших героями новой книги, посвящённых им публикаций в сотнях номеров старых газет и журналов, а также встреч и переписки с их потомками.

Так что благородную подвижническую миссию — сохранить и обнародовать огромный пласт русского культурного наследия, волею судеб «перекочевавшего» в Китай в XX веке, Николай Крадин продолжает выполнять с неизменным успехом.

*Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 28.04.2018 г.*

*Сведения об авторе: Пасмурцев Александр Владимирович, редактор пресс-центра Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск), руководитель российско-китайских издательских проектов, историк, журналист — главный редактор журнала «Мой университет» и интернет-журнала «Librarium-DV», полковник запаса.
Контактные данные: e-mail: aleksandr.pasmurcev@mail.ru; aleksandr713@mail.ru; тел. 8-914-774-78-47.*

Информация для авторов

Общие требования к авторским материалам

Материалы для публикаций отбираются с учётом актуальности тематики, научно-практической значимости, логичности изложения текста в соответствии с профилем журнала и его стилем. Печатаются оригинальные материалы, не публиковавшиеся ранее, в виде статей, сообщений, аналитических обзоров, рецензий, библиографических указателей и списков.

Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты и список использованных источников — выверены. Авторы несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

Требования к содержанию и объёму

Объём рукописи не должен превышать 1,0 авт. л. (40 000 печатных знаков, включая знаки препинания, цифры и пробелы между словами, а также список использованных источников, таблицы, рисунки и фотографии). Статьи большего объёма могут разбиваться на части для публикации в двух и более номерах журнала.

Присланный в редакцию материал должен быть снабжён аннотацией, раскрывающей его содержание, на русском и английском языках.

К статье должен прилагаться перечень ключевых слов, т. е. понятий, используемых в статье, на русском и английском языках.

Обязательно наличие цифрового фото автора (требования: портретное фото в формате JPEG с разрешением не менее 300 pixels) и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

- фамилия, имя, отчество;
- занимаемая в настоящее время должность и место работы;
- учёная степень;
- учёное звание;
- контактный телефон (рабочий, мобильный);
- e-mail.

Технические требования к оформлению рукописи

Все таблицы, иллюстрации, рисунки и фотографии должны иметь порядковый номер и заголовок. Иллюстрации, рисунки, фотографии не включаются в текст, а предоставляются в виде отдельного приложения (рис. 1, рис. 2 и т. д.). В тексте на таблицу, иллюстрацию, рисунок и фотографию должна быть дана ссылка. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

Цитаты тщательно сверяются с первоисточниками.

Рукопись должна быть тщательно вычитана. Обращаем внимание авторов на соблюдение ряда **требований при наборе текста**:

- Необходимость использования буквы ё.
- Правильное применения **дефиса** (-), тире (–) и длинного тире (—):

Дефис (-) — орфографический знак переноса, который разделяет части слова. Графически дефис короче тире. Он делит слово на

слоги при переносе на новую строку, а также делит части составных слов, например: юго-запад, Мамин-Сибиряк, Ростов-на-Дону. Также через дефис пишутся сокращения *о-во* (общество), *д-р* (доктор) и т. д. Дефис используется для присоединения некоторых приставок или частиц к слову: скажи-ка, по-английски. Через дефис пишутся частицы -то, -либо, кое-, -нибудь.

Дефис пишется слитно со словами как предшествующими ему, так и с последующими.

Тире (–) проставляется одновременным нажатием клавиш Ctrl+знак (–) в верхнем правом углу на дополнительной клавиатуре, а длинное тире (—) проставляется одновременным нажатием клавиш Ctrl+ Alt +знак (–) в верхнем правом углу на дополнительной клавиатуре.

Тире ставится между цифрами (без пробелов), например, 5–10; 2013–2014 годы, XIX–XX века. Пробелы ставятся в том случае, когда тире стоит между цифрой и словом, например: начало 2013 – конец 2014 года.

В остальных случаях ставится **длинное тире** (—), которое от окружающих слов отделяется пробелами.

При маркировании списка в тексте используются не дефисы, а только тире.

Оформление списка использованных источников

Список использованных источников является необходимым элементом оформления научной статьи. Основные правила составления списка:

- список помещается в конце статьи;
- в список не включаются источники, на которые нет ссылок в основном тексте и которые фактически не были использованы;
- в начале списка располагаются официальные документы (федеральные законы, указы президента, постановления, положения, приказы и т. д.). Внутри группы однотипных документов описание располагается по хронологии;
- далее — остальные источники в алфавитном порядке по фамилии автора или названия (если автор не указан);
- если в списке литературы есть источники на иностранных языках, то они располагаются после изданий на русском языке также в алфавитном порядке;
- в тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках, соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы: [5], [24, с. 7–8];
- нумерация в списке сквозная (от 1 до ***).

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Электронная версия статьи присылается по электронной почте: volkotrubova.olga@yandex.ru.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку или не принимать их к опубликованию.

Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материала разрешается только по согласованию с редакцией,
ссылка на журнал «Культура и наука Дальнего Востока» обязательна.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Предпечатная подготовка и печать
ООО «Омега-Пресс».
Хабаровск, ул. Промышленная, 8б.
Формат 60x90/8. Бумага офсетная. Заказ № 530.
Тираж 500 экз.
Цена свободная.